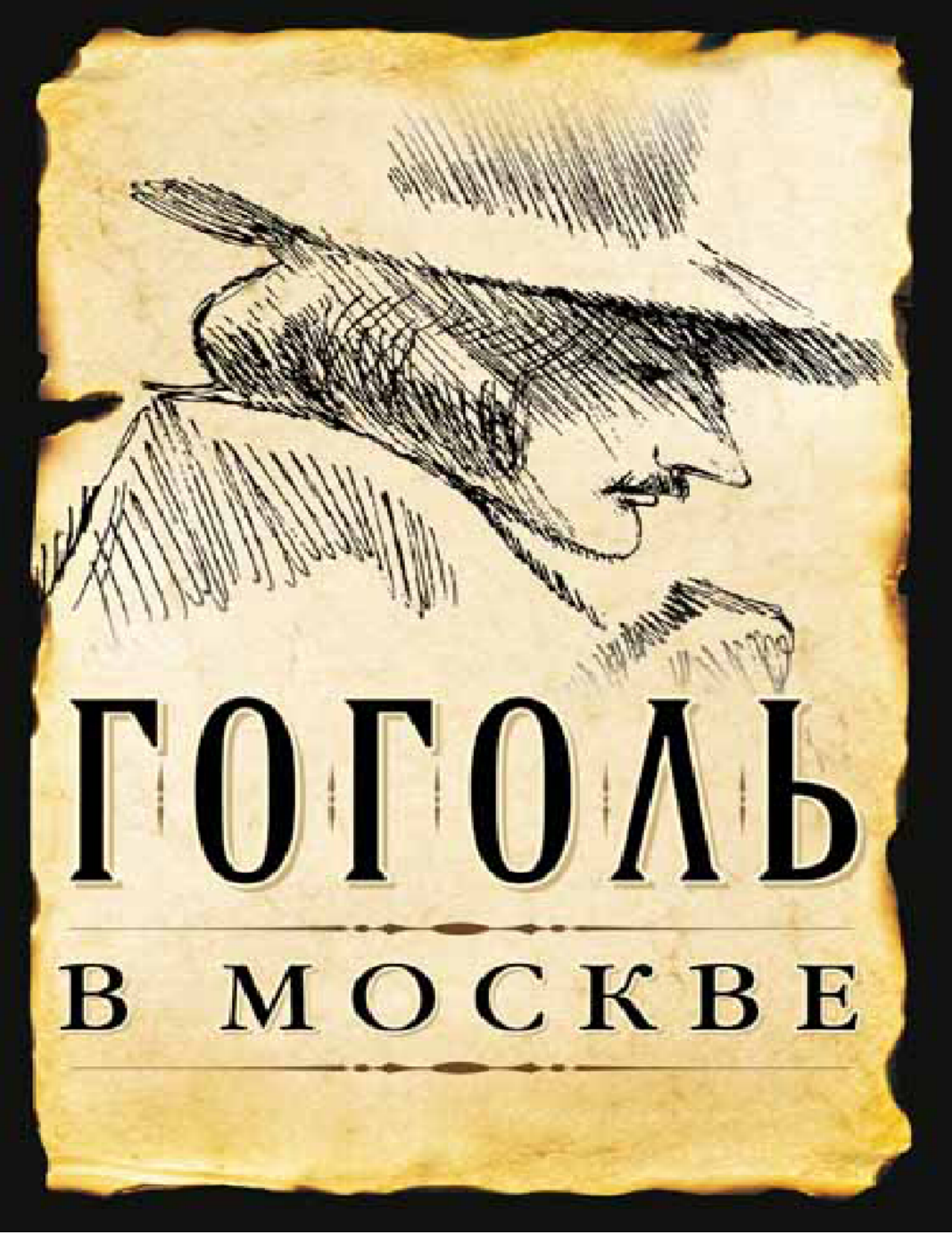

ГОГОЛЬ
В МОСКВЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Н. В. Гоголь был одним из самых путешествующих классиков отечественной литературы. Полтавщина, Санкт-Петербург, Москва, Рим — каждое из этих мест нашло отражение в его творчестве. И все же Москва сыграла ключевую роль в биографии писателя. Здесь создавались его важнейшие произведения. В Москве Гоголь подолгу жил, любил сюда приезжать, провел последние годы и скончался. С Москвой связана одна из самых трагических страниц в истории русской литературы — сожжение Гоголем второго тома «Мертвых душ». Таинственными легендами овеяна могила писателя. Настоящая книга посвящена различным аспектам гоголевского москвоведения. Ее основу составляет исследование известного москвоведа Б. С. Земенкова (1903–1963) «Гоголь в Москве» (1954). Законченный более полувека назад, этот труд до сих пор не утратил своего значения. Продолжают тему гоголевской Москвы и работы современных авторов — С. Ю. Шокарева и Д. А. Ястржембского, в том числе обобщивших…

- Сергей Шокарев, Борис Земенков, Дмитрий Ястржембский
  - Введение
  - Борис Земенков. Гоголь в Москве
    - ■
    - ■
    - ■ Даты жизни и творчества Н. В. Гоголя в Москве
    - ■ Памятные места в Москве, связанные с жизнью и творчеством Н. В. Гоголя[37]
    - ■ Источники
  - Дмитрий Ястржембский. Борис Земенков, или дома, которые говорят
    - ■
    - ■ Примечания
  - Сергей Шокарев. Арбат в жизни Н. В. Гоголя
    - ■
    - ■ Примечания
    - ■ Литература
  - Сергей Шокарев, Дмитрий Ястржембский. Тайна головы Гоголя
    - ■
    - ■ Примечания
- notes
  - 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37

Сергей Шокарев, Борис Земенков, Дмитрий Ястржембский
ГОГОЛЬ В МОСКВЕ

Введение

Великий Николай Васильевич Гоголь являлся одним из самых путешествующих классиков отечественной литературы. Полтавщина, Санкт-Петербург, Москва, Рим — эти места были для него родными, и каждое нашло отражение в его творчестве. И все же, Москва в жизни Гоголя занимает особое место. Более подробно об этом говорится в публикуемых в данном сборнике текстах. Пока же отметим самое важное: Москва сыграла ключевую роль в творческой и личной биографии писателя. Здесь создавались, публиковались и выходили на сцену важнейшие произведения писателя. В Москве Гоголь подолгу жил, любил сюда приезжать, прожил последние годы и скончался. Одна из самых трагических страниц в истории отечественной литературы — сожжение Гоголем второго тома «Мертвых душ» и его уход из жизни — стала вместе с тем и страницей истории Москвы. Могила писателя окружена таинственными легендами, ставшими важнейшей составляющей московской мистической мифологии. В Москве более, чем в других городах, запечатлена память о Гоголе — создан Музейный центр «Дом Гоголя», воздвигнуты памятники, возрожден первоначальный облик могильного памятника. Все это заставляет снова обратиться к теме «Гоголевской Москвы», актуальной еще и потому, что архитектурные памятники, связанные с именами писателя и его современников, все чаще и чаще уходят в небытие. Исчезает не только материальная оболочка, но и душа города, наполненная призраками великих прошлого.

В настоящем сборнике опубликованы работы, посвященные различным аспектам гоголевского москвоведения. Его основу составляет повторная публикация классической работы известного москвоведа Бориса Сергеевича Земенкова (1903–1963) «Гоголь в Москве» (1954). Созданная более полувека назад, она и до сих пор не утратила своего значения, благодаря огромному фактическому материалу. Вместе с тем, нельзя не обратить внимания на то, что в наши дни многие положения этой книги звучат более чем странно. В ней явственно чувствуется дух эпохи, очень сильна ее идеология. Почему труд Земенкова о Гоголе оказался именно таким и в чем его значение в наши дни, разъясняет статья Д. А. Ястржембского, посвященная биографии и творчеству этого видного москвоведа.

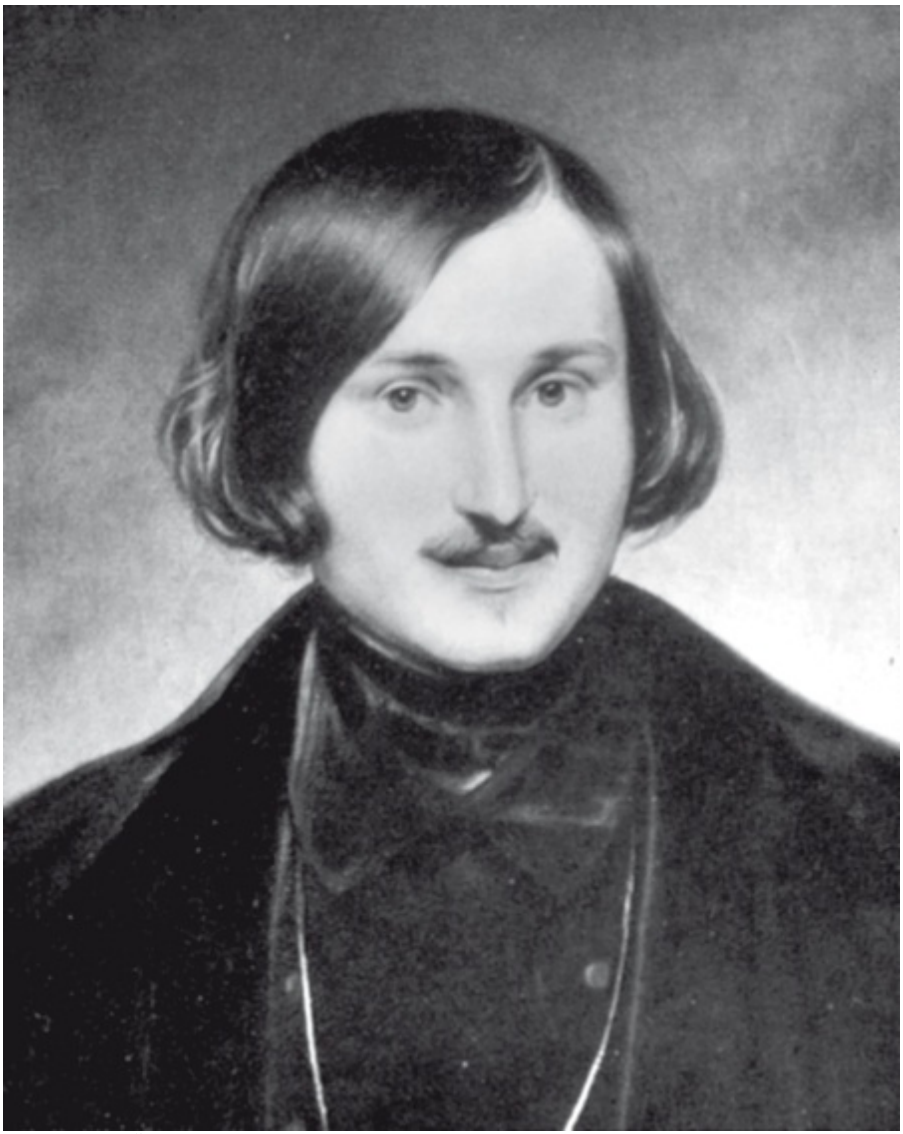
Продолжает тему гоголевской Москвы в локальном варианте работа С. Ю. Шокарева «Арбат в жизни Гоголя». Изо всех местностей Москвы Арбат является самой гоголевской. Здесь

писатель жил и умер, здесь установлены два памятника и создан его мемориальный музей. В этой работе не только открывается тема Арбата в жизни Гоголя, но и по-новому раскрывается сам Арбат, который москвичи привыкли считать в большей степени пушкинским (как известно, поэт прожил на Арбате первые месяцы после своей женитьбы).

Как уже говорилось выше, мистические предания окружают могилу Гоголя и историю ее перенесения с кладбища Данилова монастыря на Новодевичье. Московские предания повествуют о том, что при вскрытии могилы якобы обнаружилось, что писатель был захоронен еще живым, другая легенда рассказывает о трубах, которые вели от могилы к поверхности земли, чтобы Гоголь не задохнулся, если проснется… Наконец, еще более широкое распространение и свою историографию имеет представление о том, что голова Гоголя была утрачена, и при вскрытии могилы ее не обнаружили. Разобраться в этом вопросе попытались С. Ю. Шокарев и Д. А. Ястржембский, которые не только обобщили уже имеющиеся данные по этому вопросу, но и опубликовали новый источник — свидетельства еще одного очевидца вскрытия могилы великого писателя.

Юбилей Гоголя остался позади, но изучение гоголевской темы продолжается…

Борис Земенков. Гоголь в Москве



Николай Васильевич Гоголь. Портрет работы Ф. А. Моллера

1

Значительна роль Москвы в жизни и творчестве великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя.

Здесь он писал «Мертвые души», закончил новую редакцию «Тараса Бульбы» и «Портрета», работал над «Тяжбой» и повестью

«Рим».

Ряд его московских впечатлений отражен в «Мертвых душах». Яркой декларацией отношения Гоголя к крепостнической Москве 1830-х годов являются его общеизвестные «Петербургские записки 1836 года». Многочисленные высказывания Гоголя о Москве щедро рассеяны в его переписке.

Москва в лице своих прогрессивных деятелей оказала немалую поддержку дарованию Гоголя. В 1835 году в московском журнале «Телескоп» появилась статья В. Г. Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя», определившая высокое место Гоголя в русской литературе. Вспоминая о том огромном впечатлении, какое произвели на современников статьи Белинского, И. А. Гончаров писал: «Без него, смело можно сказать, и Гоголь не был бы в глазах большинства той колоссальной фигурой, в какую он, освещенный критикой Белинского, сразу стал перед публикой»1.

В московских постановках «Ревизора», «Женитьбы», «Игроков» благодаря непревзойденной игре М. С. Щепкина, В. И. Живокини, С. В. Шуйского совершеннее раскрылось общественно-политическое содержание драматургии Гоголя. Не случайно в «Развязке Ревизора» выразителя и толкователя своих авторских замыслов Гоголь именует просто «Михайло Семенович Щепкин». Уже о первых спектаклях «Ревизора» московский журнал «Молва» писал: «Посмотрите, какие толпы хлынули на его комедию, посмотрите, какая давка у театра, какое ожидание на лицах!..»2

«Самые образованные семейства, жившие в Москве, интересовались нашим великим юмористом, ценили его талант и входили с ним в близкие отношения», — отмечает современник3. Гоголь принимает деятельное участие в литературных вечерах Москвы. Долгие годы восхищенные слушатели помнят, как непревзойденно читал он «Женитьбу» и «Тяжбу». Неизгладимый след в жизни литературной Москвы оставили его чтения отдельных глав «Мертвых душ». Выдающимся событием было чтение Гоголем «Ревизора» 5 ноября 1851 года.

Уже после первого посещения Москвы, в 1832 году, Гоголь признавался: «Тянет в Москву»4. В мае 1836 года он писал своему другу М. С. Щепкину: «…По возврате из-за границы я намерен основаться у вас в Москве»5. Через несколько дней он сообщал С. Т. Аксакову: «…По возвращении из чужих краев я постоянный житель столицы древней»5. В 1848 году Гоголь говорил Ф. В. Чижову, что «любит Москву и желал бы жить в ней…»7. В 1850 году, когда плохое состояние здоровья вынудило его жить в родной Васильевке, он сетует: «Ни за что бы я не выехал из Москвы, которую так люблю»8. В статье «Похождения Чичикова,

или „Мертвые души“» (1842 г.) В. Г. Белинский указывал, что «Гоголь… возвращаясь на родину, жил преимущественно в Москве»9. Если подсчитать по дням все время, проведенное им в Москве, то оно составит около четырех с половиной лет, то есть вдвое больше того, что прожил в Москве А. С. Пушкин после возвращения из ссылки.

Гоголь горячо любил Москву, как сердце России. «Изо всех российских городов Москва есть истинный русский город, сохранивший свою национальную физиогномию, богатый историческими воспоминаниями, ознаменованный печатью священной древности, и за то нигде сердце русского не бьется так сильно, так радостно, как в Москве», — указывал В. Г. Белинский10. Так же и для Гоголя Москва, озаренная славой героической истории русского народа, его древняя столица, становится олицетворением родины. «Москва моя родина», — пишет он в 1841 году11. Гоголь проникновенно чувствует нерушимую кровную связь Москвы с необъятными пространствами «нашей неизмеримой, нашей родной русской земли»12. «Москва нужна для России; для Петербурга нужна Россия», — читаем мы в его «Петербургских записках 1836 года»13.

Для Гоголя Петербург стал одним из тяжких разочарований юности. Пробыв здесь всего несколько месяцев, он сообщал родным: «Петербург мне показался вовсе не таким, как я думал»14. «Бездушен, как сам Петербург», — отзывался он впоследствии о городе своих юношеских мечтаний15. Постоянная борьба с нуждой, скитания по нетопленным квартирам, неудача с профессорством, злобная травля реакционными кругами «Ревизора» навсегда отчуждают Гоголя от Петербурга. На фоне трудных петербургских лет Москва становится для него городом, куда «едешь прямо домой, а не в гости»16. Здесь скорее были оценены его произведения, здесь в трудные дни он не раз находил дружескую поддержку. Уже в 1839 году он сообщал матери: «…там у меня есть многие приятели и друзья, которые доказали мне на деле истинную приязнь и дружбу»17. В 1843 году он благодарно вспоминал о немалом материальном подспорье, оказанном ему Москвой во время его долгой и взыскательной работы над первым томом «Мертвых душ»: «Не могу до сих (пор) вспомнить без глубокого душевного умиления о той помощи и о тех нежных участиях, которые шли ко мне всегда из Москвы. Петербургу просто некогда подумать обо мне. Кому, например, придет в голову сделать вопрос: этот человек ниоткуда не получает ни копейки дохода, ничего не печатает в течение шести лет — чем он живет в это время…»18.

Любовь Гоголя к Москве резко бросалась в глаза его знакомым. П. А. Плетнев с обидой выговаривал ему из Петербурга: «Ко мне ты заезжал, как на станцию, а к ним (в Москву. — Б. З.) как в свой дом»19. Обращаясь к В. А. Жуковскому, Гоголь писал: «В Москву ты приедешь, как в родную свою семью»20.

Даже помпезность внешнего облика Петербурга — парадное великолепие дворцов, Невы, набережных, Невского — не могла обворожить его. Встретившийся с ним в 1839 году в Петербурге Белинский записывает: «…Гоголя видел два раза… все с ироническою улыбкою спрашивает меня, как мне понравился Петербург. Невский проспект — чудо, так что перенес бы его, да Неву, да несколько человек в Москву»21. В. Ф. Чижов рассказывает, как Гоголь, вернувшись из Рима, этого города-памятника, говорил ему: «…кто сильно вжился в жизнь римскую, тому после Рима только Москва и может нравиться»22.

Гоголь был чутким ценителем архитектурных памятников. П. В. Анненков вспоминает, как Гоголь, приведя его к Форуму, «указывал точки, с которых должно смотреть на целое, и способы понимать его»23. А. О. Смирнова описывает, как он, показывая ей один из памятников, предварительно обязал «не смотреть в правую сторону… и вдруг велел обернуться. Мы ахнули от удивления и восторга… „Вот вам и Микель-Анджело! — сказал Гоголь. — Каков?“»24 Погодин отмечает, что, показывая памятник, Гоголь даже «выбирал время, час, погоду, — светит ли солнце или пасмурно на дворе, и множество других обстоятельств…»25

Привольна раскинувшаяся на живописных возвышенностях Москва пленила своей красотой Гоголя. Широкие просторы, обилие зелени, красочные пятна Древних колоколен придавали особое своеобразие московскому пейзажу. Белинский считал, что в Москве «…такие живописные ландшафты»26. «В Москве на каждой версте прекрасный вид», — говорил А. И. Герцен27. И невольно вспоминается Москва, когда мы читаем у Гоголя, что для впечатляемости городского ансамбля нужно, «чтобы каждая часть, каждая отдельно взятая масса домов представляла живой пейзаж. Нужно толпе домов придать игру, чтобы она, если можно так выразиться, заиграла резкостями, чтобы она вдруг врезалась в память и преследовала бы воображение. Есть такие виды, которые век помнишь…»28. Гоголь любил не только сам в дальних прогулках любоваться Москвой, но и показывать ее другим. П. В. Анненков, встретившийся с ним в Москве в 1851 году, вспоминает, как Гоголь предложил ему «прогулку по городу»29.

Гоголь пытливо интересуется историей Москвы, просит

снабжать его книгами на эту тему, «дабы окунуться покрепче в коренной русский дух»30. Он с увлечением изучает архитектурные памятники Москвы, стремится понять красоту ее древнего зодчества. О системе и продуманности осмотров Гоголя свидетельствуют его, как всегда скупые, пометы в записных книжках: «Никола в Столпах. В Кривом переулке близ Успенья. Мартын исповедник… Подле гостиного двора Троица Грузинская… Фили, церковь, кладбище, 3 версты; Кунцево, 7 верст… Измайлово. Собор. Виноградный сад. Черкизово — патриаршее село. Патриарший дом… Симонов монастырь. Коломенское — 6 верст. Царицыно, недостр[оенный] дворец Баженова. Перерва… Ост[анкино]» 31. «Пора вам в Москву, — писал он своему другу художнику Александру Иванову. — Здесь так много открывается древностей… что вы не обсмотрите и в целые годы»32. Любовное отношение Гоголя к Москве ярко сказалось в его гневной отповеди К. С. Аксакову, пытавшемуся в своих высказываниях превратить величавый народный символ — Москву в пошлый славянофильский лубок: «Я не прощу вам того, что вы охладили во мне любовь к Москве. Да, до нынешнего моего приезда в Москву я более любил ее, но вы умели сделать смешным самый святой предмет. Толкуя беспрестанно одно и то же, пристегивая сбоку припеку при всяком случае Москву, вы не чувствовали, как охлаждали самое святое чувство вместо того, чтобы живить его… стряхните пустоту и праздность вашей жизни! Пред вами поприще великое, а вы дремлете за бабьей прялкой»33.

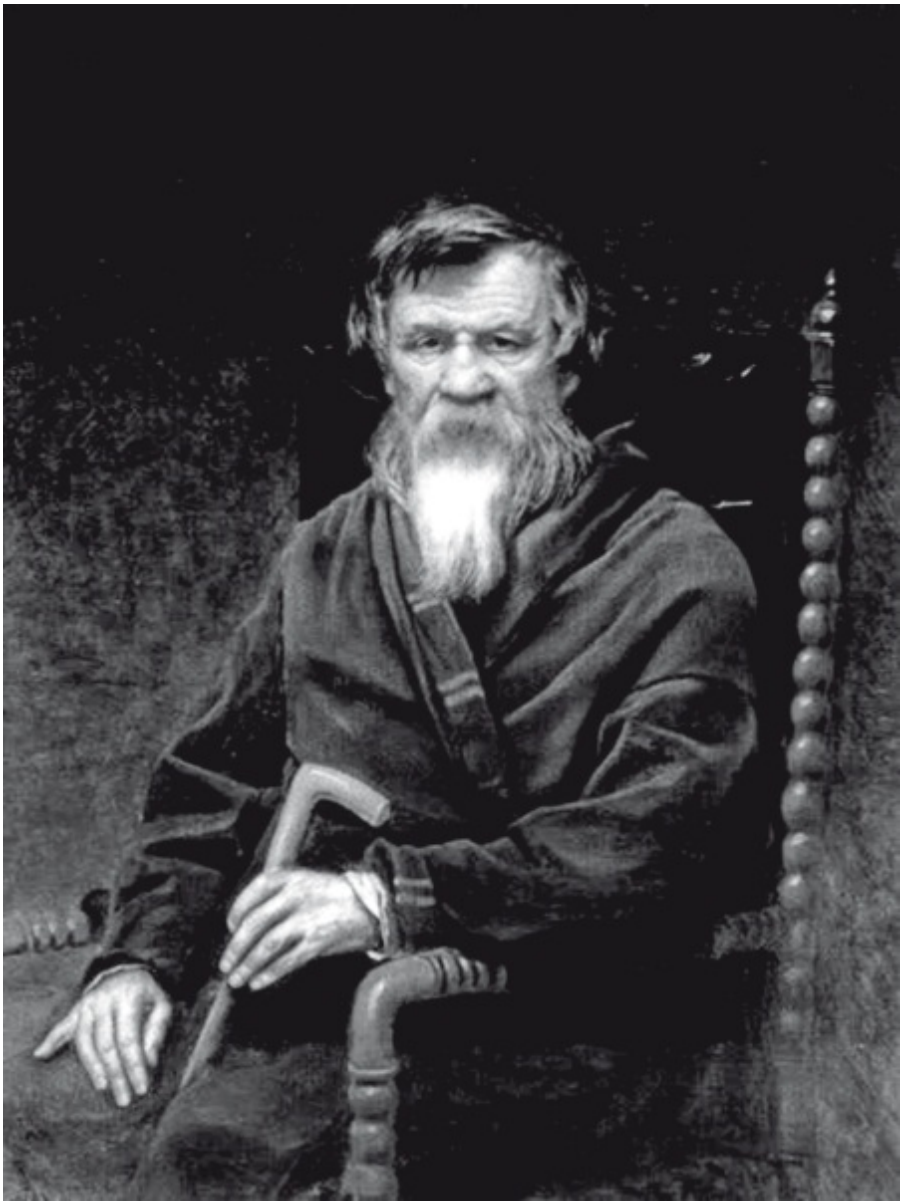
Сергей Тимофеевич Аксаков

Переходя к теме взаимоотношений Гоголя с москвичами, необходимо подчеркнуть, что весьма скупо дошедшие до нас воспоминания современников не только не раскрывают подлинную картину этих взаимоотношений, но в значительной мере сужают и искажают ее своей односторонностью, выводя на первый план М. П. Погодина, С. П. Шевырева и семейство Аксаковых. Между тем Аксаковы, Погодин, Шевырев не только никогда не могли подняться до понимания творчества Гоголя, но вне поля их зрения во многом оказывалась и вся сложность и значительность самой личности писателя. В 1847 году Гоголь признавался: «Отношенья мои стали слишком тяжелы со всеми теми друзьями, которые поторопились подружиться со мной, не узнавши меня. Как у меня еще совсем не закружилась голова, как я не сошел еще с ума от всей этой бестолковщины — этого я и сам не могу понять!»34 Различные знаки внимания, деловые

услуги со стороны этого окружения Гоголя сопровождались — и путем личного влияния и путем печатных высказываний — настойчивыми попытками переключить писателя на свои идейные позиции, на позиции славянофильства, что осложняло отношения, а временами ставило их на грань полного разрыва.

В 1847 году Гоголь писал А. О. Смирновой: «Не будут живы мои образы, если я не сострою их из нашего материала, из нашей земли, так что всяк почувствует, что это из его же тела взято. Тогда только он проснется и тогда только может сделаться другим человеком… вот вам исповедь литературного труда моего… С московскими моими приятелями об этом не рассуждайте… Пусть их путаются обо мне; я их вразумлять не буду»35. «…Честный… сын своей земли», писавший, по выражению И. А. Некрасова, «не то, что было легче для его таланта, а… то, что считал полезнейшим для своего отечества»36, Гоголь с негодованием относился к их фальшивой и суетной игре в «народность». Он считал, что «…истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа»37. «Писатель, — утверждал Гоголь, — если только он одарен творческою силою создавать собственные образы, воспитайсь прежде, как человек и гражданин земли своей, а потом уже принимайся за перо! Иначе будет все невпопад»38. В 1846 году, решительно отказываясь принять участие в изданиях славянофилов, Гоголь резко писал Н. М. Языкову: «Статья все же будет моя, а не их; стало быть, им никакой чести…

Воспитай прежде себя для общего дела, чтобы уметь точно о нем говорить, как следу[ет]. А они: надел кафтан да запустил бороду, да и воображают, что распространяют этим русский дух по русской земле!.. скажи так, что я весьма понял всякие ко мне заезды по части статьи отдаленными и деликатными дорогами, но не хочет ли он понюхать некоторого словца под именем: нет? Это словцо имеет запах не совсем дурной, его нужно только получше разнюхать»39.



Михаил Петрович Погодин

Лишь почти насильственно, эксплуатируя материальную зависимость от него, Погодину удалось вырвать у Гоголя для «Москвитянина» отрывок повести «Рим» (1842 г.). В 1845 году Гоголь дал убийственную характеристику погодинского журнала: «„Москвитянин“, издаваясь уже четыре года, не вывел ни одной сияющей звезды на словесный небосклон! Высунули носы какие-то допотопные старики, поворотились… и скрылись, тогда как с русским ли человеком не наделать добра на всяком поприще!»40

Через несколько лет аналогичный отзыв о «Москвитянине» даст и И. С. Тургенев: «…печатать в нем, — значит бросить свои вещи ночью в темную яму в безлюдном месте»41.

Было бы ошибкой видеть в связях Гоголя с Москвой лишь его отношения с Аксаковыми, М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым. Переписка самого писателя, а также его записные книжки значительно расширяют наше представление о круге его московских знакомств. Дружественные отношения связывали его с великим русским актером М. С. Щепкиным, с профессорами Московского университета О. М. Бодянским, Ф. И. Иноземцевым и П. Г. Редкиным, с известными собирателями народной поэзии М. А. Максимовичем и П. В. Киреевским, с одним из первых исследователей памятников древнего зодчества Москвы, архитектором Ф. Ф. Рихтером. В Москве Гоголь встречается с В. Г. Белинским, Е. А. Баратынским, Т. Н. Грановским, М. Ю. Лермонтовым, Н. П. Огаревым, А. Н. Островским, И. С. Тургеневым, с художниками И. К. Айвазовским, П. А. Федотовым, с декабристами М. М. Нарышкиным и М. А. Фонвизиным. Он постоянно бывает на литературных вечерах у А. П. Елагиной и Д. Н. Свербеева. И когда мы сегодня посещаем в Москве связанные с Гоголем памятные места, они знакомят нас с рядом существенных фактов из жизни и творчества этого великого художника слова.

2

В конце июня 1832 года Гоголь впервые въехал в Москву. Низкие тучи, серая дымка дождя, грязь встретили его. Эти дни в Москве были пасмурными и холодными; температура нередко приближалась к 20 градусам1. 4 июля он писал матери: «…погода была самая скверная, дожди проливные… я в Москву приехал нездоровым… здешние врачи советуют мне недельку обождать для совершенного поправления»2.

Убог был день «заштатной» столицы. Пожелтевшие страницы «Московских ведомостей» уныло повествуют:

— о том, что Московская дворцовая контора продает на Пресненских прудах… «карасей отборных»3;

— о том, что «…Московский попечительный комитет императорского человеколюбивого общества вызывает чрез сие желающих принять на себя починку колодезя… в доме, пожертвованном комитету, на Моросейской улице…»4;

— о том, что «…Дорожная комиссия по Московской губернии,

по неуспеху в торгах на скошение травы на тротуарах по Рязанскому и Владимирскому трактам, вызывает желающих…»5.

Скупым языком газетных объявлений сообщается о продаже живых «душ» наравне с турецкими шалями, каретами, караковыми жеребцами, годными для «господ офицеров». Однако далеко не всегда крепостной люд безропотно подчинялся своему положению. В дни приезда Гоголя в Москву некая коллежская асессорша истошно взывала со страниц газеты: «Умершего мужа моего дворовый человек Алексей Журило, 28 лет, росту… белокур, глаза серые… бежал»6.

Барская Москва, сохраняя во многих чертах своего быта вековые традиции, скудела с каждым годом. Если в конце XVIII века 8,6 тысячи проживавших в Москве дворян обслуживала 61 тысяча дворовых, то в 1834–1840 годах на 15,7 тысячи дворян приходится дворовых всего 67 тысяч 7. Из номера в номер «Московские ведомости» раскрывают безрадостную картину все растущего дворянского разорения. Продаются овеянные романтической дымкой семейных преданий прадедовские усадьбы, с молотка идут на аукционных торгах просроченные по закладным имения сановных действительных и тайных советников, лихих штабс-ротмистров, помещиков, промотавшихся на картах и борзых. Покинув Москву, Гоголь делится впечатлениями с поэтом И. И. Дмитриевым: «Полное, роскошное лето! Хлеба, фруктов, всего растительного гибель! А народ беден, имения разорены и недоимки неоплатные… Помещики видят теперь сами, что с одним хлебом и винокурением нельзя значительно возвысить свои доходы. Начинают понимать, что пора приниматься за мануфактуры и фабрики; но капиталов нет, счастливая мысль дремлет, наконец умирает, а они рыскают с горя за зайцами…»8.

«В Москве повсюду встречаете вы купцов, — говорит В. Г. Белинский, — и все показывает вам, что Москва, по преимуществу, город купеческого сословия»9. По его словам, «она одевает всю Россию своими бумажно-прядильными изделиями; ее отдаленные части, ее окрестности и ее уезд — все это усеяно фабриками и заводами, большими и малыми»10. По статистическим данным, в Москве 1834–1840 годов на 15,7 тысячи дворян приходилось 17,8 тысячи купцов11. В 1840-х годах в Москве и уезде было 787 фабрик, на которых работало 50 тысяч рабочих12. По выражению Гоголя, «Москва — кладовая, она наваливает тюки да вьюки, на мелкого продавца и смотреть не хочет… Москва не глядит на своих жителей, а шлет товары во всю Русь; Петербург продает галстухи и перчатки своим чиновникам»13.

Дворянское общество Москвы, обеспеченное трудом крепостных, продолжало жить патриархально — праздно, невежественно и сыто. Впоследствии А. И. Герцен вспоминал, что «…в Москве жизнь больше деревенская, чем городская, только господские дома близко друг от друга. В ней… живут себе образцы разных времен, образований, слоев, широт и долгот русских. В ней Ларины к Фамусовы спокойно оканчивают свой век; но не только они, а и Владимир Ленский и наш чудак Чацкий; Онегиных было даже слишком много. Мало занятые, все они жили не торопясь, без особых забот, спустя рукава»14. Он отмечал, что «…в Москве есть своего рода полудикий, полуобразованный барский быт… В добрейшей Москве можно через газеты объявить, чтоб она в такой-то день умилялась, в такой-то обрадовалась: стоит генерал-губернатору распорядиться и выставить полковую музыку или устроить крестный ход»15.

Паразитическая жизнь дворянской Москвы неизменно вызывала и у Гоголя чувство резкой неприязни. Гоголь решительно отказывался посещать вечера московской знати. Реакционный стихотворец, сенатор М. А. Дмитриев, племянник известного поэта, в неизданных воспоминаниях желчно рассказывает о том, что когда всесильный генерал-губернатор Москвы князь Д. В. Голицын учредил у себя литературные собрания, «долго не являлся один Гоголь. Как ни старались, как ни хлопотали его почитатели, Шевырев и Погодин, ввести его к князю: никак не удавалось!»16.

Косная, фамусовская Москва с пошлыми интересами, не идущими дальше чинов, семейных сплетен и званого обеда, по определению Гоголя, — «…старая домоседка, печет блины, глядит издали и слушает рассказ, не подымаясь с кресел, о том, что делается в свете… Москва всегда едет, завернувшись в медвежью шубу, и большею частию на обед»17. С большим сарказмом живописует портрет москвича В. Г. Белинский: «Лицо москвича никогда не озабочено: оно добродушно и откровенно, и смотрит так, как будто хочет вам сказать: а где вы сегодня обедаете?»18 — «Что касается до жизни (в Москве. — Б. З.)… — иронически писал Гоголь другу своей юности А. С. Данилевскому, — …ты увидишь, что тебе совершенно не нужно будет дома обедать, и побуждения не будет для этого Кроме того, что это очень скучно…»19.

Пустая чревоугодническая жизнь, бесплодные споры, прекраснодушные мечтания нередко подменяли в Москве живую творческую деятельность. В. Г. Белинский так характеризовал литературную жизнь Москвы этих лет: «Где, если не в Москве, можете вы много говорить о своих трудах, настоящих и будущих,

прослыть за деятельнейшего человека в мире — и, в то же время, ровно ничего не делать? Где, кроме Москвы, можете вы быть довольнее тем, что вы ничего не делаете, а время проводите препиятно?.. москвичи же ограничиваются только беседами и спорами о том, что должно делать, беседами и спорами, часто очень умными, но всегда решительно бесплотными»20. Ту же суровую оценку быта московской литературной среды мы находим и у Гоголя: «Они люди умные, но многословы и от нечего делать толкут воду в ступе» 21. По его словам, «…в Москве все журналы, как бы учены ни были, но всегда к концу книжки оканчиваются картинкою мод… Московские журналы говорят с Канте, Шеллинге и проч. и проч.; в петербургских журналах говорят только о публике и благонамеренности. В Москве журналы идут наряду с веком, но опаздывают книжками… В Москве литераторы проживаются в Петербурге наживаются»22. Жизнь Гоголя была самоотверженным под вигом высокого писательского труда. Потому-то так велико его негодование на праздность москвичей. «Мерзавцы вы все, московские литераторы, — возмущенно писал он Погодину в 1835 году. — … Вы все только на словах. Как! затеяли журнал, и никто не хочет работать!.. Страм, страм, страм!.. ваши головы думают только о том, где бы и у кого есть блин во вторник, середу, четверг и другие дни»23.

Но наряду с этой барской сытой Москвой была и другая, культурная и образованная. В этой Москве не погасла память о декабристах, из дома в дом ходили в списках запрещенные стихи Пушкина и Рылеева. В Московском университете, в общежитии «казеннокоштных» студентов, вокруг В. Г. Белинского образуется кружок передовой молодежи — «Литературное общество 11-го нумера». В кипучем кружке А. И. Герцена и Н. П. Огарева мечтают о борьбе за свободу и о мести за декабристов. Философские споры не смолкают до утра в мезонине у Н. В. Станкевича. У декабриста М. Ф. Орлова и у П. Я. Чаадаева ведутся вольнолюбивые беседы. Жизнь многих культурных домов Москвы окрашена в эти годы широкими литературными интересами. Тяжкий гнет николаевской реакции не смог задавить в Москве все проявления общественной мысли.

Гоголь горячо любил Москву как город народной славы, как живую летопись героического прошлого нашей родины, как город, красивейший по своему местоположению: «Как раскинулась, как расширилась старая Москва!»24 Потому-то он мечтает о том времени, когда «…Москва получит большую значительность и степенность, какой ей недоставало. Тогда может восстановиться в ней та литературная патриархальность, на

которую у ней есть только претензии, но которой в самом деле нет»25.

3

Впервые посетив Москву по дороге из Петербурга в Васильевку в конце июня 1832 года, Гоголь прожил здесь очень недолго. «…Пробыл полторы недели, в чем, впрочем, и не раскаиваюсь. За все я был награжден», — пишет он с дороги своему товарищу по Нежинской гимназии Н. Я. Прокоповичу1. Это его краткое пребывание было необычно деятельным. Он завязывает в московском ученом и литературно-театральном мире яд знакомств, установивших на долгие годы его связи с Москвой. «Там… — писал он впоследствии… — любят меня непритворно, искренно»2.

Не безвестным автором приехал Гоголь в Москву: «„Вечера на хуторе близ Диканьки“ были давно уже прочтены, и мы все восхищались ими… — вспоминает С. Т. Аксаков. — Не вдруг узнали мы настоящее имя сочинителя; но Погодин ездил зачем-то в Петербург, узнал там, кто такой был „Рудый Панько“… и привез нам известие, что Диканьку написал Гоголь-Яновский. И так это имя было уже нам известно и драгоценно»3.

Особняк в Большом Афанасьевском переулке, 12, в котором произошли первая встреча и знакомство Н. В. Гоголя с семьей Аксаковых

Тем, что в Москве Гоголь появился уже сложившимся и привлекшим к себе внимание писателем, объясняется в значительной мере щедрая дань уважения и радушия, которая была ему здесь оказана. Продолжая путь в родную Васильевку, Гоголь писал с дороги И. И. Дмитриеву: «Минувши заставу и оглянувшись на исчезающую Москву, я почувствовал грусть. Мысль, что все прекрасное и радостное мгновенно, не оставляла меня до тех пор, пока не присоединилась к ней другая, что через три или четыре месяца я снова увижусь с вами»4.

Первым, с кого начались московские встречи Гоголя, был М. П. Погодин, с которым Гоголь познакомился еще в Петербурге. Оба они, помимо занятий литературой, вели тогда курсы истории: Гоголь — в Патриотическом женском институте в Петербурге, Погодин — в Московском университете. Насколько после первой встречи был велик их взаимный интерес друг к другу, свидетельствует тот факт, что Погодин, желая понять педагогические методы Гоголя, просит доставить ему на просмотр тетради его учениц, стремится связать его с московскими литераторами, Гоголь заканчивает ему письмо из Васильевки словами: «С нетерпением жажду обнять вас. Тянет в Москву»6.

Погодин в эти годы жил в своем доме на Мясницкой улице (дом № 8, не сохранился)[1].

Погодин познакомил Гоголя с С. Т. Аксаковым. Последний жил тогда в доме № 12 по Большому Афанасьевскому переулку и по субботам обычно устраивал интимные литературные собрания. На одно из них Погодин и привел Гоголя «без всякого предуведомления, — вспоминает С. Т. Аксаков. — Эффект был сильный. Я очень сконфузился, бросился надевать сюртук, бормоча пустые слова пошлых рекомендаций»6[2].

Однако в первый раз Гоголь пробыл очень недолго, около часу. Уходя, просил Аксакова познакомить его с М. Н. Загоскиным, для чего обещал зайти через несколько дней. С 1831 года М. Н. Загоскин занимал должность директора московских театров, и для Гоголя, уже тогда задумавшего ряд драматургических произведений (в частности, будущую «Женитьбу»), это знакомство было в деловом отношении весьма важным.

Через несколько Дней Гоголь зашел к С. Т. Аксакову, чтобы вместе посетить уже предупрежденного М. Н. Загоскина. Любопытно, что беседа дорогой шла о театре. «Я заметил, — вспоминает С. Т. Аксаков, — что русская комедия его сильно занимала и что у него есть свой оригинальный взгляд на нее»7.

М. Н. Загоскин с 1830 года жил в собственном доме в Денежном переулке (ныне улица Веснина, № 5, дом не сохранился)[3].

Николай Михайлович Загоскин

Небезынтересна история покупки им этого владения. Переехав в Москву в 1820 году, Загоскин жил в доме Новосильцева (Гагаринский переулок, № 29 и 31), на побочной дочери которого он был женат. Но, как рассказывает С. Т. Аксаков, «…Загоскин жил в доме своего тестя в мезонине… Комнатка, в которой он меня принял, была проходная… кругом разговаривали громко, нимало не стесняясь присутствием хозяина, принимавшего у себя гостя… Я понял положение бедного Загоскина посреди избалованного, наглого лакейства, в доме господина, представлявшего в себе отражение старинного русского капризного барина екатерининских времен, по-

видимому не слишком уважавшего своего зятя»8. В 1829 году вышел роман писателя «Юрий Милославский», имевший по тому временам небывалый успех. Чтобы расстаться со своим тестем, Загоскин все, и довольно значительные, средства, полученные от издания, тратит на покупку этого дома.

Михаил Семенович Щепкин

Внимание Гоголя привлекают творческие силы московских театров. Он стремится познакомиться с главой московской труппы М. С. Щепкиным. В этом случае Гоголь обходится без посредников. Сын великого русского актера запомнил первое

появление Гоголя в их доме. «Мы знали (вероятно, от С. Т. Аксакова, с которым М. С. Щепкин был очень близок. — Б. З.), что Гоголь… приехал в Москву. Это был его первый приезд сюда. Не помню, как-то на обед к отцу собралось человек двадцать пять… дверь в переднюю, для удобства прислуги, отворена настежь. В середине обеда вошел в переднюю новый гость, совершенно нам незнакомый. Пока он медленно раздевался, все мы, в том числе и отец, оставались в недоумении. Гость остановился на пороге в залу и, окинув всех быстрым взглядом, проговорил слова всем известной малороссийской песни:

Ходит гарбуз по городу,
Пытается свого роду:
Ой чи живы, чи здоровы
Вси родичи гарбузовы?

Недоумение скоро разъяснилось — нашим гостем был Н. В. Гоголь, узнавший, что мой отец тоже, как и он, из малороссов»9. С этого дня начинается многолетняя плодотворная дружба этих двух выдающихся деятелей русского реалистического искусства. Следует вспомнить, что в эти годы репертуар театров был наводнен легковесными, большей частью переводными, пьесами, в которых раскрыть свое дарование Щепкин, конечно, не мог. В 1835 году он жаловался петербургскому актеру И. И. Сосницкому: «…Бездействие совершенно меня убивает. Я сделался какою-то ходячею машиною или вечным дядею»10. Сохранилась красноречивая запись Гоголя о Щепкине: «Вмешали в грязь, заставляют играть мелкие, ничтожные роли, над которыми нечего дела[ть]. Заставляют то делать мастера, что делают ученики. Это все равно что архитектора, который возносит гениально соображенное здание, заставлять быть каменщиком и делать кирпичи»11.

Гоголь нашел в Щепкине гениального воплотителя своей драматургии, который в свою очередь в пьесах Гоголя нашел ту жизненную правду, которую он мечтал утвердить на сцене. Щепкин был непревзойденным исполнителем и создателем ролей городничего («Ревизор»), Подколесина и Кочкарева («Женитьба») и Утешительного («Игроки»), По поводу первой постановки «Ревизора» в Москве современная ей критика писала: «Кажется, что Гоголь с него списывал своего городничего, а не он выполнял роль, написанную Гоголем»12. Впоследствии Погодин указывал, что «…Гоголь сам обязан был многим Щепкину. Не говорю об их с лишком тридцатилетней близкой, короткой связи, не говорю об

их частых беседах, исключительно посвященных драматическому искусству и русской жизни, не говорю о веселых, живых и умных рассказах Щепкина, которые часто встречаются в сочинениях Гоголя, — но тот смех, который Щепкин возбуждал в Гоголе, еще молодом человеке, выступавшем на поприще, не был ли задатком того смеха, каким после наделил нас Гоголь с таким избытком? Выводя на сцену многие действующие лица, Гоголь не имел ли в виду Щепкина»13. Много видавший за свою трудовую жизнь, Щепкин был увлекательным рассказчиком. Известно, что по канве его воспоминаний А. И. Герцен написал «Сороку-воровку», а В. А. Соллогуб — «Собачку». Повествования Щепкина обогатили и творчество Гоголя. «Так, — вспоминает внук великого актера, — Михаил Семенович передал ему рассказ о городничем, которому нашлось место в тесной толпе, и о сравнении его с лакомым куском, попадающим в полный желудок. Так слова исправника: „полюбите нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит“ — были переданы Гоголю Щепкиным»14. По словам часто бывавшего в семье Щепкиных известного собирателя русских народных сказок А. Н. Афанасьева, «случай, рассказанный в „Старосветских помещиках“ о том, как Пульхерия Ивановна появление одичалой кошки приняла за предвестие своей близкой кончины, взят из действительности. Подобное происшествие было с бабкою М. С.-ча»15.

Дом М. С. Щепкина в Большом Каретном переулке, 16. Акварель Б. С. Земенкова

Безусловно, что дом Щепкина привлекал Гоголя и высокими моральными устоями жизни великого артиста. Его ученица А. И. Шуберт пишет: «Каждому, у кого не было честных убеждений, в семье Щепкина было неловко: он поневоле должен был испаряться. Солгать, схитрить перед М. С. было немыслимо»16. Щепкин был одним из ближайших друзей Гоголя, а его дом являлся одним из наиболее дружественных приютов писателя. Внук великого актера свидетельствует: «Гоголь очень часто приезжал к Щепкину и оставался несколько раз ночевать»17.

Щепкин в год знакомства с Гоголем жил в собственном доме, приобретенном еще в 1830 году, в Большом Спасском (ныне Большой Каретный) переулке, № 16. Дом сохранился, за исключением небольшой террасы, выходившей в сад. Сад этот, бывший преимущественно фруктовым и занимавший значительную площадь владения, также не сохранился. Владение Щепкина, в годы проживания его здесь, походило на маленькую провинциальную усадьбу, прихотливо вкрапленную в густо застроенные в этом районе московские переулки. С полным основанием мы можем щепкинский дом отнести к крупнейшим мемориальным памятникам Москвы Здесь великий актер писал свои известные «Записки». У него часто бывали Пушкин, Белинский, Гоголь, Герцен, Грановский, Тургенев. Но материальные невзгоды принудили Щепкина расстаться с собственным владением. С горечью писал он Гоголю 22 мая 1847 года: «Я продал дом, расплатился с долгами, и у меня остается, за уплатою за годовую квартиру, 1500 р.; вот все мое состояние…»18

Посетил Гоголь и старейшего московского литератора, друга Н. М. Карамзина, поэта И. И. Дмитриева, который, по словам П. А. Плетнева, «принял его со всею любезностью своею»19. Уже с дороги Гоголь вспоминал их встречу: «…я вижу вас, нашего патриарха поэзии, в ту самую минуту, когда вы радушно протянули руку еще безызвестному и не доверяющему себе автору»20. Дом И. И. Дмитриева не сохранился. Он находился на Спиридоновке (ныне № 17 по улице Алексея Толстого)[4].

В этот же приезд Гоголь знакомится с выдающимся представителем московского научного мира, профессором Московского университета и директором его терапевтической клиники И. Е. Дядьковским, крупным врачом-практиком. Убежденный материалист, Дядьковский являлся человеком разносторонних знаний, даровитым ботаником, физиком и химиком. Он был одним из любимейших профессоров университета. Впоследствии А. А. Григорьев вспоминал, как «… молодежь медицинская увлекалась пением своей сирены,

Дядьковского… Это имя всякий день звучало у меня в ушах… оно же было именем борьбы живой, эоловой науки с старою рутиной…»21. Как участника войны 1812 года Дядьковского связывали дружеские отношения с известным поэтом-партизаном Д. В. Давыдовым и будущими декабристами М. М. Нарышкиным и И. Д. Якушкиным. Он был близок со многими московскими литераторами — В. Г. Белинским, Д. В. Веневитиновым, Н. В. Станкевичем, М. А. Максимовичем, а также актерами П. С. Мочаловым и М. С. Щепкиным.

Очевидно, по рекомендации Погодина Гоголь обращается к Дядьковскому за медицинской помощью. Приехав в Васильевку, он вновь — через Погодина — обращается к нему за советами: «… мне не остается иного средства, как просить вас прибегнуть к Дядьковскому… Уверьте его, что с величайшею признательностью буду благодарить его…»22. Жил Дядьковский в Брюсовском переулке, № 21 (дом не сохранился)[5].

Но наиболее существенный адрес — московский адрес самого Гоголя в этот приезд — остается для нас неизвестным. «Отдать визит Гоголю не было возможности, потому что не знали, где он остановился: Гоголь не хотел этого сказать», — пишет С. Т. Аксаков23.

7 июля Гоголь выехал из Москвы. Ночевал он в Подольске, где был задержан проделками смотрителя. Нередко смотрители станций, придерживая казенных лошадей, предлагали своих, чтобы получить с проезжавшего значительно большую оплату. Современник иронически отмечает: «…город Подольск, известный проезжающим недостатком почтовых лошадей и плутовством смотрителя»24. В Подольске Гоголю пришлось встретиться с одним из своих персонажей. 8 июля утром он пишет Погодину: «Я… свидетель прелестного утра. Ехать бы только нужно, но препроклятое слово имеет обыкновение вырываться из уст смотрителей: нет лошадей… Впрочем совестливый смотритель объявлял, что у него есть десяток своих лошадей, которых он, по доброте своей (его собственное выражение) готов дать за пятерные прогоны. Но я лучше решился сидеть за Ричардсоновой Кларисою в ожидании лошадей; потому что ежели на пути попадется мне еще десять таких благодетелей человеческого рода, то нечем будет доехать до пристанища…»25 Бывшее станционное здание сохранилось в Подольске и поныне. Оно находится на разветвлении Серпуховского и Варшавского шоссе и представляет собой небольшую двухэтажную постройку, типично екатерининского времени. Гоголь в нем неоднократно останавливался по дороге на юг, в Васильевку, и обратно в Москву.

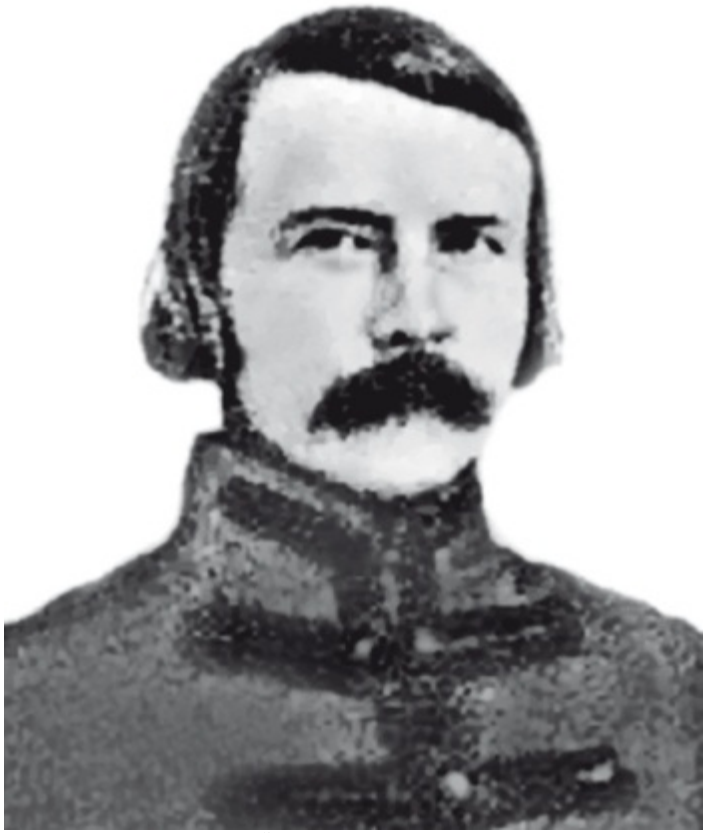
18 октября мы снова видим в Москве Гоголя, возвращающегося в Петербург. Пробыл он здесь всего несколько дней. «23 я думаю непременно выехать», — пишет он матери.

Однако за это короткое время Гоголь успел посетить Аксаковых, Загоскина и Погодина, а также расширить круг своих московских знакомств. Биограф писателя П. А. Кулиш пишет: «На возвратном пути из родины Гоголь отыскал в Москве своего земляка М. А. Максимовича, который был тогда профессором ботаники при Московском университете»27. Гоголь не застал Максимовича дома, и последний сам поспешил навестить его в гостинице (в какой именно — нам, к сожалению, неизвестно). Их дружеские отношения сложились с этой же встречи. Надо полагать, что свойственная им обоим восторженная любовь к народной песне немало содействовала этому сближению. Горячая любовь к народному творчеству проходит через всю жизнь Гоголя. Песня, по мысли Гоголя, властвует над душевным миром человека, в песне он перерождается, «чувствует себя исполином; душа и все существование раздвигается, расширяется до беспредельности»28. «Моя радость, жизнь моя! песни! как я вас люблю! Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями!.. — пишет он Максимовичу. — …Я не могу жить без песен…»29 П. А. Кулиш, имевший возможность беседовать на эту тему после смерти Гоголя с С. Т. Аксаковым, Максимовичем и Бодянским, отмечает, что русская песня «увлекала его сердце непобедимою силою, как живой голос всего огромного населения его отечества» 30. Песни для Гоголя были родником, вдохновляющим и питающим его творчество. «Малороссии[йские] песни со мною, — пишет он Погодину 15 августа 1839 года, в процессе работы над „Тарасом Бульбой“. — Запасаюсь и тщусь сколько возможно надышаться стариной»31. На примере этой повести мы видим, как многие старинные песни и думы ложатся в основу описываемых Гоголем эпизодов, характеров, бытовой обстановки. В работе Гоголя над историческим произведением песни как источники, наиболее ярко и полно выражающие народное осмысливание событий, занимают видное место.

М. А. Максимович в это время подготовлял к печати свой сборник «Украинские народные песни» (вышел в 1834 г.). Гоголь, сам собиравший образцы народной поэзии, вернувшись в Петербург, деятельно помогает ему. Он обращается с просьбой к матери о присылке ему «старинной тетради с песнями, между ними есть многие очень замечательны»32, поручает сестре записывать бытующие песни. Все это в копиях он направляет Максимовичу. В публикации последнего свыше 150 записей

принадлежит Гоголю.

М. А. Максимович, даровитый и разносторонний ученый — ботаник, историк, этнограф и литературовед, жил в те годы в Ботаническом саду, которым он заведовал (1-я Мещанская улица, № 28). Однако жилые и служебные постройки на его территории более позднего происхождения. Дом, где у Максимовича бывал Гоголь, не сохранился[6].



Петр Васильевич Киреевский

У Максимовича Гоголь познакомился с жившим у него студентом О. М. Бодянским, который впоследствии был профессором истории и литературы славянских наречий в Московском университете. Гоголь с первой же встречи заинтересовался работой молодого ученого и посылал ему через Максимовича пожелания «успехов в трудах»: С конца 1840-х годов Гоголь был с Бодянским в близких и дружеских отношениях.

В этот же приезд, а возможно, и в предыдущий, у Гоголя произошло еще одно знакомство. П. А. Плетнев сообщал В. А. Жуковскому о пребывании Гоголя в Москве в 1832 году:

«Вообще тамошние литераторы, кажется, порадовали его особенным вниманием к его таланту. Он не может нахвалиться Погодиным, Киреевским»33. Здесь неясно, о каком из братьев Киреевских идет речь: об Иване Васильевиче — писателе и философе, в будущем ставшем одним из основоположников славянофильства, или о его младшем брате, Петре Васильевиче, вошедшем в историю нашей словесности своим собранием русских песен. Вкладчиками в это собрание были крупнейшие писатели тех лет. По словам П. В. Киреевского, «А. С. Пушкин, еще в самом почти начале моего предприятия, доставил мне замечательную тетрадь песен, собранных им в Псковской губернии… Н. В. Гоголь сообщил мне тетрадь песен, собранную в различных местах России… В. И. Даль — собрание песен уральских… А. В. Кольцов — собрание песен Воронежской губернии» и т. д.34. Все эти факты дают нам основание полагать, что сближение Гоголя было именно с П. В. Киреевским; слишком много у них было общих интересов. Тем более что П. В. Киреевский, начавший собирание песен в 1830 году, в 1831 и 1832 годах с особым рвением записывал их в подмосковных деревнях.

Братья Киреевские жили в эти годы в доме своей матери А. П. Елагиной (по второму браку) — ныне Хоромный тупик, № 4. Четверть века дом этот являлся одним из средоточий науки, искусства и литературы в Москве. «У Красных у ворот, в республике, привольной науке, сердцу и уму…» — пишет о нем поэт Н. М. Языков35. В. А. Жуковский называл Елагину— «моя поэзия»36. И Гоголь, как мы увидим в дальнейшем, становится одним из постоянных посетителей этого крупнейшего литературного салона Москвы.

Дом А. П. Елагиной в Хоромном тупике, 4, в котором Н. В. Гоголь читал «Мертвые души». Акварель Б. С. Земенкова

«…До весны надеюсь быть у вас в Москве», — пишет Гоголь Погодину 25 ноября 1832 года37. Но вновь посетить Москву ему удается лишь в 1835 году. За эти два с половиной года он лишь деятельной перепиской поддерживает свои новые литературные связи. Из этой переписки явствует, что Москва, так тепло и приветливо его встретившая, становится для Гоголя уже родным и близким городом. «…Творческая сила меня не посещает до сих пор. Может быть, она ожидает меня в Москве», — пишет он Погодину38. Не получая долго ответных писем, Гоголь сетует: «Вся Москва, кажется, забыла меня. Тогда как ее беспрестанно вижу в мыслях своих»39. «Эх, зачем я не в Москве!» — вырывается у него в одном из последующих писем40.

4

Внимание к творчеству Гоголя с прежней силой жило в Москве. В начале 1834 года он был избран в действительные члены Общества любителей российской словесности.

Но деятельность Общества в эти годы уже в значительной степени упала. Поэт М. А. Дмитриев так вспоминает о Ф. Ф. Кокошкине, председательствовавшем в Обществе в 1826–1833 годах: «…думал более о наружном блеске собраний и сделал из них один спектакль для публики»1. Бездеятелен был и новый

председатель — М. Н. Загоскин. Вот почему, учитывая весьма малое значение Общества любителей российской словесности в эти годы, Гоголь иронически замечает его секретарю Погодину в ответ на присылку диплома: «При этом почтеннейшем вашем письме я получил маленькое прибавление, впрочем гораздо больше письма вашего, о венчании меня, недостойного, в члены Общества любителей слова, труды которого, без сомнения, слышны к Лондоне, Париже и во всех городах древнего и нового мира»2.

Весной 1835 года Гоголь вновь направляется в Васильевку. По дороге он проводит несколько дней в Москве. Об этом кратком пребывании сал: он пишет, что «…был страшно захлопотан и при всем том многих не видел»3. Однако Гоголь все же успел ознакомить москвичей со своей новой пьесой. Это была вчерне написанная «Женитьба», носившая тогда название «Женихи». Редактор журнала «Московский наблюдатель» В. П. Андросов сообщал А. А. Краевскому в Петербург в письме от 19 мая, что «… недели с три… Гоголь читал свою комедию „Женитьба“». Чтение это происходило у Погодина, по определению исследователей, 4 мая. Где в это время жил Погодин, продав свой дом на Мясницкой, — неизвестно. Чтение Гоголя имело большой успех. «Уморил повеса всю честную компанию… — пишет Андросов, — я хотел было — или лучше мои сотрудники желали было приобрести комедию для журнала, но он не согласился, хочет дать на сцену»4.

Об успехе выступления Гоголя пишет и Погодин: «Читал Гоголь так… как едва ли кто может читать. Это был верх удивительного совершенства… как ни отлично разыгрывались его комедии… но впечатления никогда не производили они на меня такого, как в его чтении». Особо он отмечает выразительность гоголевской мимики: «Когда дошло дело до любовного объяснения у жениха с невестою — „в которой церкви вы были в прошлое воскресенье? Какой цветок больше любите?“ — прерываемого троекратным молчанием, он так выражал это молчание, так оно показывалось на его лице и в глазах, что все слушатели a la lettre[7] покатывались со смеху, а он, как ни в чем не бывало, молчал и поводил только глазами»5.

На это чтение в числе других были приглашены Погодиным Е. А. Баратынский и Денис Давыдов, которые не смогли приехать. Из их ответных писем трудно выяснить, в какой мере поддерживались у них личные отношения с Гоголем и мог ли последний бывать у них.

С большой долей вероятности можно полагать, что Гоголь в эти годы бывал у Баратынского. Еще в 1833 году в письме к

Погодину он включает Баратынского в число своих ближайших московских знакомых: «Что делают наши москвичи? Что Максимович?.. А Киреевский… Не делает ли чего Баратынский? и не будет ли кто из вас этого лета в Петербурге?» В 1835 году Баратынский приобрел собственное владение на Спиридоньевской (ныне улица Алексея Толстого, № 14–16, дом не сохранился). Признаком известного сближения Баратынского с Гоголем можно считать его участие на первом именинном обеде Гоголя в 1840 году. Но в дальнейшем их отношения не получили развития. В 1841 году Баратынский приступил к постройке нового дома в Муранове, редко бывал в Москве, живя возле своей усадьбы в Артемове зимой и летом, по его словам, «в глубочайшем уединении…»7. Когда же Гоголь с 1848 года жил преимущественно в Москве, Баратынского уже не было в живых.

Второе чтение «Женитьбы» намечалось у С. Т. Аксакова, который в это время переехал из Афанасьевского переулка в дом Штюрмера на Сенном рынке[8]. Но Гоголь пришел к Аксакову с большим опозданием и заявил, что в этот день он читать не может. На чтение С. Т. Аксаков пригласил тех лиц, которые не присутствовали на предыдущем; в числе собравшихся были Н. В. Станкевич и В. Г. Белинский. Так дом Штюрмера явился местом первой встречи великого критика с Гоголем.

Виссарион Григорьевич Белинский

Славные имена Белинского и Гоголя неразрывно связаны в истории нашей литературы. Если Гоголь был родоначальником критического реализма в русской литературе, то произведения великого критика занимают в ней, по определению Н. Г. Чернышевского, «столь же важное место, как произведения самого Гоголя»8. Белинский непримиримо и страстно вел борьбу за гоголевскую школу, помогал самому Гоголю утвердиться на пути народности и реализма. Гоголь был любимым писателем

Белинского, В его переписке и статьях мы часто встречаем гоголевские выражения. В своих полемических выступлениях он нередко пользуется образами Гоголя. Еще за год до их первой встречи Белинский в своей замечательной статье «Литературные мечтания» (1834 г.) высоко оценил молодого Гоголя, отметив, что он «принадлежит к числу необыкновенных талантов… Дай бог, чтобы он вполне оправдал поданные им о себе надежды»9. Разбирая вышедшие в начале 1835 года сборники «Арабески» и «Миргород», Белинский в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» видит в нем уже «главу литературы»10.

В конце августа, возвращаясь в Петербург, Гоголь останавливается дольше в Москве. Его сопровождали А. С. Данилевский, один из ближайших друзей писателя, и И. Г. Пащенко; оба — его товарищи еще по Нежинской гимназии. Нельзя не отметить своеобразный характер этой поездки. «Здесь была разыграна оригинальная репетиция „Ревизора“, которым тогда Гоголь был усиленно занят. Гоголь хотел основательно изучить впечатление, которое произведет на станционных смотрителей его ревизия с мнимым инкогнито. Для этой цели он просил Пащенко выезжать вперед и распространять везде, что следом за ним едет ревизор, тщательно скрывающий настоящую цель своей поездки… Когда Гоголь с Данилевским появлялись на станциях, их принимали всюду с необычайной любезностью и предупредительностью… Гоголь держал себя, конечно, как частный человек, но как будто из простого любопытства спрашивал: — „Покажите, пожалуйста, если можно, какие здесь лошади; я бы хотел посмотреть их“»11.

Гоголь, Данилевский и Пащенко остановились в гостинице, в какой именно — нам, к сожалению, опять неизвестно.

На другой же день Гоголя посетил И. И. Дмитриев. Узнав, что он везет в Петербург комедию «Женитьба», Дмитриев просил прочитать ее у него дома, в кругу избранных москвичей. Т. Г. Пащенко рассказывает: «На вечере у Дмитриева собралось человек 25 московских литераторов, артистов и любителей, в числе которых был и знаменитый Щепкин с двумя своими дочерьми… по одну сторону Гоголя сидел Дмитриев, а по другую Щепкин. Читал Гоголь так превосходно, с такой неподражаемой интонацией, переливами голоса и мимикой, что слушатели приходили в восторг, не выдерживали и прерывали чтение различными восклицаниями. Кончил Гоголь и свистнул… Восторженный Щепкин сказал так: „Подобного комика не видал и не увижу!“ Потом, обращаясь к дочерям, которые готовились поступить на сцену, прибавил: „Вот для вас высокий образец художника, вот у кого учитесь!“»12 Все современники

единодушно отмечают исключительное мастерство и неподражаемую выразительность гоголевского чтения. Такой мастер русской сцены, как Щепкин, считал, что Гоголь обладал непревзойденным сценическим дарованием. Нельзя также забывать, что при постановке своих пьес Гоголь обычно сам, своим чтением, показывал актерам, как именно нужно им исполнять роли в его пьесах. С. Т. Аксаков, вспоминая чтение Гоголем «Женитьбы» в Москве в 1835 году, говорит: «Гоголь до того мастерски читал или, лучше сказать, играл свою пиесу, что многие понимающие это дело люди до сих пор говорят, что на сцене, несмотря на хорошую игру актеров, особенно Садовского в роли Подколесина, эта комедия не так полна, цельна и далеко не так смешна, как в чтении самого автора»13.

В этот приезд в Москву Гоголь также встречался (как явствует из его записки к Погодину об устройстве дружеского обеда) с профессором энциклопедии права Московского университета П. Г. Редкиным14. Сын боевого суворовского офицера, участника героического альпийского похода «чудобогатырей», Редкий был старым товарищем писателя по Нежинской гимназии и принимал вместе с Гоголем участие в литературном ученическом кружке. В начале 1830-х годов он закончил свое образование в Берлинском университете, где слушал у Гегеля логику и историю философии. Молодой профессор был любим студентами; по воспоминаниям А. Н. Афанасьева, он «читал с одушевлением оратора»15. Позднее Редкий был в близких отношениях с Герценом. В 1830-е годы он жил на Большой Полянке, в доме № 30.

К этому же пребыванию Гоголя в Москве относится его знакомство с автором популярной в свое время хрестоматии по истории русской литературы А. Д. Галаховым. Последний вспоминает, что он несколько раз встречал Гоголя у профессора судебной медицины А. О. Армфельда, близкого со многими литераторами — Аксаковым, Погодиным и другими. Узнав, что Галахов знакомит институток с его сочинениями, исключая, по указанию начальницы института, отдельные места, Гоголь рассмеялся и посоветовал читать «все сплошь… Ведь дивчата прочтут же тайком, втихомолку»16. Армфельд, с которым Гоголь был в дальнейшем в довольно, близких отношениях, жил в эти годы на казенной квартире при Сиротском; институте Московского воспитательного дома (Солянка, № 12).

Павел Воинович Нащокин

Можно полагать, что именно в этот приезд на квартире Аксаковых Гоголь встретился и с известным другом Пушкина П. В. Нащокиным. Жена последнего отмечает, что «…Гоголь скоро стал своим человеком в нашем доме»17. Вспомним, что эпизод из жизни Нащокина послужил Пушкину сюжетом «Домика в Коломне», его рассказы о помещике Островском Пушкин использовал для «Дубровского». Своеобразной личностью Нащокина заинтересовался и Гоголь. По свидетельству Щепкина, именно с него списан характер помещика Хлобуева во втором томе «Мертвых душ». Выделял Гоголя и Нащокин. После смерти Пушкина он видит в нем его преемника. Об особом внимании к Гоголю свидетельствует следующее сообщение Нащокина в

письме к Погодину (1844 г.): «Часы, которые он (Пушкин. — Б. З.) носил… я их подарил Н. В. Гоголю, у которого они еще и теперь находятся» 18. В эти годы Нащокин жил в Воротниковском переулке, в доме Ивановой (ныне № 12). Дом в основном сохранился, лишь вместо мезонина в 1838 году на первом этаже был выведен цельный второй этаж.

1 сентября Гоголь уже был в Петербурге. Здесь необходимо остановиться на одном весьма существенном факте творческой биографии Гоголя, тесно связанном с Москвой. В 1835 году осложняются его взаимоотношения с Петербургским университетом, где с июля 1834 года он был определен адъюнктом по кафедре истории. Вышедшие в начале 1835 года его книги «Арабески» и «Миргород» подверглись резким нападкам петербургской критики. Зная большую восприимчивость Гоголя, нельзя не думать, что эти дни были для него очень трудными. «Неизвестно, что сталось бы с автором, впечатлительным до крайности, — пишет П. В. Анненков, близко стоявший к Гоголю, — если бы Москва разделила сомнения и холодность петербургской публики, но здесь он встретил участие, поднявшее, как нам хорошо известно, нравственную бодрость его и сообщившее ему уверенность в своих силах… Нет сомнения, что Белинский первый положил твердый камень в основание всей последующей его известности, начав первый объяснять смысл и значение его произведений. Можно думать, что Белинский уяснил самому Гоголю его призвание и открыл ему глаза на самого себя»19. Речь здесь идет о двух статьях Белинского: «Гоголь, „Арабески“ и „Миргород“» («Молва», 1835, № 15; ценз. разр. от 12 апреля) и главным образом «О русской повести и повестях г. Гоголя» («Телескоп», 1835, № 7 и 8, ценз. разр. от 1 и 21 сентября). В первой статье Белинский писал о значении произведений Гоголя: «…эти новые произведения игривой и оригинальной фантазии г. Гоголя принадлежат к числу самых необыкновенных явлений в нашей литературе»20. Во второй же, раскрывая сущность дарования писателя, он говорил: «Отличительный характер повестей г. Гоголя составляют — простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния… Гоголь — поэт, поэт жизни-действительной»21. И далее: «После „Горе от ума“ я не знаю ничего на русском языке, что бы отличалось такою чистейшею нравственностию и что бы могло иметь сильнейшее и благодетельнейшее влияние на нравы, как повести г. Гоголя»22. Вот почему нельзя не согласиться ‘ с Анненковым, утверждавшим, что «…настоящим восприемником Гоголя и русской литературе,

давшим ему имя, был Белинский… Я близко знал Гоголя в это время и мог хорошо видеть, как, озадаченный и сконфуженный не столько ярыми выходками Сенковского и Булгарина, сколько общим осуждением петербургской публики, ученой братии и даже приятелей, он стоял совершенно одинокий, не зная, как выйти из своего положения и на что опереться… Руку помощи в смысле возбуждения его упавшего духа протянул ему тогда никем не прошенный, никем не ожиданный и совершенно ему неизвестный Белинский, явившийся с упомянутой статьей в „Телескопе“ 1835-го года. И с какой статьей! Он не давал в ней советов автору, не разбирал, что в нем похвально и что подлежит нареканию… — а, основываясь на сущности авторского таланта и на достоинстве его миросозерцания, просто объявил, что в Гоголе русское общество имеет будущего великого писателя»23. Так признание Гоголя пришло из Москвы. Белинский прозорливо понял и оценил историческую роль Гоголя для русской литературы еще до написания им «Ревизора» и «Мертвых душ».

5

6 декабря 1835 года Гоголь писал Погодину из Петербурга: «Я расплевался с университетом, и через месяц опять беззаботный казак… Но в эти полтора года… я много вынес оттуда и прибавил в сокровищницу души… Смеяться, смеяться давай теперь побольше. Да здравствует комедия! Одну наконец решаюсь давать на театр (речь идет о законченном „Ревизоре“. — Б. З.)… Скажи Загоскину, что я буду писать к нему об этом, и убедительно просить о всяком с его стороны вспомоществовании, а милому Щепкину: что ему десять ролей в одной комедии… Той комедии, которую я читал у вас в Москве, давать не намерен на театр („Женихи“, впоследствии названная „Женитьба“. — Б. З.)…»1 Однако «Ревизора» Гоголь выслал в Москву лишь через четыре с лишним месяца, уже после премьеры (19 апреля 1836 г.) в Петербурге. Он не доверял современным ему артистическим силам, воспитанным на развлекательных переводных водевилях, справедливо опасаясь, что общественный пафос его комедии будет снижен в постановке. Личное и деятельное участие в ней он считал необходимым. Вспоминая премьеру «Ревизора» в Петербурге, П. В. Анненков пишет: «Хлопотливость автора во время постановки своей пьесы, казавшаяся странной, выходящей из всех обыкновений и даже, как говорили, из всех приличий, горестно оправдалась водевильным характером, сообщенным главному лицу комедии, и пошло-карикатурным, отразившимся в других. Гоголь пострадал весь этот вечер»2. Во что же бы превратилась его комедия, если бы он устранился от работы с актерами? Свое присутствие в Москве он считал необходимым, чтобы личным чтением дать правильное и общественно заостренное раскрытие персонажам пьесы. 21 февраля он пишет Погодину: «Не хочу даже посылать прежде моего приезда актерам, потому что ежели они прочтут без меня, то уже трудно будет переучить их на мой лад. Думаю быть если не в апреле, то в мае в Москве»3.

Но роковой день премьеры «Ревизора» в Петербурге по существу надломил жизнь Гоголя и вызвал многолетние скитальчества за границей, только бы вон из николаевской России! Напрасно Щепкин, беспокоясь о судьбе московской постановки, пытался добиться приезда сюда Гоголя. По его просьбе Пушкин, находившийся тогда в Москве, пишет жене: «Пошли ты за Гоголем и прочти ему следующее: видел я актера Щепкина, который ради Христа просит его приехать в Москву

прочесть „Ревизора“. Без него актерам не спеться… не надобно чтоб „Ревизор“ упал в Москве, где Гоголя более любят, нежели в П.[етер-]Б.[ург]е…»4.

Пытается воздействовать на Гоголя и Погодин. «Щепкин плачет, — пишет он. — …Ты сделал с ним чудо. При первом слухе о твоей комедии на сцене он оживился, расцвел, вновь сделался веселым, всюду ездил и рассказывал. Надо почтить это участие таланта»5. Но, жестоко потрясенный петербургской премьерой, Гоголь с горечью пишет 29 апреля Щепкину: «Посылаю вам „Ревизора“… познакомившись с здешнею театральною дирекциею, я такое получил отвращение к театру, что одна мысль о тех приятностях, которые готовятся для меня еще и на московском театре, в силе удержать и поездку в Москву и попытку хлопотать о чем-либо… Мочи нет. Делайте, что хотите, с моей пьесой… Все против меня. Чиновники пожилые и почтенные кричат, что для меня нет ничего святого, когда я дерзнул так говорить о служащих людях. Полицейские против меня, купцы против меня, литераторы против меня. Бранят и ходят на пьесу; на четвертое представление нельзя достать билетов… уже находились люди, хлопотавшие о запрещения ее. Теперь я вижу, что значит быть комическим писателем. Малейший призрак истины — и против тебя восстают, и не один человек, а целые сословия»6.

Первое представление «Ревизора» в Москве состоялось 25 мая 1836 года. Ввиду ремонта Большого театра спектакль был дан в Малом. Городничего играл Щепкин, Хлестакова — Ленский. Однако первые спектакли, на которых присутствовало преимущественно светское общество Москвы, принимались сдержанно. В письме к актеру И. И. Сосницкому, исполнителю роли городничего в Петербурге, М. С. Щепкин иронически поясняет подлинные причины непринятия пьесы этим кругом зрителей: «Бранишь, что я не писал подробно об успехе пьесы… Публика была изумлена новостью, хохотала чрезвычайно много, но я ожидал гораздо большего приема. Это меня чрезвычайно изумило; но один знакомый забавно объяснил мне эту причину: „Помилуй, говорит, как можно было ее лучше принять, когда половина публики берущей, а половина дающей“»7. Очень может быть, что именно этот круг зрителей первых петербургских и московских спектаклей «Ревизора» вызвал в позднейшей редакции появление известной реплики городничего: «Чему смеетесь? Над собою смеетесь!».

О том, в какой мере казнокрадство и взяточничество вошли в плоть и кровь николаевского режима и поощрялись сверху,

наглядно свидетельствует красноречивая запись петербургского полицмейстера Ф. Б. Дубисса-Крачака. По его словам, «обычай» взяточничества, «как бы узаконенный, до того строго и точно соблюдался, что император Николай I посылал праздничные каждый раз по 100 руб. тому квартальному надзирателю, в квартале которого находился Зимний дворец»8. В этой ситуации становится вполне понятной общеизвестная фраза Николая I о том, что в «Ревизоре» досталось всем, а ему в особенности.

Московский журнал «Молва» посвятил первому представлению «Ревизора» большую воинствующую статью, написанную, как недавно установлено, Н. С. Селивановским, близким знакомым Белинского. Эта статья имеет громадное значение для уяснения той исторической обстановки, в которой осуществлялась московская постановка «Ревизора». В ней подчеркивается, что светские зрители, заполнившие в день премьеры театр, не могли не встретить враждебно пьесу Гоголя: «Так должно было быть, так и случилось!». Автор отмечает, что «…публика, посетившая первое представление „Ревизора“, была публика высшего тону, богатая, чиновная, выросшая в будуарах… Эта публика не обнаруживает ни печали, ни радости, ни нужды, ни довольства… потому, что это неприлично, что это вульгарно. Блестящий наряд и мертвенная холодная физиономия, разговор из общих фраз или тонких намеков на отношения личные: вот отличительная черта общества, которое низошло до посещения „Ревизора“, этой русской, всероссийской пиесы, изникнувшей не из подражания, но из собственного, быть может, горького чувства автора. Ошибаются те, которые думают, что эта комедия смешна, и только. Да, она смешна, так сказать снаружи; но внутри, это горе-гореваньице, лыком подпоясано, мочалами испутано. И та публика, которая была в „Ревизоре“, могла ли, должна ли была видеть эту подкладку, эту внутреннюю сторону комедии?.. Мы сбираемся идти к. судье, или городничему, думаем, как говорить и что сказать ему, а публика, о которой говорим теперь, кличет судью, зовет городничего… С этой-то точки глядя на собравшуюся публику, пробираясь на местечко между действительными и статскими советниками, извиняясь перед джентльменами, обладающими несколькими тысячами душ, мы невольно думали: вряд ли „Ревизор“ им понравится, вряд ли они поверят ему, вряд ли почувствуют наслаждение видеть в натуре эти лица, так для нас страшные… Уже в антракте был слышен полуфранцузский шепот негодования, жалобы, презрения: „mauvais genre!“[9] — страшный приговор высшего общества, которым клеймит оно самый талант, если он имеет счастие ему не нравиться… мы слышали, выходя из театра, как иные в изумлении спрашивали:

что же это значит?»9.

Статья в «Молве» гневно повествует о той закулисной борьбе, которая велась в дирекции московских театров против «Ревизора», бичует ее попытки обречь пьесу на провал. Это свидетельствует, что автор статьи (подписавшийся криптонимом «АБВ») хорошо знал обстановку, в которой осуществлялась московская постановка «Ревизора». 29 апреля Гоголь выслал пьесу М. С. Щепкину. 10 мая, давая ряд указаний об исполнении ролей, он просит его же «непременно из дружбы ко мне взять на себя все дело постановки… Скажите Загоскину, что я все поручил вам. Я напишу к нему»10. В тот же день он пишет М. Н. Загоскину: «Препроводив к вам моего Ревизора, смею льстить себя надеждою, что окажете ему ваше покровительство в постановке на московскую сцену. В рассуждении многих обстоятельств сценических уполномочиваю Щепкина, которому я передал свои замечания…»11 И чуть ли не в тот же день дирекция в лице Загоскина предприняла ряд мер, заставивших зависящего от нее Щепкина отказаться от руководства постановкой. Хорошо знавший театр и пользовавшийся большим авторитетом у московских актеров С. Т. Аксаков, по просьбе Щепкина, попытался взять эту почетную обязанность на себя. Уже 15 мая Гоголь отвечал ему: «Я не знаю, как благодарить за готовность вашу принять на себя обузу и хлопоты по моей пьесе. Я поручил ее уже Щепкину… Если же ему точно нет возможности ладить самому с дирекцией… я в ту же минуту приготовлю новое письмо к Загоскину»12. В результате, как пишет Н. С. Тихонравов, «„Ревизор“ был поставлен без участия Аксакова на московской сцене; Щепкин волей-неволей устранился от постановки… за десять дней до первого представления „Ревизора“ в Москве еще шли споры о том, кому должна была достаться честь постановки комедии… актеры лишены были непосредственных указаний… С тупым равнодушием, если не с затаенным нерасположением, отнеслись представители московской дирекции к постановке „Ревизора“ на сцену; они могли здесь действовать, не стесняясь: сам творец комедии не присутствовал на репетициях. Воспитанный на французской комедии Загоскин мог ли понять „Ревизора“? Мог ли сознать тот великий грех, который он совершал перед лицом „любителей театра“, устраняя Щепкина от постановки комедии?»13.

«Молва» писала: «Автор, как известно, поручил заняться обстановкою пиесы г. Щепкину, и точно не мог найти человека достойнее. Страстная любовь к своему искусству, глубокое, сознательное уважение к таланту автора, давнее, непреодолимое желание выбиться из колеи французской комедии и образовать

что-нибудь собственное, тщательное изучение характера лиц, способ его олицетворения: все это указывало на г. Щепкина, и только на него одного на пустыре московской сцены… но кто ставливал когда-нибудь пиесы, тот знает, что он может распоряжаться всем для успеха пиесы, — всем, кроме выбора персонажей, костюмов, декораций и даже объяснения ролей. Что же остается делать?., пожалеем, что в пиесе, вероятной до нельзя, допущены нелепые, допотопные костюмы, что она не объяснена артистам, и что они сами худо в нее вникнули… в представлении было утрачено лучшее, что есть в характере пиесы, тем более что при первом представлении вообще всех артистов можно упрекнуть в необыкновенной торопливости высказывать свою ролю, отчего многое терялось, оставаясь не замечено…»14. «Молва» обвиняла дирекцию, и прежде всего Загоскина, в том, что, ставя «Ревизора» почти без репетиций, без должных декораций и костюмов, придавая ему «скороговоркой» и «торопливостью» исполнения характер легкомысленного переводного водевильчика, она по существу пыталась провалить пьесу, лишить ее всей сатирической силы.

В феврале 1843 года, в связи с московской постановкой «Женитьбы», С. Т. Аксаков писал Гоголю, что «Загоскин… особенно взбеленился на эпиграф к „Ревизору“. С пеной у рта кричит: „да где же у меня рожа крива?“ Это не выдумка»15. И если вглядеться пристальнее в факты, то едва ли поведение Загоскина можно рассматривать лишь как проявление только литературной вражды. Здесь можно усмотреть и более глубокие корни. За спиной Загоскина вырастает зловещая фигура главы III отделения Бенкендорфа. Нельзя не полагать, чтобы Бенкендорф, столь рьяно стремившийся подавить любое проявление свободной мысли в стране, мог бы оставить без внимания и без противодействия отношение к пьесе передовой общественности, которая, по словам А. И. Герцена, на спектаклях «Ревизора» «… своим смехом и рукоплесканиями протестовала против нелепой и тягостной администрации, против воровской полиции, против общего „дурного правления“»16.

Весьма симптоматична та неожиданная настойчивость, с какой Загоскин не допускал к руководству постановкой и М. С. Щепкина и С. Т. Аксакова. Если учесть их близкое знакомство, при котором такая линия поведения становится вопиющей бестактностью, ‘то это упорное сопротивление участию в постановке творчески деятельных сил может быть объяснено лишь указанием свыше. Характерны также то расположение и та симпатия, которые всегда отчетливо звучат в письмах Бенкендорфа к Загоскину и на которые всесильный глава III

отделения был далеко не щедр. В 1839 году, когда жандармский офицер В. Владиславлев приступил к изданию альманахов «Утренняя заря», Бенкендорф с подчеркнутой любезностью просит Загоскина принять в них участие, отмечая, что «…всякое приношение ваше в сей альманах будет принято мною с искренней благодарностью»17. В 1836 году — всего через два с половиной месяца после московской премьеры «Ревизора» — Бенкендорф писал Загоскину о том, что он, «…свидетельствуя совершенное почтение его высокородию Михаилу Николаевичу, покорнейше просит его, как очевидца сегодняшнего шествия его величества государя императора в Успенский собор, потрудиться написать о сем статью, которую доставить к нему… для помещения оной в газету „Северная пчела“»18. В этом письме обращает на себя внимание тот факт, что из среды всех московских литераторов Бенкендорф счел достойным лишь Загоскина стать рупором III отделения и что он привлекает его к участию в органе своего давнишнего агента Ф. В. Булгарина — ожесточенного врага Гоголя.

В этой связи становится понятным, почему именно «Северная пчела» рьяно выступила на защиту Загоскина от обличительной статьи в «Молве». В булгаринской газете появилось письмо из Москвы с подписью, весьма напоминающей наименования героев очерков Загоскина: «Титулярный советник Иван Евдокимов сын Покровский». Официозное происхождение этого письма не вызывает сомнений. Автор его, не обращая внимания на подпись под статьей в «Молве» — «АБВ», заявляет: «Эта статья никем не подписана, но, кажется, судя по слогу, энергии, логике и вежливому тону, она сочинена г. Белинским»19. После этого недостойного выпада автор письма переходит к прямому доносу, указывая, что «…не проходит разу, чтобы в „Молве“ он (Белинский. — Б. З.) не учил уму-разуму московских актеров… г. Белинский, говоря о вашем (то есть петербургском. — Б. З.) Каратыгине, закричал в „Молве“: „Не надо нам актера-аристократа!“… как же после этого какой-нибудь порядочный артист, который дорожит своим местом, может угодить г. Белинскому?»20. На эти прямые угрозы, в том числе и актерам, великий критик отвечал заметкой в «Телескопе»: «От Белинского». В ней он отклонял от себя «незаслуженную честь» авторства статьи в «Молве», оговариваясь, однако, что ему «… было бы очень приятно подписать свое имя», так как он «согласен с большею частью мнений». В этой же заметке он недвусмысленно спрашивает, как бы вскрывая те закулисные силы, которые ополчились на «Ревизора»: «Кто знает настоящий ранг почтенного не литератора, скрывшегося под скромным именем титулярного

советника? Из слов его видно, что он имеет большой круг деятельности, силу немаловажную… что это значит? Почтенный титулярный советник не дает ли этим знать, что актер, который подорожил бы моим мнением или последовал бы моему совету… должен „лишиться места“? Странно! Этот г. титулярный советник что-то очень грозен!»21.

«Критик „Молвы“, — пишет Н. С. Тихонравов, — дает понять, что Булгарин и Сенковский, помимо печатных статей, в которых Гоголь обзывался „клеветником на Россию“, не останавливались и перед письменною клеветой на творца „Ревизора“. Любопытное современное свидетельство!»22. Озлобленные критические отзывы, вмешательство в постановку, доносы, угрозы актерам — все было пущено в ход реакционными кругами в оголтелом походе против гениального произведения Гоголя. Травля «Ревизора» продолжалась долгие годы. Даже через три с половиной десятилетия после первой постановки правительственные круги боялись показывать народу пьесу Гоголя. 4 июня 1872 года в Москве был открыт спектаклем «Ревизор» народный театр при Политехнической выставке. Через непродолжительное время московский генерал-губернатор получил телеграмму министра внутренних дел «с запрещением давать „Ревизора“, производящего слишком сильное впечатление на публику, и притом не то, какое желательно правительству»23. Лишь с большим трудом, и то из опасения нежелательных толков, пьесу разрешили показать еще… три раза.

К чести московских артистов необходимо отметить, что московская постановка, вопреки воле дирекции, все же достигла высокого уровня благодаря их искренней и верной игре, что было осуществлено, безусловно, деятельнейшим участием в постановке гениального истолкователя гоголевской драматургии М. С. Щепкина. Через два года после постановки, 17 мая 1838 года, силами тех же участников «Ревизор» был показан в театре Петровского парка. Об этом спектакле В. Г. Белинский отозвался восторженно: «Городничего играл Щепкин… И как он выполнил ее (роль. — Б. З.)! Нет, никогда еще не выполнял ее так!.. Актер понял поэта… удивительно то, что вся пьеса идет прекрасно… все хороши, и в ходе пьесы удивительная общность, целость, единство и жизнь… Какие надежды, какие богатые надежды сосредоточены на Гоголе! Его творческого пера достаточно для создания национального театра. Это доказывается необычайным успехом „Ревизора“! Какое глубокое, гениальное создание!»24

Высоко ценя общественное значение «Ревизора», Белинский неоднократно обращался к комедии Гоголя в своих статьях и заметках. Эта пьеса давала возможность критику в его неустанной

борьбе с крепостнической действительностью широко обсуждать различные проблемы русской жизни, русского театра и литературы. Он пристально следил и за ее сценическим истолкованием, предостерегая от упрощенного понимания образов комедии, от снижения ее сатирического пафоса. Выделяя среди других исполнителей М. С. Щепкина, Белинский подчеркивал, что успех его игры заключен в глубоком и правильном идейном толковании пьесы — «актер понял поэта».

В борьбе за «Ревизора» против реакционных кругов Белинский оказал громадную помощь Гоголю. П. В. Анненков вспоминает, что «Ревизор» Гоголя, «едва не согнанный со сцены стараниями „Библиотеки для чтения“, которая, как говорили тогда, получила внушение извне преследовать комедию эту, как политическую… возвратился благодаря Белинскому на сцену уже с эпитетом „гениального произведения“… А затем, не останавливаясь перед осторожными заметками благоразумных людей, Белинский написал еще резкое возражение всем хулителям „Ревизора“… Это возражение носило просто заглавие: „От Белинского“, и объявляло Гоголя безоглядно великим европейским художником, упрочивая окончательно его положение в русской литературе»25.

Почти одновременно с премьерой в Москве были получены первые экземпляры только что вышедшего из печати «Ревизора». Они были буквально расхватаны. Проникая в более широкие круги московского общества, они обеспечили комедии Гоголя заслуженный успех и необычайную популярность в первые же дни. В уже упоминавшейся нами статье «Молва» писала: «Наконец показалось и в нашем добром городе Москве двадцать пять экземпляров желанного „Ревизора“, и они расхватаны, перекуплены, перечитаны, зачитаны, выучены, превратились в пословицы и пошли гулять по людям, обернулись эпиграммами и начали клеймить тех, к кому придутся. Имена действующих лиц из „Ревизора“ обратились на другой день в собственные названия: Хлестаковы, Анны Андреевны, Марьи Антоновны, Городничие, Земляники, Тяпкины-Ляпкины пошли под руку с Фамусовым, Молчалиным, Чацким, Простаковыми…. Посмотрите: они, эти господа и госпожи, гуляют по Тверскому бульвару, в парке, по городу, и везде, везде, где есть десяток народу, между ними наверно один выходец из комедии Гоголя… Отчего ж это? Кто вдвинул это создание в жизнь действительную?.. Это сделали два великие, два первые деятеля: талант автора и современность произведения… Напрасно Фаддей Венедиктович Булгарин и г. профессор Осип Иванович Сенковский, уцеплясь за „Ревизора“ с первого явления, потащили его на плаху своих литературных

суждений… „Ревизор“ стал, встряхнулся и разбрелся… по всем закоулкам Москвы»26.

Прием, оказанный «Ревизору» на петербургской премьере, а затем озлобленные выпады против комедии реакционной прессы тяжело подействовали на душевное состояние Гоголя. Напрасны были дружеские приглашения москвичей: «…теперь не доставит мне Москва спокойствия, а я не хочу приехать в таком тревожном состоянии, в каком нахожусь ныне. Еду за границу, там размыкаю ту тоску, которую наносят мне ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комический, писатель нравов должен подальше быть от своей родины», — пишет он о николаевской России27. Он верит, что только отъезд, передвижение, дальние странствия вернут ему необходимое душевное равновесие. «Дорога, мое единственное лекарство», — говорил он обычно28; «…дорога и путешествие действовали благодетельнее всего»29; «…как я ни хил и болезнен, но надеюсь на дорогу…»30. Вспомним, наконец, его автобиографическую тираду в «Мертвых душах»: «Как ты хороша подчас, далекая, далекая дорога! Сколько раз, как погибающий и тонущий, я хватался за тебя, и ты всякий раз меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось в тебе чудных замыслов, поэтических грез, сколько перечувствовалось дивных впечатлений!»31. «Отъезд мой уже решен, — пишет он Щепкину. — Знаю, то вы все приняли бы меня с любовью. Мое благодарное сердце чувствует это… Лучше я с гордостью понесу в душе своей эту просвещенную признательность старой столицы моей родины и сберегу ее, как святыню, чужой земле»32. И, с горечью покидая родную землю, любимые им беспредельные русские поля и нивы, он в ответ на дружеские увещевания москвичей поясняет им всю трагичность положения передового, прогрессивного писателя, художника-гражданина в условиях крепостнической монархии Николая I: «…Не сержусь, что сердятся и отворачиваются те, которые отыскивают в моих оригиналах свои собственные черты и бранят меня. Не сержусь, что бранят меня неприятели литературные, продажные таланты, но грустно мне это всеобщее невежество, движущее столицу… Грустно, когда видишь, в каком еще жалком состоянии находится у нас писатель… Я огорчен не нынешним ожесточением против моей пиесы; меня заботит моя печальная будущность… Сказать о плуте, что он плут, считается у них подрывом государственной машины… Москва больше расположена ко мне… Сердце мое в эту минуту наполнено благодарностью к ней за ее внимание ко мне»33.

1836 год был роковым в жизни Гоголя. Неудача с

профессорством надолго ранила его творческое самолюбие. Травля «Ревизора» болезненно переживалась им годами. Николаевский Петербург делается для него почти невыносимым. Начинается многолетняя скитальческая жизнь. По существу, с этой даты Гоголь уже никогда не имел своего угла, своего «дома». Он вечно странник, он вечно в дороге. Но внутренне он никогда расстается с вскормившей его дарование родиной. «Теперь передо мною чужбина, — обращается он из Женевы к Погодину 22 сентября 1836 года, — вокруг меня чужбина, но в сердце моем Русь, не гадкая Русь, но одна только прекрасна Русь»34.

6

«Ни одной строки не мог посвятить я чуждому. Непреодолимою цепью прикован я к своему…» — писал Гоголь Погодину в 1837 году1.

Перед его глазами все время стоит Россия, голодающее, нищее крестьянство в тьме «николаевской ночи», помещики — гуляки и скряги, праздные мечтатели и скопидомы, грубые стяжатели и сентиментальные фантазеры. Переезжая с места на место, проводя многие часы в дорожных каретах и дилижансах, Гоголь живет в напряженном труде над первым томом «Мертвых душ». «Я вижу только грозное и правдивое потомство, преследующее меня неотразимым вопросом: „Где же то дело, по которому бы можно было судить о тебе?“ И чтобы приготовить ответ ему, я готов осудить себя на все, на нищенскую и скитающуюся жизнь, на глубокое, „прерываемое уединение, которое отныне я ношу с собою везде…“», — читаем мы в его письме Погодину от 28 ноября 1836 года2. Почти одновременно он сообщает В. А. Жуковскому, что «Мертвые текут живо, свежее и бодрее… мне совершенно кажется, как будто я в России: передо мною все наши, наши помещики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы…»3.

Но денежные неурядицы и долги готовы каждую минуту прервать его драгоценную работу: «…Писатели в наше время могут умирать с голоду», — горечью обращается он из Рима к В. А. Жуковскому в апреле 1837 года4. И здесь Москва приходит ему на помощь. «…Я, Погодин, Баратынский и Н. Ф. Павлов сложились по 250 р. и 1000 р. предложил сам, по сердцу весьма добрый человек, И. Е. Великопольский…» — вспоминает С. Т. Аксаков5. В письме же сыну Константину 12 июля 1838 года он прямо указывает, что идея денежной помощи москвичей

Гоголю принадлежит И. Е. Великопольскому — «первая мысль его… а Хомяков и Мельгунов отказались под предлогом, что „это, может быть, неправда“. Хомяков, который имеет 200 тысяч доходу!»6.

Александр Сергеевич Пушкин. Портрет работы В. А. Тропинина.

1837 год принес Гоголю, может быть, самую тяжелую утрату в его жизни. От смерти Пушкина он до конца своих дней не смог оправиться. «…По моему мнению, — отмечает С. Т. Аксаков, — он уже никогда не выздоравливал совершенно… смерть Пушкина была единственной причиной всех болезненных явлений его духа…»7 «О Пушкин, Пушкин! Какой прекрасный сон удалось мне видеть в жизни, и как печально было мое пробуждение!» — взволнованно пишет Гоголь В. А. Жуковскому8. «Ни одна строка

не писалась без того, чтобы я не воображал его пред собою, — читаем мы в письме к их общему другу П. А. Плетневу, которому был посвящен „Евгений Онегин“. — Что скажет он, что заметит он, чему посмеется, чему изречет неразрушимое и вечное одобрение свое, вот что меня только занимало и одушевляло мои силы… Нынешний труд мой („Мертвые души“. — Б. З.), внушенный им, его создание… Я не в силах продолжать его…»9. Нерадостны были дни Гоголя. Тяжелые потери близких, болезни, безденежье — вот его обстановка во время труда над «Мертвыми душами».

Лишь через четыре года Москва вновь увидела Гоголя: 26 сентября 1839 года он приехал вместе с Погодиным (они встретились в Вене) и остановился у него в доме. Известие о его возвращении быстро разнеслось по всей стране. «…Привез Гоголя. Спасибо великое тебе за это все говорят здесь», — писал Погодину М. А. Максимович из Киева. Калайдович писал из Петербурга: «Вы привезли с собою в подарок русской литературе беглеца Пасичника… Теперь только разговоров, что о Гоголе… Только и слышим, что цитаты из Вечеров на Хуторе, из Миргорода, из Арабесков… Петербург жалеет, что потерял одного из достойнейших литераторов…»10

Еще в начале 1836 года Погодин приобрел себе новое владение, ставшее в дальнейшем одной из достопримечательностей Москвы. По словам биографа Погодина, «в его доме, в известные дни, сбирались все находившиеся на лицо в Москве представители русской науки и литературы в течение многих последовательных периодов их развития, от Карамзинского до Пушкинского и Гоголевского включительно, и до позднейших времен. Сменялись поколения и направления: он один не менялся, и был в постоянном дружеском общении с людьми всех возрастов и классов»11. История Погодинского дома является значительным эпизодом истории литературной Москвы, ее литературных кружков и салонов. Здесь А. Н. Островский читал «Банкрута» (в дальнейшем переименованного в «Свои люди — сочтемся»), Л. А. Мей — «Слово о полку Игореве», М. Н. Загоскин — «Мирошева», А. Ф. Писемский — «Ипохондрика» и т. д. Здесь с рассказами выступали Горбунов, Садовский, Щепкин, играл Н. Рубинштейн, бывали Пушкин, Аксаковы, Хомяков, Тургенев, Тютчев, Л. Толстой. Последний запечатлел Погодинский дом на страницах «Войны и мира». Вспомним, что Пьера Безухова приводят на допрос в «большой белый дом с огромным садом. Это был дом князя Щербатова»12. У него Погодиным и было приобретено это владение.

В одном из флигелей Погодин содержал свой пансион, где

учился А. А. Фет.

Наконец, надо вспомнить погодинское древлехранилище, помещавшееся в основном доме. Это богатейшее собрание состояло из рукописей, старопечатных книг, древних грамот, автографов Кантемира, Ломоносова, Державина, Суворова, Румянцева и др. В нем же находились личные письма и бумаги Петра, старинное оружие, монеты, наконец ценнейшая коллекция народных лубков, куда входили листы еще первой половины XVIII века. Слава погодинского собрания была настолько велика, что знакомиться с ним приезжали западноевропейские ученые. В 1852 году Погодин продал свое древлехранилище государству.

Приехавший Гоголь поместился в одной из больших комнат мезонина главного дома[10]. Пять окон большой комнаты Гоголя выходили на улицу. Внизу помещался, занимая все пространство вдоль фасада, кабинет Погодина, состоявший из трех комнат, заставленных книжными шкафами, увешанный картинами и гравюрами, — место вечернего моциона Гоголя.

Сын Погодина оставил нам воспоминания об обычном распорядке гоголевского дня: «До обеда он никогда не сходил вниз в общие комнаты, обедал же всегда со всеми нами, причем был большею частью весел и шутлив… После обеда до семи часов вечера он уединялся к себе, и в это время к нему уже никто не ходил, а в семь часов, он спускался вниз, широко распахивал двери всей амфилады передних комнат, и начиналось хождение, а походить было где: дом был очень велик…»13. Надо полагать, что такое деление дня только на труд и отдых было типично для Гоголя и во время прочих его пребываний в Москве. Во всяком случае, оно вполне согласуется с характеристикой С. Т. Аксакова: «У Гоголя было два состояния: творчество и отдохновение»14.

М. С. Щепкин был одним из первых москвичей, увидавших Гоголя после долгой разлуки. Уже 28 сентября он восторженно пишет о приезде Гоголя С. Т. Аксакову, проводившему лето этого года в селе Аксиньине возле Химок: «…просидел целый вечер у них… такое волнение его приезд во мне произвел, что я нынешнюю ночь почти не спал»15.

По свидетельству сына Щепкина, Гоголь посетил своего друга на даче в Волынском, расположенном невдалеке от Кунцева, «… говорил, что думает пожить у него, отдохнуть и немного поработать, обещался кое-что прочесть из „Мертвых душ“… Но не успел Гоголь прожить трех дней, как поехал в гости к Михаилу Семеновичу Панаев… Гоголь за ужином объявил, что рано утром на другой день ему надо ехать в Москву по делам, и не состоялось чтение его новых произведений»16. Семья Аксаковых перебралась в город 1 октября. На следующий день Гоголь

посетил их вместе со Щепкиным. С данного приезда Гоголя в Москву завязываются его близкие отношения с семьей Аксаковых. Сергей Тимофеевич вспоминает: «Гоголь почувствовал, что мы точно его настоящие друзья… С этого собственно времени началась наша тесная дружба, развившаяся между нами»17.

В творческой судьбе С. Т. Аксакова встреча с Гоголем сыграла громадную роль. «Для Аксакова-отца сочинения Гоголя были новым словом, — пишет И. И. Панаев. — Они вывели его из рутины старой литературной школы»18. Под непосредственным влиянием своего великого собрата он из третьестепенного эпигона-классика 1810–1820-х годов стал книжником-реалистом, написал «Семейную хронику» и «Детские годы Багрова-внука», утвердившие его имя в русской литературе. К чести С. Т. Аксакова следует отметить, что он решительно восставал против мистических настроений, возникших у Гоголя в середине 1840-х годов. «Я боюсь, как огня, мистицизма; а мне кажется, он как-то проглядывает у вас… — писал он Гоголю 17 апреля 1844 года. — Вы ходите по лезвию ножа! Дрожу, чтоб не пострадал художник!»19 В 1846 году С. Т. Аксаков, обращаясь к П. А. Плетневу, горячо восстает против издания «Переписки с друзьями» и «Предуведомления» к пятому изданию «Ревизора»: «…Все это с начала до конца чушь, дичь и нелепость, и, если будет обнародовано, сделает Гоголя посмешищем всей России»20. Ознакомившись с вышедшей книгой, он пишет самому Гоголю: «Вы грубо и жалко озлобились. Вы совершенно сбились, запутались… думая служить Небу и человечеству, оскорбляете и Бога, и человека. Если б эту книгу написал обыкновенный писатель — бог бы с ним! Но книга написана вами… поэтому книга ваша вредна… Горько убеждаюсь я, что никому не проходит безнаказанно бегство из отечества»21.

В трудные минуты скитальческой жизни Гоголя С. Т. Аксаков прежде многих и преданнее других спешил материально помочь Гоголю, подчас лишая денег семью. «Аксаковы нуждаются. Они даже на зиму переселились теперь в деревню по этой причине», — писал в 1845 году С. П. Шевырев Гоголю22. В семье Аксаковых существовал культ Гоголя, перед ним благоговели, окружали всевозможными знаками внимания, заботились о его комфорте вплоть до особого стакана на столе! Однако подлинной, глубокой близости между Гоголем и семьей Аксаковых не было.

В 1847 году Гоголь писал А. О. Смирновой: «…Я всегда, однако, держал себя вдали от них. Бывая у них, я почти никогда не говорил ничего о себе… Я видел с самого начала, что они способны залюбить не на живот, а на смерть… Словом, я бежал от их любви, ощущая в ней что-то приторное; я видел, что они

способны смотреть распаленными глазами на предмет любви своей»23.

Константин Сергеевич Аксаков

Дом Аксаковых с начала 1840-х годов становится одним из центров славянофилов. С. Т. Аксаков не принимал активного участия в возникшей идейной борьбе, но его сыновья Константин и позднее Иван были одними из лидеров этого реакционного

течения. Теми же интересами жили и дочери С. Т. Аксакова. Все это создавало ряд преград в развитии отношений Гоголя с семьей Аксаковых. Эти отношения были в значительной мере подорваны также изданием К. С. Аксаковым брошюры «Несколько слов о поэме Гоголя „Похождения Чичикова, или Мертвые души“», в которой он пытался исказить обличительную сущность творчества Гоголя. «…Он опозорился в глазах света на мне», — писал в связи с этим Гоголь 22 декабря 1844 года24. В конце жизни Гоголя его отношение к К. С. Аксакову нередко носит характер резко выраженной враждебности, в чем сам К. С. Аксаков признается в письме к брату Ивану: «Столкновения мои с Гоголем часто неприятны; в его словах звучит часто ко мне недоброжелательство и оскорбительный тон»25. Но, отгораживаясь от сектантской узости и чуждых ему идейных взглядов К. С. Аксакова, Гоголь в лице его отца, С. Т. Аксакова, всегда ценил тонкого и наблюдательного художника-реалиста.

В 1839 году, как вспоминает И. И. Панаев, «Аксаковы жили… в большом отдельном деревянном доме на Смоленском рынке. Дом… был битком набит дворнею. Это была… патриархальная, широкая, помещичья жизнь, перенесенная в город… Дом Аксакова и снаружи и внутри по устройству и расположению совершенно походил на деревенские барские дома; при нем были обширный двор, людские, сад и даже баня в саду»26[11].

По свидетельству С. Т. Аксакова, Гоголь в доме Требинова «бывал у нас почти каждый день и очень часто обедал»27.

Во вторник 17 октября С. Т. Аксаков писал своим сыновьям: «В прошедшую субботу (то есть 14 октября. — Б. З.) Гоголь читал у нас начало комедии „Тяжба“ и большую главу из романа (вероятно, „Мертвые души“). И то и другое — чудные созданья!.. он так читает или, лучше, играет, как никто! Лучшие актеры, мне известные, перед ним — ученики в театральном искусстве»28. К. С. Аксаков, сообщая своим братьям об этом же чтении, отмечал, что в числе собравшихся был «Панаев… Наконец приехал Гоголь, с ним Нащокин и М.С. (Щепкин)»29.

И. И. Панаев в своих воспоминаниях описал оригинальность приемов гоголевского чтения. Очевидно, чтобы более сконцентрировать внимание слушателей, Гоголь, несмотря на данное обещание, долго отказывался, «…нехотя подошел к большому овальному столу перед диваном, сел на диван, бросил беглый взгляд на всех, опять начал уверять, что он не знает, что прочесть, что у него нет ничего обделанного и оконченного… и вдруг икнул раз, другой, третий… Дамы переглянулись между собою, мы не смели обнаружить при этом никакого движения и только смотрели на него в тупом недоумении.

— Что это у меня? точно отрыжка? — сказал Гоголь и остановился.

Хозяин и хозяйка дома даже несколько смутились… Им, вероятно, пришло в голову, что обед их не понравился Гоголю…

Гоголь продолжал:

— Вчерашний обед засел в горле, эти грибки да ботвиньи! Ешь, ешь, просто черт знает, чего не ешь…

И заикал снова, вынув рукопись из заднего кармана и кладя ее перед собою… „Прочитать еще „Северную пчелу“, что там такое?…“ — говорил он, уже следя глазами свою рукопись.

Тут только мы догадались, что эта икота и эти слова были началом чтения драматического отрывка, напечатанного впоследствии под именем „Тяжбы“. Лица всех озарились смехом… Щепкин заморгал глазами, полными слез…

…Восторг был всеобщий; он подействовал на автора.

— Теперь я вам прочту, — сказал он, — первую главу моих „Мертвых душ“, хотя она еще не обделана.

…Все были потрясены и удивлены. Гоголь открывал для своих слушателей тот мир, который всем нам так знаком и близок, но который до него никто не умел воспроизвести с такою беспощадною наблюдательностью…

После чтения Сергей Тимофеич Аксаков в волнении прохаживался по комнате, подходил к Гоголю, жал его руки и значительно посматривал на всех нас… „Гениально, гениально!“ — повторял он»30. Вспоминая этот день, С. Т. Аксаков впоследствии писал: «Мы услышали первое чтение первой главы „Мертвых душ“. Это был восторг упоения, полное счастие, которому завидовали все, кому не удалось быть у нас во время чтения; потому что Гоголь не вдруг стал читать у других своих знакомых»31.

Из других значительных событий этого пребывания Гоголя в Москве следует отметить посещение им спектакля «Ревизор», которого он еще не видел на московской сцене. Актеры мечтали показаться автору пьесы. По инициативе С. Т. Аксакова Загоскин назначил спектакль на день, выбранный самим Гоголем. Как явствует из письма С. Т. Аксакова сыновьям, это было 17 октября 1839 года32. Слух о предстоящем посещении автором спектакля быстро распространился по Москве, а потому, по свидетельству И. И. Панаева, «Большой московский театр, редко посещаемый публикою летом, был в этот раз полон. Все московские литературные и другие знаменитости были здесь в полном сборе»33. На следующий день Н. П. Огарев писал А. И. Герцену: «Начну с „Ревизора“. Вчера его давали… Барон[12] отхлопал себе ладоши, которые рдеют и покрываются пузырями… пьеса шла

превосходно… Щепкин неподражаем и Орлов (играл Осипа. — Б. З.) также. Чем более вникаю в эту пьесу, тем более сглаживаются все неровности, которые воображались прежде, и каждое лицо является в удивительной истинности»34.

По свидетельству С. Т. Аксакова, «пиэса шла отлично хорошо; публика принимала ее (может быть, в сотый раз) с восхищением»36. «Все искали глазами автора, все спрашивали, где он? Но его не было видно. Только в конце второго действия его открыл Н. Ф. Павлов в углу бенуара г-жи Чертковой. По окончании третьего акта раздались громкие крики: „Автора! автора!“». «Громче всех кричал и хлопал К. Аксаков», — вспоминает И. И. Панаев36. Однако Гоголь как мы уже отметили выше, не любивший никакого повышенного изъявления чувств, не только не вышел на вызовы, но, прячась от публики, немедленно покинул театр. Мы не знаем в точности, каково было впечатление Гоголя от московской постановки, но можно с уверенностью сказать, «что в ней его многое не удовлетворило, так как через несколько лет он вернулся к мысли о необходимости личным чтением показать актерам, как должен ими играться „Ревизор“».

Неожиданный отъезд Гоголя из театра породил немало толков в Москве. Присутствовавшим не было понятно такое отношение к вызовам. А.между тем Гоголь не. мог не сетовать на публику, которая овациями и вызовами отвлекала его от действительно нужного дела — углубленно и требовательно суровыми глазами постановщика увидеть спектакль; понять сценические возможности исполнителей с тем, чтобы рядом творческих указаний помочь актерам наиболее типически и действенно раскрыть содержание пьесы. Т. Н. Грановский писал Н. В. Станкевичу: «…сочинитель уехал, не желая тешить зрителей появлением своей особы. За это его ужасно поносили. Мне стало досадно: как будто человек обязан отдавать себя на волю публики, да еще какой!»37.

Вечер после спектакля Гоголь провел у Чертковых, с которыми он познакомился во время заграничной поездки и поддерживал отношения в последующие годы. Их дом был одним из культурных очагов в Москве[13]. А. Д. Чертков был крупным библиофилом, археологом и нумизматом. С 1848 года он возглавлял Общество истории и древностей российских. На основе его книжного и рукописного собрания возник журнал исторических материалов «Русский архив». Чертковской библиотекой пользовался Л. Н. Толстой при работе над «Войной и миром». Ныне она вошла в фонды Государственной исторической библиотеки. У Е. Г. Чертковой часто собирались московские ученые и писатели. С. М. Загоскин (сын писателя) в своих

воспоминаниях указывает, что она особенно была дружна с Гоголем38. Дочь Чертковых рассказывает, что он нередко читал у них свои произведения, в том числе «Тяжбу»: «…Превосходно он читал; выводимые им лица говорили словно живые, и он лицедействовал, как чудесный актер на сцене»39.

В этот же приезд Гоголь общается с находившимся в Москве проездом молодым филологом И. И. Срезневским, в дальнейшем создавшим ряд ценных работ по славянской литературе, мифологии и лингвистике, встреча их могла произойти или у Погодина или у Чертковых, где Срезневский неоднократно бывал. В письме к матери от 7 октября 1839 года он сообщает, что «… сегодня вечером они (Гоголь и Погодин. — Б. З.) заедут ко мне»40, а в письме от 15 октября рассказывает, что он вручил Щепкину текст одной из излюбленных великим актером пьес: «Я передал ему Москаля Чаривника: он издаст его как 2-ю книжку Украин. сборника, и Гоголь будет держать корректуру, а издавши, поставит на Моск. театре… просидел у меня с Гоголем целый вечер, и мы говорили все о Малороссии… читали кое-что из Баллад Украинских и Думок и Песен»41. Остановившись по приезде в Москву в гостинице «Лейпциг» (Кузнецкий мост, № 7; дом не сохранился), Срезневский почти на следующий день поселился на Большой Дмитровке, в Мальцовской гостинице, близ Театральной площади42. Гостиница эта называлась «Москва» и помещалась на месте нынешнего дома № 2 по улице Пушкина.

В это же время Гоголь познакомился и общается с И. Е. Великопольским 43, который, как мы уже говорили выше, принял горячее участие в его заграничных денежных затруднениях. В трудные минуты он неоднократно помогал и В. Г. Белинскому. Имя Великопольского как литератора (он писал под псевдонимом Ивельев) ныне забыто. В 1820-х годах он встречался с А. С. Пушкиным; сохранилось несколько иронических стихов поэта, адресованных Великопольскому. В особо дружеских отношениях он был с С. Т. Аксаковым; к Гоголю «относился с каким-то обожанием»44. Великопольский был женат на дочери известного московского врача М. Я. Мудрова, за которой получил в приданое довольно большое владение на Нижнем Пресненском пруду (ныне засыпан) с большим садом, оранжереями и хозяйственными постройками. Великопольский любил устраивать широкие приемы и празднества. И. И. Панаев, посетив одно из них вместе с Белинским и К. С. Аксаковым,

вспоминает, как «к изумлению нашему часть Пресненских прудов была иллюминирована, и импровизировалось народное гулянье»45. Дом Великопольского сохранился; надстроено лишь боковое крыло (Дружинниковская улица, № 11).

Еще во время пребывания в Риме Гоголь сближается с С. П. Шевыревым, с 1837 года занявшим должность профессора русской словесности при Московском университете. С. П. Шевырев был ближайшим другом Погодина и ряд лет его основным помощником по изданию журнала «Москвитянин», где выступал как апологет официальной николаевской идеологии. Шевырев был жестоко заклеймен Белинским в памфлете «Педант» (1842 г.). Но свойственные Шевыреву пунктуальность и исполнительность в деловых поручениях содействовали укреплению его отношений с Гоголем. В дальнейшем он помогал ему по изданию сочинений в Москве и выполнял ряд финансовых поручений. По свидетельству сына Погодина, в данное, сравнительно краткое пребывание в Москве Гоголь у Шевырева бывал весьма редко. Жил С. П. Шевырев в собственном доме (Дегтярный переулок, № 4), который хотя и сохранился, но совершенно потерял свой декоративный облик. Его деревянные стены в конце XIX века были обложены изразцами, и были изменены проемы окон. Сады, облегавшие дом по бокам и придававшие постройке особое своеобразие, ныне не существуют.

В этот приезд Гоголь не предполагал долго пробыть в Москве: «…ему надобно, — писал С. Т. Аксаков, — скоро ехать в Петербург, чтобы взять сестер своих из Патриотического института, где они воспитывались на казенном содержании». С. Т. Аксаков, также собираясь в Петербург, чтобы отвезти своего младшего сына Михаила для поступления в Пажеский корпус, «предложил Гоголю ехать вместе, и он очень был тому рад»46. Путники выехали 26 октября. Таким образом, в этот раз Гоголь прожил в Москве ровно месяц.

7

Обстоятельства все время задерживали С. Т. Аксакова в Петербурге. Совместный отъезд его и Гоголя не раз откладывался. Как явствует из письма Е. В. Гоголь к матери, они приехали в Москву 21 декабря 1839 года1. «…Мы приехали вечером прямо к Аксаковым, и это семейство нас приняло очень радушно… — вспоминает сестра писателя. — В Москве мы остановились у профессора Погодина, приятеля брата… Брат занимал у

Погодиных комнату на хорах, а против него такую же большую занимали мы с Аннет». Весьма важно ее сообщение о тех дружеских домах, в которых в это время часто бывал Гоголь. «Три раза в неделю мы бывали у Аксаковых и все больше сближались с этим милым семейством… Брат часто возил нас на литературные вечера к Хомяковым, Свербеевым, Елагиным, Киреевским и др.»2.

А. С. Хомяков, поэт и философ, ставший в дальнейшем одним из наиболее видных идеологов славянофильства, был горячим поклонником дарования Гоголя. Мемуары современников отмечают его дом как один из тех центров литературной и художественной Москвы, где Гоголь проводил многие вечера. В 1839 году А. С. Хомяков еще жил в доме отца (Петровка, № 3). Дом этот сохранился лишь частично в правой своей части; левая капитально перестроена. Отметим, что здесь же, у Хомякова, 24 октября 1826 года было торжественно отпраздновано с участием Пушкина, Мицкевича, Баратынского, Веневитинова и других основание журнала «Московский вестник».

Д. Н. Свербеев вошел в историю литературной Москвы своим много лет существовавшим салоном. Писатели, почти не имевшие возможности печататься, лишенные свободного обмена мыслями через журналы и книги, искали творческого общения в литературных салонах и кружках. 30-е и 40-е годы явились временем их наибольшей популярности и развития. И вечера Свербеева, подобно вечерам Елагиной, привлекали к себе представителей различных группировок и поколений: А. Тургенева и Чаадаева, Пушкина и Гоголя, Герцена и Грановского, Аксаковых и Языкова. В 1839 году Свербеев жил на Страстном бульваре, в доме № 6[14].

О литературных собраниях у А. П. Елагиной мы уже говорили выше. Но этой зимой она жила не в своем доме в Хоромном тупике, а вместе с сыном от первого брака П. В. Киреевским. Последний в 1838 году отвозил за границу для лечения своего друга — больного поэта Н. М. Языкова и, вернувшись весной 1839 года, жил первоначально в доме Савич у Арбатских ворот. Дом этот не сохранился; он помещался на территории недавно разбитого сквера впереди нынешней станции метро. Затем Киреевский приобретает себе дом на Остоженке (Метростроевская, № 19)[15]. Возможно, что встречи его с Гоголем происходили и здесь. В «Воспоминаниях» Ф. И. Буслаева имеется весьма красочное описание как самого владения, так и той обстановки, в которой жил П. В. Киреевский. «Дом был каменный, двухэтажный, старинный, с железной наружной дверью и с железными решетками у окон нижнего этажа, как есть крепость… он стоял в тенистом саду, запущенном, без дорожек. На улицу

выходила эта усадьба только сплошным забором с воротами… Петр Васильевич занимал верхний этаж… Мебели всего было — ветхий диван у глухой стены, придвинутый к окну, а против него у другого окна большая деревенская коробья, запертая висячим замком… Меня очень интересовала эта бабья коробья под замком… „Так я вам не говорил? — сказал он в ответ: — а здесь хранятся народные песни, былины и духовные стихи, которые много лет я собирал повсюду, где случалось бывать… Вот эту пачку дал мне сам Пушкин и при этом сказал: Когда-нибудь от нечего делать разберите-ка, которые поет народ и которые смастерил я сам“»3.

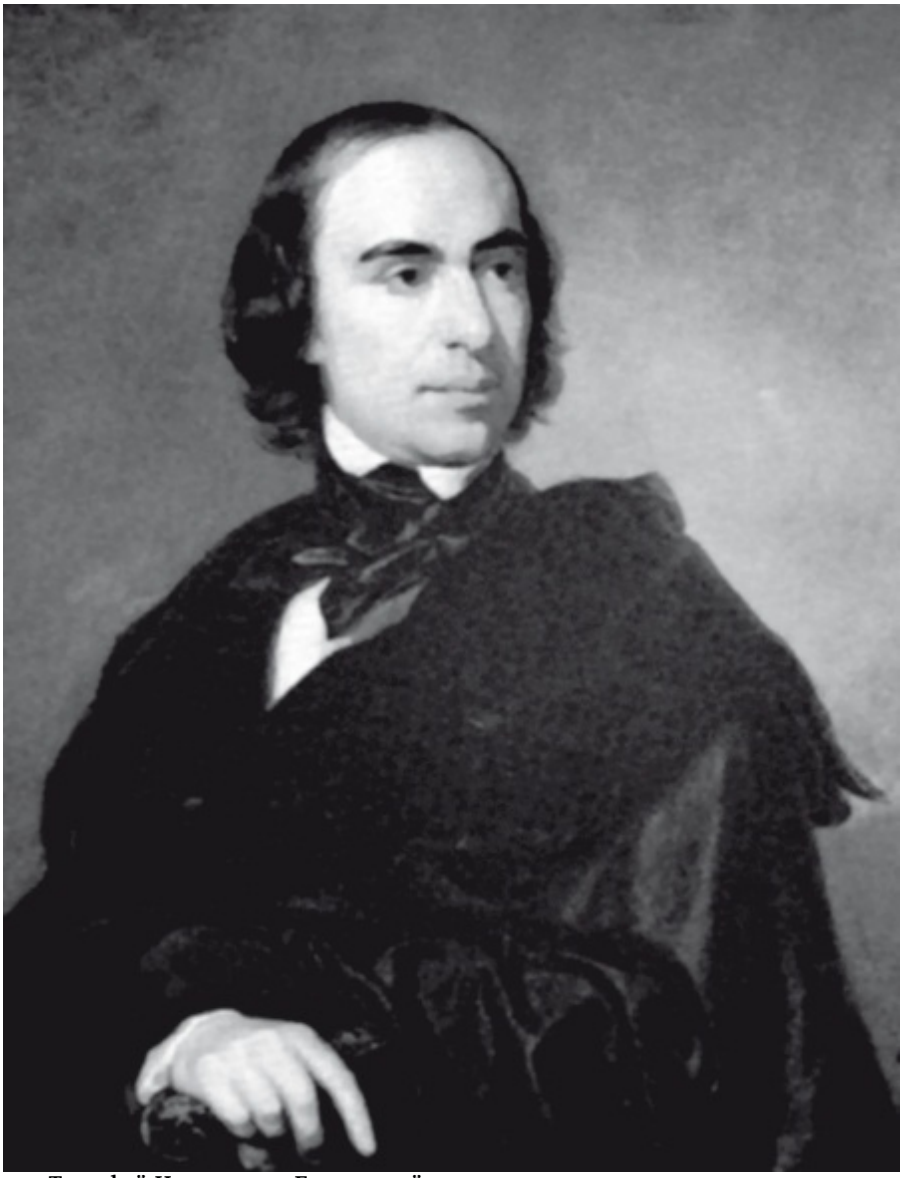
О посещении А. П. Елагиной в доме Савич Гоголь упоминает сам. В письме к сестре из Вены от 7 августа 1840 года он называет адресом Елагиной именно этот дом 4. О том же свидетельствует и его шутливое письмо от 26 июня к Авдотье Петровне, очевидно, в последние дни пребывания Гоголя в Москве временно выехавшей за город. «Каждый день я наведывался к Арба(тским) воротам, к дому, внизу которого живет башмачник, носящий такую грациозную фамилию, не приехали ли вы и когда вы будете в город, и всякий раз слуга, выходивший отворять мне дверь, встречал меня тем же ответом… Этот слуга и сертук его выучены мною наизусть, так что я знаю даже, где пятно на нем и которой пуговицы не достает»5. Остается невыясненным, почему А. П. Елагина, имевшая в Москве собственный дом, жила эту зиму на наемной квартире.

В августе 1839-года в Москву приезжал В. А. Жуковский для участия в торжественном открытии памятного монумента на Бородинском поле. Гоголь часто встречался с ним и, как свидетельствует К. С. Аксаков, «читал Жуковскому у Елагиных»6. В № 68 от 26 августа, «Московских ведомостей» Жуковский помечен остановившимся в городской части. В ее территорию входил и Кремль, где Жуковскому, как лицу близкому к императорскому двору, могла быть предоставлена квартира, на которой, вероятно, бывал у него Гоголь.

Надо полагать, что в этот приезд бывал Гоголь и у Н. Ф. Павлова, принявшего участие в 1837 году в складчине москвичей-писателей, чтобы выручить Гоголя из тяжелого безденежья за границей. Дом Павлова, получившего известность своей книгой «Три повести», и его жены, поэтессы Каролины Павловой, был также одним из центров литературной жизни Москвы тех лет. Их «четверги» обычно собирали многочисленных посетителей. В оживленных творческих спорах здесь просиживали до глубокой ночи Герцен, Грановский, Чаадаев и их противники К. Аксаков, Киреевские, Хомяков, Шевырев. Здесь прощался с литературной Москвой, уезжая во вторичную ссылку весной 1840 года, М. Ю. Лермонтов. Павловы жили на Рождественском бульваре, в доме № 14, который в начале 1870-х годов подвергся значительной перестройке.

И. И. Панаев, вспоминая о своем пребывании в Москве в 1839 году, говорит, что «…у постели тогда больного Н. А. Мельгунова… довольно часто собирались по вечерам: Шевырев, Хомяков, Павлов, Константин Аксаков и другие»7, — то есть круг московских литераторов, наиболее связанный с

Гоголем. Н. А. Мельгунов, автор ныне забытых рассказов и крупный музыкальный критик, приятель М. И. Глинки, был в дружеских отношениях со многими писателями. Его литературные вечера собирали много участников8. Знакомство его с Гоголем было довольно близким. Еще до возвращения Гоголя в Москву — осенью 1839 года — В. Ф. Одоевский и А. А. Краевский пытаются через Мельгунова привлечь Гоголя к сотрудничеству в петербургских «Отечественных записках»9. Мельгунов был в числе приглашаемых на известные именинные обеды Гоголя. Естественно предположить, что и Гоголь посещал вечера Мельгунова. Последний в эти годы жил в доме Загоскина (однофамилец писателя) на Зубовском бульваре (дом не сохранился; владение Загоскина занимало часть нынешнего дома № 31–33).



Тимофей Николаевич Грановский

Здание Московского благородного университетского пансиона, где жил Т. Н. Грановский (Тверская улица, 7). Акварель Б. С. Земенкова

В этот же приезд Гоголь знакомится с Т. Н. Грановским, который в начале 1840 года писал Н. В. Станкевичу: «Гоголь здесь давно: я его вижу раза два в неделю: он был у меня…»10. В это время Грановский жил на казенной квартире в доме Московского университетского благородного пансиона. Это колоссальное по пространству здание, состоявшее из ряда архитектурно увязанных между собою отдельных построек, находилось на нынешней улице Горького, на месте дома № 7. Сломано оно было лишь в 1913–1914 годах. Однако империалистическая война, а затем революция задержали постройку на этом месте уже возводимого доходного дома. В 1927 году здесь было воздвигнуто здание Центрального телеграфа.

Очевидно, к этому же времени относится знакомство Гоголя с композитором А. Н. Верстовским, с 1824 года занимавшим должность инспектора репертуара московских театров. Об их последующем сближении свидетельствует письмо С. Т. Аксакова к Гоголю от 6 февраля 1843 года, в котором говорится, что «Верстовский… вас обнимает»11. В недавно обнаруженном дневнике литератора Н. А. Маркевича имеется следующая любопытная запись: «(Москва) Генварь 1840, 23. Знакомство с Верстовским… Разговор с Гоголем… Собирались с Верстовским писать оперу „Страшная месть“. 24… Толкование о будущей опере: „Страшная месть“… Я пишу либретто, Верстовский —

партитуру»12. Замысел Верстовского остался неосуществленным, но он интересен как первая попытка оперного освоения произведений Гоголя, сопровождавшаяся, надо полагать, консультацией самого писателя. Верстовский в эти годы жил в Староконюшенном переулке, в доме № 24 (дом не сохранился). В № 1 «Отечественных записок» за 1840 год была напечатана большая статья переехавшего в Петербург Белинского — «Горе от ума», в которой значительное место было уделено разбору «Ревизора». В ней великий критик подробно анализирует образы комедии, указывает, что ее героями являются живые люди, «выхваченные» из окружающей действительности. Белинский считал, что Гоголь, своей комедией изображая отрицательные стороны этой действительности и вынося ей суровый приговор, выводил русскую драматургию на путь социальной тематики.

Внимательно следивший за творческим развитием Гоголя Белинский с живым интересом ждет известий из Москвы о том впечатлении, какое произведет его статья на Гоголя. 10 января он обращается к К. Аксакову: «…уведомь меня тотчас же, какое произведет впечатление статья о „Горе от ума“ на Гоголя… во всяком случае не церемонься: надо все знать… Поклонись от меня Гоголю и скажи ему, что я так люблю его, и как поэта, и как человека»13. 14 марта, узнав об одобрительном отзыве Гоголя, он радостно пишет В. П. Боткину: «Гоголь доволен моею статьею о „Ревизоре“, говорит, многое подмечено верно. Это меня обрадовало»14. Статья Белинского о «Горе от ума» оказала большое влияние на Гоголя. Ряд положений критика был им использован при защите своей комедии; в частности, известное утверждение Гоголя о том, что честным лицом в комедии является «смех», было уже развито в этой статье Белинским.

В начале 1840 года у Гоголя бывает приятель Белинского, художник К. А. Горбунов. «Я очень рад за Кирюшу, что он так хорошо познакомился с Гоголем», — писал Белинский В. П. Боткину в феврале 1840 года15. Академик портретной живописи (с 1851 г.), К. А. Горбунов был сыном дворового; лишь в 1841 году он получил, освобождение от крепостной зависимости. Герцен, Анненков, Боткин высоко ценили его дарование портретиста. Горбунов оставил целую галерею портретов писателей своей эпохи: Герцена, Грановского, Кольцова, Тургенева и др. В 1840-х годах им был выполнен и литографированный портрет Гоголя.

В письме Плетневу из Вены от 25 июня 1840 года Гоголь указывает на свои встречи в это московское пребывание с П. А. Вяземским и Ал. И. Тургеневым 16. Судя по переписке Тургенева с Вяземским, последний мог приехать в Москву лишь в

конце марта — начале апреля 1840 года. Вяземский еще с середины 1820-х годов имел собственный дом в Чернышевском переулке (ныне улица Станкевича, № 9). Сохранился боковой флигель, в котором Вяземский останавливался, так как основной дом он обычно сдавал. За Вяземским это владение числится до 1849 года17. Очевидно, здесь и мог бывать у него Гоголь. Отметим, что тут же в 1826 году Пушкин дважды читал «Бориса Годунова», а в 1830 году жил; бывали у Вяземского Баратынский, Грибоедов, Денис Давыдов, Дмитриев. Дом Вяземского — один из интереснейших памятников литературной Москвы.

С А. И. Тургеневым Гоголь мог встречаться у Свербеевых, где тот бывал очень часто, или же навещал его дома. Приезжая в Москву, Тургенев обычно жил у своей двоюродной сестры А. И. Нефедьевой, занимая мезонин в ее небольшом доме в Большом Власьевском переулке (№ 11). Его небольшое и тесное помещение было загромождено книгами и без числа портфелями с рукописями. Восстание декабристов сломало служебную карьеру Тургенева. Брат его Николай был деятельнейшим членом Северного общества, председательствовал на тайном московском съезде 1821 года и верховным уголовным судом был заочно приговорен к смертной казни. Оказавшись в момент восстания за границей, Николай Тургенев пробыл в изгнании тридцать лет и только после смерти Николая I смог посетить родину. Александр Тургенев был вынужден оставить государственную службу. Выйдя в отставку, он с увлечением работает в архивах, отыскивая различные документы, представляющие интерес для русской истории, заполняя копиями — списками с них — свои портфели.

Встречаясь в различных домах с П. Я. Чаадаевым, Гоголь однажды посетил и его. Д. Н. Свербеев рассказывает: «Я помню, как… ленивый и необщительный Гоголь, еще до появления своих „Мертвых душ“, приехал в одну середу вечером к Чаадаеву. Долго на это он не решался, сколько ни упрашивали общие приятели… наконец он приехал и, почти не обращая никакого внимания на хозяина и гостей, уселся в углу на покойное кресло, закрыл глаза, начал дремать… Долго не мог забыть Чаадаев такого оригинального посещения»18. В данном случае Свербеев и другие «упрашивающие» только проявляли свою нечуткость, насилуя Гоголя, не любившего бывать в среде не близких ему людей. Эта черта гоголевского характера отмечена в воспоминаниях В. А. Нащокиной: «Гоголь сразу съеживался, стушевывался, забивался в угол, как только появлялся кто-нибудь посторонний»19. Дом, где жил Чаадаев, не сохранился (Новая Басманная ул., № 20).

В марте 1840 года в Москву для свидания с сыном приехала

мать Гоголя с дочерью Ольгой. Они остановились также у Погодина. Оставаясь одна, девочка часто играла на рояле. Сам любя музыку, Гоголь решил дать сестре музыкальное образование, но препятствовало местожительство Погодина: едва ли бы преподаватель согласился ездить сюда через всю; Москву. Впоследствии Ольга Васильевна вспоминала, что брат возил ее «каждый день к Нащокиным, туда приходил учитель. Потом сказал мне: „Поживи у Нащокина, потому что мне некогда каждый день возить тебя“. Пришлось оставаться…»20 В. С. Аксакова тогда же писала братьям, что приятель Белинского «Лангер будет давать уроки»21. Но по неизвестным нам мотивам этот популярный московский композитор от уроков уклонился. В: А. Нащокина, на чьей квартире проходили музыкальные занятия сестры Гоголя, пишет: «…мы пригласили… знаменитого тогда Гурилева»22. Нередко приезжал и сам Гоголь. Зная его страстную любовь к песне, едва ли мы ошибемся, предположив его встречи с А. Л. Гурилевым. Композитор жил в те годы на Трубяной улице в доме Турунова (ныне Неглинный проезд, № 18; дом перестроен).

Нередко в эти дни Гоголь читал свои произведения у знакомых, вызывая неизменный восторг слушателей. 5 февраля С. Т. Аксаков писал сыновьям: «Вчера вечером… Гоголь… прочел первую главу из итальянской повести… Прелесть, очарование!»23 Он же вспоминает, что «6-го мая Гоголь прочел нам уже 4-ю главу „Мертвых душ“»24.

Федор Антонович Моллер. Автор одного из лучших портретов Н. В. Гоголя

20 февраля Т. Н. Грановский сообщал Н. В. Станкевичу: «Вчера была среда и чтение у Киреевских… главное украшение вечера был отрывок романа, еще не конченного, читанный Гоголем. Чудо. Действие происходит в Риме. Это одно из лучших произведений Гоголя»25. А весной он же рассказывает Я. М. Неверову о «Мертвых душах»: «Я слышал чтение нескольких глав — чудо! Так же при мне читал он первую главу романа, взятого из итальянской жизни, — Аннунчиата. Талант его еще выше стал…»26 О чтении у И. В. Киреевского вспоминает и С. Т. Аксаков, указывая в то же время, что сатирическое

дарование Гоголя встречало нередко и полное неприятие: «… Были люди, которые возненавидели Гоголя после самого появления „Ревизора“. „Мертвые души“ только усилили эту ненависть. Так, например, я сам слышал, как известный граф Толстой Американец (выведенный в „Горе от ума“ и отмеченный эпиграммами Пушкина. — Б.З.) говорил при многолюдном собрании в доме Перфильевых, которые были горячими поклонниками Гоголя, что он „враг России и его следует в кандалах отправить в Сибирь“. В Петербурге было гора и более таких особ, которые разделяли мнение графа Толстого»27. Генерал С. В. Перфильев был довольно близко знаком со многими московскими литераторами. Мемуары современников вспоминают С. В. Перфильева как участника гоголевских именинных обедов, на которые писатель приглашал лиц, коротко ему знакомых. В том, что Гоголь бывал у Перфильевых запросто, убеждает нас также его записка Погодину от второй половины апреля 1842 года: «Перфильев просит тебя сегодня в три часа обедать. Я бы и сам поехал, но, кажется, мои ноги не пустят. Так распухли и разболелись»28. Перфильевы жили в 1839 году в Богословском переулке, дом не известен; с 1842 года — в Калашном переулке, № 3 (дом не сохранился).

Рассказывая с данном пребывании Гоголя в Москве, С. Т. Аксаков указывает, что он «…много работал; но сам он ничего о том не говорил. Он приходил к нам отдыхать от своих творческих трудов»29.

Исследователи творчества Гоголя считают, что здесь, в Москве, в начале 1840 года были отделаны «Тяжба» и «Лакейская». Безусловно, шла работа и над «Мертвыми душами». В их тексте можно проследить ряд московских впечатлений. Биограф Гоголя В. И. Шенрок пишет: «Примеров же ясных указаний на известную местность, произведшую впечатление на Гоголя, или на событие можно привести довольно много»30. Иногда изменялся даже готовый текст поэмы. Так, например, в шестой главе первоначально неясное и расплывчатое описание деревни Плюшкина в последующей редакции уже исходит из конкретной московской местности, что особенно любопытно, соседствующей с домом, где в то время жил С. Т. Аксаков: «Заглянул бы кто-нибудь на рабочий двор, где под крышами, сараями лежали целые сотни поделанных на запас колес, бочек, ведер, которые никогда еще не употреблялись, — ему бы показалось, что пришел в ту широкую часть Москвы, где в воскресный день, начиная от Плющихи до Смоленского рынка, все занято торгом деревянной посудой, навезенной мужиками окрестных деревень, где крашеное и некрашеное дерево темнеет и

желтеет вплоть до самого Дорогомиловского моста». В окончательной (печатной) редакции мы находим уже новую картину: место действия переносится в Москву же, но на щепной двор. Очевидно, Гоголь искал подходящей иллюстрации своему описанию в форме сравнения и именно с этой целью делал наблюдения в разных пунктах Москвы, меняя, может быть, не раз составленный план и уже готовый текст задуманного описания31.

В. В. Каллаш полагает, что живописные вывески, так красочно описанные Гоголем в первой главе поэмы и которые как бы характеризуют город N, где развертываются события первого тома «Мертвых душ», имеют безусловно в основе московские оригиналы. Он считает, что эти строки гоголевской поэмы есть результат живых наблюдений, в доказательство чего приводит документальное описание московских вывесок в «Молве». Действительно, и тематика и изображения вывесок здесь настолько родственны, что трудно не согласиться с тем, что Гоголь описывал лично им подмеченное и отобранное как своеобразную и типичную деталь32.

«Далее, в одиннадцатой главе первого тома, автор говорит о том, что, наконец, после долгих приготовлений, „представилось Чичикову поле гораздо пространнее: образовалась комиссия для построения какого-то казенного, весьма капитального строения“». В первоначальных редакциях находится более прямое указание на то, какую именно комиссию разумел здесь Гоголь: это была именно комиссия при построении храма Спасителя в Москве («Составилась комиссия постройки храма Божия»). «Комиссия, — говорится в первоначальной полной редакции, — как водится, подвизаясь с ревностью и усердием, приступила к делу. Но климат что ли мешал или огромность храма была причиною, только целые четыре года равняли они место для фундамента, и все еще ни один кирпич не был выведен; но зато явление случилось другого рода: фундамента не выводили, а в других частях города очутилось у каждого члена комиссии по каменному дому в три этажа весьма недурной гражданской архитектуры»33. Как видим, эта редакция, измененная впоследствии, очевидно, по цензурным обстоятельствам, почти в точности передает существо негласного процесса комиссии по сооружению храма — памятника Отечественной войне 1812 года на Воробьевых горах, от которого так жестоко пострадал совершенно невиновный архитектор А. Л. Витберг34. Многогранно и разносторонне вплетает Гоголь московский материал — события, типичные детали, жанровые сцены — в прихотливую ткань своей поэмы.

Уже с конца марта 1840 года он начинает готовиться к новому отъезду за границу. Стесненный в средствах, он в

прибавлениях к № 28 «Московских ведомостей» помещает публикацию о желании найти себе спутника. Объявление это было повторено в № 29 и № 31. Небезынтересен черновой текст этого объявления: «Некто, не имеющий собственного экипажа, желает прокатиться до Вены с кем-нибудь, имеющим собственный экипаж, на половинных издержках. Оный некто — человек смирный и незаносчивый: не будет делать во всю дорогу никаких запросов своему попутчику и будет спать вплоть от Москвы до Вены. Спросить на Девичьем поле, в доме Погодина, Николая Васильев[ича] Гоголя»35. Однако шутливый тон этого объявления оказался неприемлемым для цензуры. В. С. Аксакова писала братьям 16 апреля 1840 года: «Гоголь ищет попутчика и объявлял в газетах о том, только не тем смешным объявлением… вообразите, что этого не пропустили»36. Гоголь был вынужден сохранить в тексте объявления лишь сугубо деловую часть.

Прошло полторы недели. На публикацию никто не откликался. 17 апреля Гоголь читал у С. Т. Аксакова «6-ю главу, в которой создание Плюшкина» привело всех «в великий восторг»37. В числе присутствовавших был В. А. Панов, входивший в кружок славянофилов и бывший впоследствии редактором славянофильского «Московского сборника». «Панов пришел в упоение и тут же решился пожертвовать всеми своими расчетами и ехать вместе с Гоголем»38. Следует отметить, что этот спутник оказался весьма полезным для болезненного Гоголя. Ф. И. Буслаев, встретивший их в Италии, вспоминает, что Панов «вполне предался неустанным попечения о Гоголе, „был для него и радушным, щедрым хозяином, и заботливою нянькою, когда ему нездоровилось, и домашним секретарем, когда нужно было что переписать…“»39.

Начинаются последние сборы. 27 апреля мать писателя уезжает в Васильевку с дочерьми Анной и Ольгой. Елизавету, свою любимицу, Гоголь решает оставить в Москве. После долгих хлопот ему удается поместить ее у П. И. Раевской. 10 мая состоялся ее переезд от Погодиных. Адрес Раевской установить не удалось.

9 мая 1840 года состоялась последняя широкая встреча Гоголя с москвичами. Это был его первый именинный обед, положивший основу своеобразной литературной традиции погодинского дома. Даже после смерти Гоголя была сделана попытка продолжить эти обеды, но уже в связи со Щепкиным. Гоголь придавал большое значение этому дню встречи со своими московскими друзьями. Сын Погодина вспоминает: «Злоба дня, весь внешний успех пиршества, сосредотачивался на погоде. Дело в том, что обед устраивался в саду, в нашей знаменитой липовой

аллее. Пойдет дождь, и все расстроится. Еще дня за два до Николы Николай Васильевич всегда был очень возбужден… Сад был у нас громадный, на 10 000 квадратных сажен, и весной сюда постоянно прилетал соловей… пел он большею частию рано утром или поздно вечером… у меня постоянно водились добрые соловьи. В данном случае я пускался на хитрость: над обоими концами стола, ловко укрыв ветвями, вешал по клетке с соловьем. Под стук тарелок, лязг ножей и громкие разговоры мои птицы оживали… Гости восхищались: „Экая благодать у тебя, Михаил Петрович, умирать не надо. Запах лип, соловьи, вода в виду…“ … Н. В. был посвящен в мою соловьиную тайну… но никому, даже отцу, не выдавал меня. Кто были гости Гоголя? Всех я не могу припомнить, но в памяти у меня сохранились следующие лица: Нащокин, когда был в Москве, Н. А. Мельгунов, Н. Ф. Павлов, Михаил Семенович Щепкин, Пров Михайлович Садовский, Васильев, С. П. Шевырев, Вельтман, Н. В. Берг, известный остряк Юрий Никитович Бартенев, знаменитый гравер Иордан, актеры Ленский и Живокини, С. Т. Аксаков, К. С. Аксаков и много других, которых я уже и не запомнил. Обед кончался очень поздно… Общество в день именин расходилось часов в одиннадцать вечера, и Н. В. успокаивался, сознавая, что он рассчитался со своими знакомыми на целый год…»40.

С. Т. Аксаков оставил нам описание первого гоголевского именинного обеда, хотя сам и не присутствовал на нем. Жестоко страдая от зубной боли, он только заехал на несколько минут поздравить Гоголя, но побоялся остаться на холодном воздухе. Сведения он почерпнул от своего сына. «Константин там обедал и упросил именинника позвать Самарина, с которым Гоголь был знаком еще мало. На этом обеде, кроме круга близких приятелей и знакомых, были: А. И. Тургенев, князь П. А. Вяземский, Лермонтов, М. Ф. Орлов, М. А. Дмитриев, Загоскин, профессора Армфельд и Редкин и многие другие. Обед был веселый и шумный; но Гоголь, хотя был также весел, но как-то озабочен, что, впрочем, всегда с ним бывало в подобных случаях. После обеда все разбрелись по саду маленькими кружками. Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случились, отрывок из новой своей поэмы „Мцыри“, и читал, говорят, прекрасно… Вечером приехали к имениннику пить чай, уже в доме, несколько дам: А. П. Елагина, Е. А. Свербеева, Е. М. Хомякова и Черткова»41.

Дневник непосредственного участника этого именинного обеда А. И. Тургенева существенно дополняет почетный список гостей Гоголя: «9 мая… к Гоголю на Девичье поле у Погодина: там уже la jeune Russie[16] съехалась… Стол накрыт в саду: Лермонт[ов], к. Вязем[ский], Баратынский, Сверб[еев], Хомяков,

Самарин, актер Щепкин, Орлов[17], Попов, Хотяева и пр[очие], Глинки; веселый обед… В 9 час. разъехались. Приехал и Чаадаев»42.

На следующий день Гоголь и Лермонтов встретились вновь. «10 мая… Вечер у Сверб[еевой]… Лермонтов и Гоголь. До 2 часов», — подчеркивает А. И. Тургенев их долгую ночную беседу43. Гоголь исключительно высоко ценил литературное дарование Лермонтова. Вспомним его восторженную характеристику лермонтовской прозы: «Никто еще не писал у нас такой правильной, прекрасной и благоуханной прозой. Тут видно больше углубленья в действительность жизни; готовился будущий великий живописец русского быта… Но внезапная смерть вдруг его от нас унесла. Слышно страшное в судьбе наших поэтов»44.

Последнюю неделю своего пребывания в Москве Гоголь ежедневно бывает у Аксаковых. Из их же дома должен был состояться и отъезд. «Гоголь с сестрой своей Лизой был с моими детьми в театре… Гоголь с сестрою ночевали у нас.

На другой день, 18 мая, после завтрака, в 12 часов, Гоголь, простившись очень дружески и нежно с нами и с сестрой… сел с Пановым в тарантас, я с Константином и Щепкин с сыном Дмитрием поместились в коляске, а Погодин с зятем своим Мессингом — на дрожках, и выехали из Москвы…

На Поклонной горе мы вышли все из экипажей, полюбовались на Москву; Гоголь и Панов, уезжая на чужбину, простились с ней и низко поклонились. Я, Гоголь, Погодин и Щепкин сели в коляску, а молодежь поместилась в тарантасе и на дрожках. Так доехали мы до Перхушкова[18], т. е. до первой станции. Дорогой был Гоголь весел и разговорчив. Он повторил свое обещание… что через год воротится в Москву и привезет первый том „Мертвых душ“, совершенно готовый для печати… В Перхушкове мы обедали… после обеда мы сели по русскому обычаю… Гоголь прощался с нами нежно, особенно со мной и Константином, был очень растроган, но не хотел этого показать. Он сел в тарантас с нашим добрым Пановым, и мы стояли на улице до тех пор, пока экипаж не пропал из глаз. Погодин был искренно расстроен, а Щепкин заливался слезами… На половине дороги, вдруг откуда ни взялись, потянулись с северо-востока черные, страшные тучи и очень быстро и густо заволокли половину неба и весь край западного горизонта; сделалось очень темно, и какоето зловещее чувство налегло на нас.

Мы грустно разговаривали… но не более как через полчаса мы были поражены внезапною переменою горизонта: сильный северо-западный ветер рвал на клочки и разгонял черные тучи, в четверть часа небо совершенно прояснилось, солнце явилось во

всем блеске своих лучей и великолепно склонялось к западу», — так в картинном описании природы передает С. Т. Аксаков свои чувства от грустных минут прощания с Гоголем45.

8

Трудные дни ожидали Гоголя за границей. С лихорадочным жаре продолжал он работу над «Мертвыми душами». «Работа — моя жизнь, говорил он П. А. Плетневу. — Не работается — не живется»1. Творческий труд становится для него всем: исполнением призвания, средством существования, даже единственной возможностью расплаты с долгами. Но сильное напряжение настолько подрывает его силы, что он тяжко заболевает, считает себя умирающим и даже пишет завещание. Перенесешь болезнь губительно отразилась на Гоголе. «1841 год был последним годом его свежей, мощной, многосторонней молодости…» — пишет П. В. Анненков, живший с Гоголем вместе в Риме и переписывавший там набело «Мертвые души»2.

Материальные невзгоды ставят его буквально в трагическое положение. «У меня почти дыбом волосы, как вспомню, в какие я вошел долги», — вырывается у него в письме С. Т. Аксакову. И обращается к нему и Погодину: «Вы вместе с ним сделаете совещание, как устроиться лучше. Я теперь прямо и открыто прошу помощи, ибо имею право и чувствую это в душе, — говорит он, имея в виду свой труд над „Мертвыми душами“. У меня все средства истощились уже несколько месяцев. Для меня нужно сделать заем»3. Единственный выход в этих обстоятельствах он видит во втором издании «Ревизора», в чем и просит принять на себя все хлопоты С. Т. Аксакова. Но последний, подавленный смертью одного из младших сыновей, вынужден был передать это поручение Погодину.

Мы уже видели, что начиная с 1832 года, Погодин брал на себя ведение некоторых дел Гоголя в Москве, оказывал приют ему и его семье, ссужал деньгами. Но чувство бескорыстия в дружбе никогда не было свойственно Погодину. Когда в 1852 году он продал за немалую сумму свое древлехранилище, собранное почти бесплатно, О. М. Бодянский записал в своем дневнике: «Дай бог, чтобы отныне Михайло Петрович перестал кулаковать…»4 Даже мягкий С. Т. Аксаков дает ему такую характеристику: «…Как скоро ему казалось, что одолженный им человек может его отблагодарить, то он уже приступал к нему без всяких церемоний, брал его за ворот и говорил: „Я тебе помог в нужде, а теперь ты на меня работай“»5. Немало характеризует Погодина и собственноручная запись его в дневнике (1841 г.): «Письмо от Гоголя, который ждет денег, а мне не хотелось бы посылать. Между тем, я думал поутру, как бы приобрести

равнодушие к деньгам»6. С этого момента, с момента экономического порабощения Гоголя, начинает назревать разрыв его отношений с Погодиным. Последний к перепоручению Аксакова относится узко предпринимательски. Он приобретает право на издание «Ревизора» за 1500 рублей ассигнациями, а добавочные сцены решает, кроме того, опубликовать в своем журнале «Москвитянин». На протестующее же письмо С. Т. Аксакова он отвечает: «Вы не советуете! Т. е. Гоголь рассердится!! Да, помилуйте, Сергей Тимофеич, что я в самом деле за козел искупления? Неужели можно предполагать, что он скажет: пришли и присылай, бегай и делай, и не смей подумать об одном шаге для себя. Да если б я изрезал в куски „Ревизор и рассовал его по углам своего журнала, то и тогда Гоголь не должен бы был сердиться на меня“»7.

Публикуя сцены новой редакции «Ревизора» в «Москвитянине», Погодин тут же сообщает, что «…второе издание будет готово к маю» (на самом деле цензурное разрешение было дано 26 июля 1841 г.), а также, куда за ним следует обращаться. Прав В. И. Шенрок, говоря, что «…это был весьма приятный и выгодный способ взыскания долга, сразу представлявший два крупных удобства, из которых важнейшим было, конечно, украшение страниц журнала именем и произведениями Гоголя, а затем уже сюда присоединялся и денежный интерес. С этих пор началась последовательно самая невыносимая зависимость нашего писателя от друзей-кредиторов, подготовившая постепенно его разрыв с Погодиным»8.

«Ревизор» печатался в типографии Н. Степанова, издававшего в 1838 году журнал «Московский наблюдатель», редактировавшийся Белинским. Типография Степанова находилась в Трубниковском переулке (дом установить не удалось).

Во второй половине октября 1841 года Гоголь вернулся в Москву. По свидетельству С. Т. Аксакова, он впервые появился у них в доме 18-го числа. С. Т. Аксаков отмечает новые для него черты в своем друге: «…Последовала сильная перемена в Гоголе, не в отношении к наружности, а в отношении к его нраву и свойствам. Впрочем, и по наружности он стал худ, бледен… Иногда, очевидно без намерения, слышался юмор и природный его комизм; но смех слушателей, прежде не противный ему или не замечаемый им, в настоящее время сейчас заставлял его переменить тон разговора»9.

Несмотря на уже начинавшиеся осложнения в отношениях, он по-прежнему остановился у Погодина. Первое время Гоголь прекрасно себя чувствует в Москве. 23 октября он писал

Н. М. Языкову, с которым подружился за границей: «Меня… предательски завезли в Петербург; там я пять дней томился… Но я теперь в Москве и вижу чудную разность в климатах. Дни все в солнце, воздух слышен свежий, осенний, передо мною открытое поле, и ни кареты, ни дрожек, ни души — словом, рай»10.

К этим же дням относится первое и, может быть, единственное, чтение заключительных глав его поэмы. С. Т. Аксаков рассказывает: «Гоголь точно привез с собой первый том „Мертвых душ“, совершенно конченный и отчасти отделанный. Он требовал от нас, чтобы мы никому об этом не говорили… Начались хлопоты с перепискою набело… Покуда переписывались первые шесть глав, Гоголь прочел мне, Константину и Погодину остальные пять глав. Он читал их у себя на квартире, т. е. в доме Погодина, и ни за что не соглашался, чтоб кто-нибудь слышал их, кроме нас троих. Он требовал от нас критических замечаний… Погодин заговорил… помню только, что он между прочим утверждал, что в первом томе содержание поэмы не двигается вперед; что Гоголь выстроил длинный коридор, по которому ведет своего читателя вместе с Чичиковым и, отворяя двери направо и налево, показывает сидящего в каждой комнате урода. Я принялся спорить с Погодиным… Но Гоголь был недоволен моим заступлением и, сказав мне: „Сами вы ничего заметить не хотите или не замечаете, а другому замечать мешаете…“ — просил Погодина продолжать… Я говорил Гоголю после, что, слушая „Мерт. д.“ в первый раз… никакой в свете критик, если только он способен принимать поэтические впечатления, не в состоянии будет замечать какие-нибудь недостатки»11. С. Т. Аксаков просил рукопись на дом, что Гоголь сделать не мог, так как торопился с перепиской. Впоследствии он пояснял, что выбор слушателей этой ответственнейшей читки перед поступлением книги в печать определялся не только личными отношениями. Он «положил прочесть» ее данным трем лицам, «как трем различным характерам, разнородно примущим первые впечатления»12. Разъясняя значение этого чтения для своей творческой работы над поэмой, Гоголь писал С. Т. Аксакову: «То, что я увидел в замечании их (слушателей. — Б. З.), в самом молчании и в легком движении недоуменья, ненароком и мельком проскальзывающего по лицам, то принесло мне уже на другой день пользу, хотя бы оно принесло мне несравненно большую пользу, если бы застенчивость не помешала каждому рассказать вполне характер своего впечатления» 13.

И действительно, многие места «Мертвых душ» были вновь подвергнуты Гоголем здесь же, в Москве, изменению, дополнению

или даже коренной переработке. Н. С. Тихонравов, работавший для издания сочинений писателя в 1880х годах непосредственно над самой рукописью, обнаруживает даже «три периода» в московских переделках или доделках. Сохранившийся подлинник с правкой писателя дает возможность довольно точно установить их. Отбрасывая многочисленные мелкие стилистические поправки, в которых Гоголь искал большей точности и выразительности в слоге, отметим наново написанную повесть о капитане Копейкине, очень значительную переработку разговора двух дам (гл. IX), новую редакцию описания школьных лет Чичикова (гл. XI), то же рассказа о том, как он заключает купчие крепости (гл. VII), причем канва «рассказа распространена введением нового действующего лица — Ивана Антоновича, кувшинное рыло. Это лицо поэмы обязано своим происхождением — Москве». Это далеко не случайные, не «проходные» детали в книге. Белинский указывал: «Тем-то и велико создание „Мертвые души“, что в нем сокрыта и разанатомирована жизнь до мелочей, и мелочам этим придано общее значение. Конечно, какой-нибудь Иван Антонович, кувшинное рыло, очень смешон в книге Гоголя и очень мелкое явление в жизни; но если у вас случится до него дело, так вы и смеяться над ним потеряете охоту, и мелким его не найдете… Почему он так может показаться важным для вас в жизни — вот вопрос!»16

Тихонравов отмечает: «Одною из характеристических особенностей творчества Гоголя была медленность в разработке идеи и формы произведения: разработка и переработка написанного произведения совершалась в течение целых годов, по частям, отрывками, одновременно с работою над несколькими другими произведениями, в перекрестных направлениях». Начав еще в 1838 году создание новой редакции «Тараса Бульбы», он лишь в данное московское пребывание, одновременно с работой над «Мертвыми душами», заканчивает ее. Небезынтересно, что «… вся рукопись списана рукою того же писца, которым переписаны для цензуры последние девять глав первого тома „Мертвых душ“. К переписке набело последней редакции „Тараса Бульбы“ этот писец мог приступить не ранее января 1842 года, т. е. только по окончании копии „Мертвых душ“. Так, хотя и приближенно, определяется время завершения Гоголем окончательного текста этой, по словам Белинского, „дивной эпопеи“. Труд Гоголя не был только литературной правкой. Некоторые главы были кардинально переработаны наново, введены новые эпизоды, дополнены исторические детали. В числе других исторических трудов была использована тогда еще не напечатанная „История о козаках запорожских“ Мышецкого. С ней, считает Тихонравов,

„Гоголь, может быть, познакомился в рукописи погодинского древлехранилища“»18. Так, в Москве после: заключительной доработки эпопея Гоголя стала, по определению Белинского, «вдвое обширнее и бесконечно прекраснее… Он исчерпал в ней всю жизнь исторической Малороссии и в дивном художественном создании навсегда запечатлел ее духовный образ… Вся поэма приняла еще более возвышенный тон…»19.

Примечательна необычайная работоспособность Гоголя в эти месяцы. Еще в 1837 году в Риме он начал работу над второй редакцией «Портрета». По мнению советских исследователей, именно в Москве в конце февраля — начале марта 1842 года он завершает окончательную отделку текста и посылает повесть в петербургский «Современник».

Связанный столь углубленной творческой работой, Гоголь в этот приезд реже посещает московских знакомых, за исключением, может быть, Аксаковых, у которых он по-прежнему бывает «очень часто, почти всякий день»20. Не менее часто его можно было видеть и у Хомяковых. «Я их люблю, у них я отдыхаю душой», — пишет он 10 февраля 1842 года М. М. Языкову, брату Е. М. Хомяковой21. Но, очевидно, попрежнему избегает принимать участие в салонных литературных боях и спорах. Еще в 1840 году Е. М. Хомякова писала брату: «Я люблю Гоголя… Все здесь нападают на Гоголя, говоря, что, слушая его разговор, нельзя предполагать в нем чего-нибудь необыкновенного… У них, кто не кричит, тот и глуп»22. Хомяковы в это время переехали в наемную квартиру в дом Нечаева на Арбате (не сохранился, ныне № 23)[19].

Алексей Степанович Хомяков

Екатерина Михайловна Хомякова (урожденная Языкова)

Виделся Гоголь также с Шевыревым, Щепкиным и, вероятно, с Павловым.

Очевидно, он продолжал посещать П. Г. Редкина и Т. Н. Грановского. Оба они в это время переменили свои местожительства. Редкин переехал в Антипьевский переулок и поселился во владении Куликова, которое было расположено сзади нынешнего владения № 2 и соединялось через территорию этого владения с переулком узким проходом. Грановский жил на Трубной улице в доме Гурьева (ныне № 32). Косвенным подтверждением посещений Гоголем Грановского в этот приезд является следующая помета в записной книжке писателя 1842–

1844 годов: «Никола Грачи на Новом Садовом; в переулке возле дома Цветаева»23. От бывшей церкви Николы в Драчах на Садово-Сухаревской улице идет Трубная улица (иногда именовавшаяся переулком); она же Драчевская или Грачевская (по урочищу Грачи — снаряды, метаемые при осаде мортирами). Упомянутый дом Цветаева был соседним с домом Гурьева, где жил Грановский. Адресование по приходу и фамилии более известного в районе домовладельца типично для Москвы 1830–1840 годов.

Возможно, что именно на квартире Грановского Гоголь сблизился с Н. П. Огаревым. Последний еще в прошлое пребывание Гоголя в Москве писал Герцену: «…стремлюсь с ним познакомиться»24. В начале же 1842 года, очевидно, будучи уже знакомым с Гоголем и зная о постигших его затруднениях в московской цензуре (см. дальше), он извещает жену: «Гоголь грустит — „Мертвые души“ не прошли»26. 5 февраля он сообщает ей же: «Несколько раз обедал я у Гран[овского], у m-me Sailhas, у сестры, раз у Ховриной… Вчера обедал с Гоголем; он был очень мил»26. Грановский из всех перечисленных Огаревым лиц был наиболее близок Гоголю.

К этому же приезду (март 1842 г.) относится его сближение с Н. Н. Шереметевой, «которая, — по словам С. Т. Аксакова, — впоследствии любила Гоголя, как сына»27. Урожденная Тютчева, она приходилась родной теткой поэту Ф. И. Тютчеву. «Любить вас всегда время и поверьте мне, что люблю вас всем сердцем за вас самих и ваше несчастие…» — говорил ей В. А. Жуковский28, имея в виду ее зятя, декабриста И. Д. Якушкина, сосланного в нерчинские рудники. Вспоминая ее, декабрист Е. П. Оболенский впоследствии писал: «Каждый лишился в ней не простого знакомого, а друга; она каждого умела любить не просто как человека, а как друга и брата. Каждый был уверен, что она готова была на всякое доброе дело»29.

После осуждения своего зятя Шереметева всецело отдается делам благотворительности, на что тратит все свои весьма скромные средства. Ее биограф отмечает, что она «ценила в Жуковском, Гоголе, Аксаковых и Языкове только людей, а вовсе не писателей»30. Дружба с 67-летней, вдвое старшей писателя, Шереметевой, женщиной патриархально-дворянского склада, крайне набожной, чуждой искусству, знаменовала — уже в эти годы — зарождение у Гоголя религиозно-мистических интересов.

Жила Шереметева у своих дальних родственников в доме № 6 по нынешней улице Калинина. Здание сохранилось, но загорожено со стороны улицы новыми постройками.

Вероятно, что и в этот приезд Гоголь мог посещать Д. Н. Свербеева. Последний в 1842 году переехал на Тверской

бульвар в дом Ухтомской (ныне № 7, дом не сохранился).

К декабрю 1841 года переписка «Мертвых душ» была закончена. Рукопись поступила на рассмотрение к цензору И. М. Снегиреву, утверждавшему к печати второе издание «Ревизора». Последний в дневнике своем записывает 7 декабря: «…приезжал ко мне Гоголь и с романом „Мертвые души“»31. Профессор Московского университета, археолог один из первых исследователей старой Москвы, Снегирев жил в собственном доме на Троицкой улице, № 19. Вероятно, выбор цензора был подсказан самим Гоголем: он интересовался его трудами; еще в 1837 году Гоголь просил выслать ему «Русские простонародные праздники» Снегирева, прочитав которые и указав недостатки стиля, писал: «Иногда выкопает такую песню, за которую всегда спасибо»32. О его книге «Русские в своих пословицах» он отзывался, как о работе, нужной ему, «дабы окунуться покрепче в коренной русской дух»33. С не меньшим интересом он относился и к «Памятникам московской древности».

Однако рукопись Гоголя вызвала такие толки в московской цензуре, что он вынужден был поспешно взять ее обратно. Обсуждение «Мертвых душ» носило настолько невероятный характер, что более походило на некоторые страницы Гоголя, чем на живую действительность. Но лучше обратимся к рассказу самого писателя, к взволнованному письму его к П. А. Плетневу от 7 января 1842 года, где описаны все перипетии «Мертвых душ» в московской цензуре: «Удар для меня никак неожиданный: запрещают всю рукопись. Я отдаю сначала ее цензору Снегиреву, который несколько толковее других… Снегирев чрез два дни объявляет мне торжественно, что рукопись он находит совершенно благонамеренной. Это же самое он объявил и другим. Вдруг Снегирева сбил кто-то с толку, и я узнаю, что он представляет мою рукопись в комитет. Комитет принимает ее таким образом, как будто уже был приготовлен заранее и был настроен разыграть комедию, ибо обвинения все без исключения были: комедия в высшей степени. Как только занимавший место президента Голохвастов услышал название Мертвые души, закричал голосом древнего римлянина: „Нет, этого я никогда не позволю: душа бывает бессмертна; мертвой души не может быть, автор вооружается против бессмертья“. В силу наконец мог взять в толк умный президент, что дело идет об ревижских душах. Как только взял он в толк и взяли в толк вместе с ним другие цензора, что мертвые значит ревижские души, произошла еще большая кутерьма. „Нет, — закричал председатель и за ним половина цензоров. — Этого и подавно нельзя позволить, хотя бы в рукописи ничего не было, а стояло только одно слово: ревижская

душа — уж этого нельзя позволить, это значит против крепостного права…“

„Предприятие Чичикова, — стали кричать все, — есть уже уголовное преступление“. „Да впрочем и автор не оправдывает его“, — заметил мой цензор. „Да, не оправдывает! а вот он выставил его теперь, и пойдут другие брать пример и покупать мертвые души“… Я не рассказываю вам о других мелких замечаниях, как то: в одном месте сказано, что один помещик разорился, убирая себе дом в Москве в модном вкусе. „Да ведь и государь строит в Москве дворец!“ — сказал цензор (Каченовский). Тут по поводу завязался у цензоров разговор единственный в мире. Потом произошли другие замечания, которые даже совестно пересказывать, и наконец дело кончилось тем, что рукопись объявлена запрещенною, хотя комитет только прочел три или четыре места… Дело клонится к тому, чтобы вырвать у меня последний кусок хлеба, выработанный семью годами самоотверженья, отчужденья от мира…»34

«Если бы ты знал, как тягостно мое существование здесь, в моем отечестве!» — писал Гоголь еще в 1840 году М. А. Максимовичу35. Цензура в условиях николаевского режима стала разновидностью полицейской опеки. Петербургский цензор профессор А. В. Никитенко записывает в своем дневнике: «Состояние нашей литературы наводит тоску… У нас нет недостатка в талантах… Но как могут они писать, когда им запрещено мыслить?»30 Им же передана красноречивая беседа с министром народного просвещения С. С. Уваровым, которому была подчинена цензура. «Привожу целиком монолог, который он произнес:

— Мое дело не только блюсти за просвещением, но и блюсти за духом поколения. Если мне удастся отодвинуть Россию на 50 лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно. Вот моя теория»37.

Гоголь решает обратиться за помощью к петербургским друзьям, имевшим влияние в административных сферах. «Белинский, возвращавшийся в Петербург, принял на себя хлопоты по первоначальному устройству этого дела, и направление, которое он дал ему тогда, может быть, решило и успех его», — пишет П. В. Анненков38. Свидание это пришлось держать в тайне, так как и Погодин и Шевырев ненавидели Белинского и яростно боролись с ним на страницах «Москвитянина». Есть все основания полагать, что эта встреча Гоголя и Белинского произошла у В. П. Боткина, у которого великий критик жил в этот приезд и с которым Гоголь был знаком еще с апреля 1840 года. Это предположение подтверждает

письмо В. С. Аксаковой брату, И. С. Аксакову, от 6 февраля 1842 года: «Теперь он (Гоголь. — Б.З.) послал рукопись в Петербург… с кем — не знаем наверное, но чуть ли не с Белинским, с которым, вероятно, он видался у Боткина»39. О том же свидетельствует и письмо самого Белинского Боткину из Петербурга: «Уведомь меня, ради аллаха, — проводивши меня, застал ли ты у себя Гоголя и Щепкина?»40. Не лишено вероятности, что эта встреча у Боткина была устроена М. С. Щепкиным, бывшим одним из близких друзей и Белинского и Гоголя. Боткин жил в собственном доме (Петроверигский переулок, № 4).

О странствованиях рукописи Гоголя в Петербурге Белинский писал Щепкину 14 апреля 1842 года: «…Одоевский передал рукопись графу Вельегорскому, который хотел отвезти ее к Уварову; но тут готовился б у великой княгини, и его сиятельству некогда было думать о таких пустяках, как рукопись Гоголя. Потом он вздумал, к счастию, дать ее (приватно) прочесть Никитенко. Тот, начавши ее читать как цензор, промахивался как читатель и должен был прочесть снова. Прочтя, сказал, что кое-что надо Вельегорскому показать Уварову. К счастию, рукопись не попала к сему министру погашения и помрачения просвещения в России… Никитенко не решился пропустить только кой-каких фраз, да эпизода о капитане Копейкине»41. Последнее не совсем верно. Помимо ряда отдельных мест в поэме, для цензуры, как мы увидим далее, было неприемлемым и само ее название — «Мертвые души».

Однако, несмотря на ряд успокоительных известий из Петербурга от Плетнева, Смирновой и даже Никитенко о благополучном завершении цензурных мытарств, высылка рукописи в Москву сильно задержалась. Легко представить, как это переживалось Гоголем. Осложняли и без того трудную жизнь Гоголя его отношения с Погодиным. Последний с бестактным упорством добивался от него материалов для «Москвитянина». С. Т. Аксаков вспоминает, что «…Погодин пилил, мучил Гоголя не только словами, но даже записками, требуя статей себе в журнал и укоряя его в неблагодарности, которые посылал ежедневно к нему снизу наверх. Такая жизнь сделалась мученьем для Гоголя и была единственною причиною скорого его отъезда за границу… Докуки Погодина увенчались, однако, успехом. Гоголь дал ему в журнал большую статью под названием „Рим“, которая была напечатана в № 3 „Москвитянина“. Он прочел ее в начале февраля предварительно у нас, а потом на литературном вечере у князя Дм. Вл. Голицына (у Гоголя не было фрака, и он надел фрак Константина)»42. Д. В. Голицын был московским генерал-губернатором и нередко устраивал у себя литературные вечера, в

которых принимали участие Ф. Глинка, Загоскин, Павлов, Погодин, Хомяков, Шевырев и другие московские писатели. Жил он в так называемом «Тверском казенном доме» (ныне здание Моссовета), резиденции московских генерал-губернаторов.

Настойчивый интерес «сиятельного» Голицына к скромной личности Гоголя обусловливался особыми причинами, оглашать которые, очевидно, по цензурным причинам, С. Т. Аксаков находил неудобным. В неопубликованных записках М. А. Дмитриева рассказывается любопытная история возникновения этих «четвергов князя»: «В 1842 году учредились литературные же вечера и у генерал-губернатора Москвы, добродушного и благородного князя Дмитрия Владимировича Голицына. Мы этому очень удивились, потому что он был совсем не литератор. Но вот что было этому причиною. Ему велено было наблюдать, и наблюдать за всеми, бывавшими на наших вечерах. Он, как человек благородный, нашел такое средство, чтоб этих же людей приглашать к себе…»43 Мы не знаем, в какой мере Гоголь догадывался об истинном назначении вечеров Голицына, но Погодину и Шевыреву стоило многих усилий привезти на один из этих вечеров Гоголя. Приехав, он вел себя очень демонстративно: «…Не сказав ни слова, сел на указанные ему кресла, сложил ладонями вместе обе протянутые руки, опустил их между колен, согнулся в три погибели и сидел в этом положении… В другой приезд положено было, чтоб Гоголь прочитал что-нибудь из ненапечатанных своих произведений. Он привез и читал свою Анунсиаду…»44

В тех же воспоминаниях М. А. Дмитриев указывает, что Гоголь, «когда он, по временам, жил в Москве», бывал у него45. Но едва ли Гоголь был частым посетителем «пятниц» М. А. Дмитриева, где, по словам С. Т. Аксакова, «собирались нестерпимо скучные люди», а сам М. А. Дмитриев «никогда вполне не понимал Гоголя»46, относясь к нему с нескрываемой враждебностью и барским высокомерием. В 1842 году М. А. Дмитриев жил в доме Корсаковой, находившемся в одном из переулков между Плющихой и Смоленским бульваром. Его точное местоположение установить не удалось.

Лишь 5 апреля рукопись «Мертвых душ» была, наконец, получена Гоголем. Однако, разрешив ее к печати, цензор А. В. Никитенко, внеся в текст свыше тридцати мелких исправлений, категорически изменил само название, придав ему вместо обличительного авантюрно-приключенческий смысл. На сохранившемся цензурном экземпляре сверху слов, написанных рукою самого писателя: «Мертвые души. Поэма Н. Гоголя», надписано А. В. Никитенко: «Похождения Чичикова, или…».

Кроме того, цензор запретил «Повесть о капитане Копейкине». «… эпизод Копейкина — ничья власть не могла защитить от его гибели», — заверял он Гоголя. Сам же Гоголь считал эту повесть одним «из лучших мест в поэме, и без него — прореха, — писал он, — которой я ничем не в силах заплатать и зашить. Я лучше решился переделать его, чем лишиться вовсе»48. Перечитывая восстановленную — первую — редакцию этой «Повести», понимаешь, почему ею так дорожил Гоголь: если на протяжении всей поэмы носителями стяжательства, пошлости, подлости являются местные власти и местные помещики, то здесь, как бы подытоживая ряд обличительных картин феодально-крепостнической России, воплощением произвола и чудовищной бесчеловечности становится сам Петербург — душа николаевской империи. В предельно короткий срок — пять дней — Гоголь перерабатывает «Повесть» и посылает ее вновь А. В. Никитенко в Петербург.

Одновременно было приступлено к набору. Денег у Гоголя на издание не было. Пришлось печатать в долг. Бумагу брал на себя в кредит Погодин. Обложку для первого издания (повторена и при втором, 1846 года) задумывал сам Гоголь, введя в ее орнамент отдельные мотивы своей поэмы. При размещении текста названия он стремился смягчить тот авантюрно-приключенческий акцент, который придал ему цензор А. В. Никитенко: слова «Похождения Чичикова» даны мелким, не бросающим в глаза шрифтом, слова «Мертвые души» подчеркнуты величиной букв и заштрихованным фоном, на котором они помещены. Тираж издания был очень небольшой. На сохранившемся цензурном экземпляре рукописи имеется следующая надпись Гоголя: «Печатать на моей бумаге 240. Деньги сто рублей в задаток положил. Н. Гоголь»49. Печатались «Мертвые души» в университетской типографии. Дом, где печаталась гениальная книга Гоголя, цел и сейчас — улица Пушкина, № 34. Он построен в 1818 году архитектором Бужинским.

Но, даже сдав в набор свою книгу, Гоголь до последней минуты продолжал работать над нею. С. Т. Аксаков вспоминает, как Гоголь «после обеда часа два сидел у меня в кабинете и занимался поправкою корректур, в которых он не столько исправлял типографические ошибки, сколько занимался переменою слов, а иногда и целых фраз»50.

20 апреля Белинский пишет большое письмо Гоголю, в котором пытается выяснить отношение писателя к «Отечественным запискам» и с присущей ему прямотой дает резкую характеристику Погодину и Шевыреву. Борясь за Гоголя,

он хочет знать, как же тот отнесется к его обращению, и пишет В. П. Боткину: «…Я повернул круто — оно и лучше: к черту ложные отношения… Постарайся через Щепкина узнать об эффекте письма»51.

В письме к Гоголю Белинский писал: «Очень жалею, что „Москвитянин“ взял у вас все, и что для „Отечественных записок“ нет у вас ничего. Я уверен, что это дело судьбы, а не вашей доброй воли или вашего исключительного расположения в пользу „Москвитянина“ и к невыгоде „Отечественных записок“. Судьба же давно играет странную роль в отношении ко всему, что есть порядочного в русской литературе… оставляет в добром здоровье Булгарина, Греча и других подобных им негодяев в Петербурге и Москве; она украшает „Москвитянин“ вашими сочинениями и лишает их „Отечественные записки“… „Отечественные записки“ теперь единственный журнал на Руси, в котором находит себе место и убежище честное, благородное и — смею думать — умное мнение, и что „Отечественные записки“ ни в каком случае не могут быть смешиваемы с холопами знаменитого села Поречья[20]. Но потому-то, видно, им то же счастье…».

С большой теплотой Белинский желает Гоголю «душевных сил и душевной ясности… Вы у нас теперь один, — и мое нравственное существование, моя любовь к творчеству тесно связаны с вашею судьбою; не будь вас, — и прощай для меня настоящее и будущее в художественной жизни нашего отечества»52.

Ответ Гоголя был очень сдержанным. Вынужденный скрывать свои отношения с Белинским, он пишет другу своей юности Н. Я. Прокоповичу, бывшему в близких отношениях и с Белинским: «Я получил письмо от Бел[инского]. Поблагодари его. Я не пишу к нему, потому что, как он сам знает, обо всем этом нужно потрактовать и поговорить лично, что мы и сделаем в нынешний проезд мой чрез Петербург»53.

В 20-х числах апреля Гоголь встречался с посетившим Москву писателем В. Ф. Одоевским, с которым был в дружеских отношениях. Еще в 1833 году они задумывали выпустить альманах, в связи с чем Одоевский обращался к Пушкину: «… Гомозейко (псевдоним Одоевского. — Б. З.) и Рудый Панек, по странному стечению обстоятельств, описали: первый гостиную; второй чердак; нельзя ли г. Белкину (псевдоним Пушкина. — Б. З.) взять на свою ответственность погреб? Тогда бы вышел весь дом в три этажа, и можно было бы к Тройчатке сделать картинку, представляющую разрез дома в 3 этажа с различными в каждом сценами. Рудый Панек даже предлагал самый альманах назвать таким образом: Тройчатка, или Альманах в три этажа…»54

Сохранилась записка Гоголя к Погодину о предполагаемом его свидании с Одоевским у Перфильевых55. Нам неизвестно, где именно в это краткое пребывание в Москве останавливался Одоевский.

Пережитые осложнения с книгой еще более подорвали здоровье Гоголя. Он вновь стремится уехать в Рим. Жизнь в погодинском доме стала для него невыносимо тяжелой. «Как из многолетнего мрачного заключения, вырвался я из домика на Девичьем поле. Ты был мне страшен, — гневно писал Гоголь Погодину в 1843 году. — …Самый вид твой, озабоченный и мрачный, наводил уныние на мою душу, я избегал по целым неделям встречи с тобой… Несколько раз хотел я говорить с тобой, чувствуя, что все дело можно объяснить такими простыми словами, что будет понятно ребенку. Но едва я начинал говорить, как эти объяснения вдруг удерживались целою кучею приходивших других объяснений, объяснений душевных, но и им мешало излиться находившее вдруг негодование при одной мысли, против каких подлых подозрений я должен оправдываться, пред кем я должен оправдываться? Пред тем человеком, который должен был поверить одному моему слову»56.

Готовясь к отъезду, Гоголь поручает Шевыреву продажу издания и составляет для него реестр своих долгов, наглядно свидетельствующий, насколько была велика материальная зависимость Гоголя от москвичей. «Первые вырученные деньги обращаются в уплату следующим: Свербееву — 1500, Шевыреву — 1900, Павлову — 1500, Хомякову — 1500, Погодину — 1500… Выплативши означенные деньги, выплатить следующие мои долги: Погодину — 6000, Аксакову — 2000»57.

1 мая Гоголь в карете Свербеевых посетил Сокольники, где по стародавней московской традиции устраивалось в этот день гулянье. Через несколько дней в Москву приехала его мать, чтобы взять в Васильевку дочь Елизавету, жившую все это время у Раевской, и «чтоб проститься с сыном, который, вероятно, уведомил ее, что уезжает надолго. Она остановилась также у Погодина»58.

С. Т. Аксаков оставил нам подробное описание последних дней Гоголя в этот приезд в Москву: «9 мая сделал Гоголь такой же обед для своих друзей в саду у Погодина, как и в 1840 году. Погода стояла прекрасная; я был здоров, а потому присутствовал вместе со всеми на этом обеде. На нем были профессора: Григорьев… Армфельд, Редкин и Грановский. Был Ст. Вас. Перфильев (особенный почитатель Гоголя), Свербеев, Хомяков, Киреевские, Елагины, Нащокин… Загоскин, Н. Ф. Павлов,

Ю. Самарин, Константин… Обед был шумный и веселый, хотя Погодин с Гоголем были в самых дурных отношениях и даже не говорили, чего, впрочем, нельзя было заметить в такой толпе. Гоголь шутил и смешил своих соседей…

Печатанье „М. д.“ приходило к концу, и к отъезду Гоголя успели переплесть десятка два экземпляров… Первые совсем готовые экземпляры были получены 21 мая, в день именин Константина, прямо к нам в дом… У нас было довольно гостей, и все обедали в саду. Были Погодин и Шевырев. Это был в то же время прощальный обед с Гоголем…

Гоголь, взявши место в дилижансе на 23 мая, сказал, что он едет из нашего дома…» Здесь с Гоголем простилась мать, сестры и Шереметева, проводившая затем Гоголя до Тверской заставы. «Я, Гоголь, Константин и Гриша сели в четырехместную коляску и поехали до первой станции, до Химок, куда еще прежде поехал Щепкин с сыном… Приехавши на станцию, мы… пошли все шестеро гулять. Мы ходили вверх по маленькой речке, бродили по березовой роще, сидели и лежали под тенью дерев… находились в каком-то принужденном состоянии… Увидев дилижанс, Гоголь торопливо встал, начал собираться и простился с нами… в эту минуту я все забыл и чувствовал только горесть, что великий художник покидает отечество и нас. Горькое чувство овладело мною, когда захлопнулись дверцы дилижанса; образ Гоголя, исчез, в нем, и дилижанс покатился по Петербургскому шоссе»59.

9

По словам А. И. Герцена, «„Мертвые души“ потрясли всю Россию»1. Один из современников писал, что «„Мертвые души“ появились разом, как неожиданный громовый удар среди безоблачного дня»2. Успех книги был необычаен. Толки о ней шли во всех слоях населения Москвы, приводя в растерянность власти. Всего через три недели после ее выхода попечитель московского учебного округа генерал-адъютант С. Г. Строганов встревоженно обращался к министру народного просвещения С. С. Уварову: «…Прочитывая новую поэму Гоголя „Похождения Чичикова, или Мертвые души“, я останавливался на многих местах, которые… не могли, как я думаю, быть дозволены к печатанию без особенного высшего разрешения и с какою-либо особенною целию… новое произведение Гоголя обратило на себя всеобщее внимание и, конечно, будет подвергнуто разным

толкованиям и критике… для ограждения членов Московского цензурного комитета, покорнейше прошу ваше высокопревосходительство снабдить меня наставлением, какими условиями должно руководствоваться в случае представления рецензий и критик…»3

Чтобы понять ту историческую обстановку, в которой появилась книга Гоголя, следует вспомнить замечательную характеристику Москвы 1840-х годов, данную А. И. Герценом в «Былом и думах»: «Москва входила тогда в ту эпоху возбужденности умственных интересов, когда литературные вопросы, за невозможностью политических, становятся вопросами жизни. Появление замечательной книги составляло событие; критики и антикритики читались и комментировались… Подавленность всех других сфер человеческой деятельности бросала образованную часть общества в книжный мир, и в нем одном, действительно, совершался глухо и полусловами протест против николаевского гнета…»4

Выход «Мертвых душ» вызвал огромный интерес к творчеству Гоголя. Московские друзья и знакомые писателя, и более всех М. С. Щепкин, широко популяризируют его сочинения. 19 марта 1843 года О. С. Аксакова писала матери Гоголя: «Сочинения его расходятся, а более всего слушаются и начинают узнавать его разные сословия. Сергей Т. читал во многих домах Шинель, Разъезд, Игроков и проч., а Константин совсем в других домах читал нового Тараса Бульбу и проч. Теперь Щепкин читал лично „Старосветские помещики“, а Садовский актер рассказ „Ко??? кин“; у них устроились публичные чтения по 5 руб., им дал Новосильцев залу у Мясницких ворот в своем доме; тут еще читает Вальтер пофранцузски и m-lle Шамбери, но вообразите, после чтения Щепкина, когда он кончил Старосветских помещиков, никто не стал слушать. Слово Гоголя отдавалось во всех сердцах, оно заставляло задумываться о русской действительности, возбуждало общественное мнение».

Нет сомнений в том, что сведения обо всем происходившем в Москве доходили до Гоголя и постоянно обращали его мысли к далекой России. Покинув родину, Гоголь живет думами только о ней: «…для меня всех последних мелочей, что ни делается на Руси, теперь стало необыкновенно дорого и близко», — пишет он из Рима А. С. Данилевскому6. Через сколько дней — о том же Шевыреву: «…глаза мои все[го] чаще смотрят только в Россию и нет меры любви моей к ней…»7.

Гоголь живо интересуется, как принимаются его труды на родине. С особым нетерпением он ожидает статей Белинского. 15 июля 1842 писатель обращается к Н. Я. Прокоповичу: «…

пожалуйста, попроси Белинского отпечатать для меня особенно листки критики „Мертвых душ“, если она будет в „Отечеств[енных] запис[ках]“, на бумаге, если можно, потонее, чтобы можно было прислать мне ее прямо в письмах, присылай мне по листам, по мере того как будет выходить»8.

Гоголь просит знакомых, находящихся в России, записывать мнения о «Мертвых душах» и сообщать ему. В статье «Четыре письма к разным лицам по поводу „Мертвых душ“» (1843 г.) он говорит: «У писателя только и есть один учитель: сами читатели»9. Это стремление к тесному контакту с читателем отмечал у Гоголя и П. В. Анненков: «…мнением публики Гоголь озабочивался гораздо более, чем мнениями знатоков, друзей и присяжных судей литературы — черта, общая всем деятелям, имеющим общественное значение»10.

24 октября 1842 года М. С. Щепкин сообщал Гоголю: «…о „Мертвых душах“ все идут толки, прения. Они разбудили Русь; она теперь как быль живет. Толков об них несчетное число…»11 Эти толки вокруг «Мертвых душ» становились вопросом столько же общественным, сколько литературным. Антикрепостническая книга Гоголя возбуждала в читателе ненависть к существующему социальному строю, звала бороться против барства. Знаменательна запись в дневнике крепостного лакея, москвича Ф. Д. Бобкова, после ознакомления с произведениями Гоголя и рукописным списком «Демона» М. Ю. Лермонтова: «Начитавшись, я стал считать себя обиженным… ходил мрачный»12. «Мысль о свободе крестьян тлеет между ними беспрерывно. Эти темные идеи мужиков все более и более развиваются и сулят нечто нехорошее», — доносило Николаю I в 1841 году III отделение13, то есть в том году, когда Гоголь завершал свою работу над первым томом «Мертвых душ».

Отношение к «Мертвым душам» неминуемо означало и отношение к крепостному праву. В. Г. Белинский утверждал: «… мы в Гоголе видим более важное значение для русского общества, чем в Пушкине: ибо Гоголь более поэт социальный, следовательно, более поэт в духе времени»14. Вспыхнувшая вокруг книги Гоголя ожесточенная борьба стала борьбой общественных направлений и в то же время она была борьбой за Гоголя-художника. В этих горячих схватках «друзья» К. С. Аксаков и С. П. Шевырев оказались опаснее открытых врагов — Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча, О. И. Сенковского и других, объявивших книгу «клеветой» на Россию, грубой и уродливой карикатурой на нее. Не скупясь на похвалы, и К. С. Аксаков, и С. П. Шевырев в своих печатных выступлениях прилагали все усилия, чтобы «обезвредить» книгу, скрыть ее обличительную,

антикрепостническую направленность. К. Аксаков напечатал брошюру «Несколько слов о поэме Гоголя „Похождения Чичикова, или Мертвые души“», в которой развивал мысль о том, что поэма Гоголя является возрождением древнего греческого гомеровского эпоса, принимающего окружающую действительность. В этой брошюре К. Аксаков утверждал, что писатель «открыл и проложил путь сочувствию человеческому и к этим людям и к этой жизни», и что даже к Манилову он относится якобы «без всякой досады, без всякого смеха, даже с участием»15. С. П. Шевырев в своих выступлениях в «Москвитянине» пытался переключить Гоголя на позиции официальной народности, толкал его на поиски «светлых сторон» в николаевской действительности, упрекал, что он жизнь берет лишь «в полобхвата» и умалчивает о «добрых чертах» своих героев. По Шевыреву, Коробочка, например, «непременно будет набожна и милостива к нищим»16. Показательно его письмо к писателю от 20 октября 1846, года, в котором он прямо звал Гоголя стать певцом николаевского режима: «Вгляделся ты глубоко в неразумную сторону России, с полною любовью к другой еще невидимой, не сознанной стороне, открытия которой в художественном мире мы все от тебя ожидаем…»17.

С рядом страстных статей в защиту поэмы выступил В. Г. Белинский. В них он разоблачил попытки выхолостить обличительную направленность книги Гоголя и раскрыл сущность и значение его творчества. В. Г. Белинский утвердил «Мертвые души», как «творение чисто русское, национальное, выхваченное из тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патриотическое, беспощадно сдергивающее покров с действительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовию к плодовитому зерну русской жизни; творение необъятно художественное по концепции и выполнению, по характерам действующих лиц и подробностям русского быта, — и в то же время глубокое по мысли, социальное, „общественное и историческое…“»18.

Издание «Мертвых душ» несколько улучшило материальные дела Гоголя. Продажей их ведал С. П. Шевырев, обнаруживший своей деловитостью незаурядные издательские способности. 26 марта 1843 года он писал Гоголю: «…Настоящее твое не так дурно, как ты воображаешь: все зависит от скорейшей разделки с типографиею и от устроения дел твоих здесь, у нас… Контора твоих изданий будет у меня. Все счеты также. Не думай, что ты меня тем обременяешь. Могу ли я для тебя этого не сделать?»19 Любопытна приводимая им запись погашенных гоголевских долгов: «Свербееву 1500 р., Павлову 1500 р., Хомякову 1500 р., Аксакову 3500 р., Погодину 7500 р., мне 400 р.»20.

Тот же 1843 год ознаменовался в Москве постановкой в бенефис Щепкина (5 февраля) «Женитьбы» и «Игроков». Успеху спектакля много помог С. Т. Аксаков, присутствовавший на репетициях и разъяснявший актерам характеры гоголевских героев. Посетивший спектакль С. П. Шевырев писал об «Игроках» Гоголю: «Пиеса так была превосходно разыграна, как еще не была ни одна на московском театре. Тому содействовали первый С. Т. Аксаков превосходным чтением пиесы, второй М. С. Щепкин…»21 Последний играл в «Женитьбе» Подколесина, в «Игроках» — Утешительного.

12 сентября 1843 года Погодин написал Гоголю примирительное письмо, что, однако, не помешало ему в следующем, 1844 году сделать новую бестактность, очень тяжело пережитую Гоголем. Для привлечения большего внимания к своему «Москвитянину» он, даже не поставив в известность Гоголя, опубликовал в нем его портрет. Гоголь же сам намеревался издать его; вырученные деньги предназначал в пользу своего друга, художника Ал. Иванова, поглощенного работой над картиной «Явление Христа народу». Практическая неопытность художника и нужда ставили его почти в невозможность завершить труд всей жизни. Так средства, которые должны были обеспечить Иванову год или два нормальной творческой работы, были бесцеремонно положены в свой карман Погодиным.

В 1846 году Гоголь посылает в Москву «Развязку Ревизора». Небезынтересно, что в ней были использованы толки и мнения москвичей о творчестве писателя, сообщенные ему различными корреспондентами. В объяснительных примечаниях к «Развязке Ревизора», сделанных Гоголем М. С. Щепкину при отправлении пьесы, он указывает: «Играющему Петра Петровича нужно выговаривать свои слова особенно крупно, отчетливо, зернисто… Хорошо бы, если бы он мог несколько придерживаться Американца Толстого. Николаю Николаевичу должно, за неимением другого, придерживать[ся] Ник[олая] Филипповича Павл[ова]… Семену Семеновичу нужно дать более благородную замашку, чтобы не сказали, что он взят с Николая Миха[й]лов[ича] Заг[оскина]» 22.

Тяжело отражается на настроениях Гоголя все усиливающееся расстройство его здоровья. Еще в 1845 году он писал: «Не скрою, что признаки болезни моей меня сильно устрашили: сверх искуданья необыкновенного, боли во всем теле. Тело мое дошло до страшных охладеваний, ни днем, ни ночью я ничем не мог согреться. Лицо мое все пожелтело, а руки распухли и почернели и были ничем не согреваемый лед, так что прикосновение их ко

мне меня пугало самого»23. Лечение помогает ему мало и ненадолго.

Болезненное состояние усиливает у Гоголя намечавшийся и ранее интерес к церковной литературе, способствует развитию в нем религиозных тяготений. Заграничное окружение писателя активно содействует развитию идейного кризиса Гоголя. «Этим знакомствам, — указывает Н. Г. Чернышевский, — надобно приписывать сильное участие в образовании у Гоголя того взгляда на жизнь, который выразился „Переписке; с друзьями“»24. Живя за границей, Гоголь находился в особенно близких отношениях с В. А. Жуковским, семейством царедворца М. Ю. Виельгорского, бывшей фрейлиной А. О. Смирновой. Особенно пагубным для него было знакомство в 1843 году с мракобесом-бюрократом А. П. Толстым, ставшим с 1856 года обер-прокурором синода. Он поддерживал в Гоголе ортодоксально церковные настроения, а впоследствии познакомил его с фанатиком протоиереем Матвеем Константиновским, сыгравшим зловещую роль в последние дни жизни писателя.

В результате долголетнего отрыва от родины и влияния заграничного окружения в конце 1846 года вышла в свет реакционная книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Вся передовая Россия с гневом встретила эту книгу. С болью, что его любимый писатель сошел с пути служения народу, В. Г. Белинский откликнулся на нее сначала большой статьей в «Современнике», в которой по цензурным обстоятельствам многого сказать не мог, а затем своим известным «Письмом», названным в 1914 году В. И. Лениным «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору»25. В нем Белинский писал: «Или Вы больны, и Вам надо спешить лечиться; или — не смею досказать моей мысли… Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что Вы делаете?.. Взгляните себе под ноги: ведь Вы стоите над бездною…»26 В этих гневных, суровых словах заключалась подлинная дружеская помощь Гоголю-художнику. Найди он в себе силы принять их всею душой, понять их глубочайший смысл, — кто знает, не сохранили бы они ему ряд лет для созидательной, творческой работы. Именно потому, что Белинский чтил Гоголя-художника, понимая более, чем сам Гоголь, все значение его произведений в борьбе за раскрепощение родины, действенность его слова в этой борьбе, он писал: «Тут дело идет не о моей или Вашей личности, а о предмете, который гораздо выше не только меня, но даже и Вас:

тут дело идет об истине, о русском обществе, о России»27. Чтобы подлинно служить родине, надо мыслить ее интересами, выражать ее чаяния, идти вперед вместе с ней. «…Вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек… — обращается к Гоголю Белинский. — …Русский народ не таков: мистическая экзальтация вовсе не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме: и вот в этом-то, может быть и заключается огромность исторических судеб его в будущем»28. Он раскрывает Гоголю, насколько тот стал далек от животворящей народной почвы: «…Ваша последняя книга позорно провалилась сквозь землю… Это показывает, сколько лежит в нашем обществе, хотя еще и в зародыше, свежего, здорового чутья; и это же показывает, что у него есть будущность. Если Вы любите Россию, порадуйтесь вместе со мною падению Вашей книги!» 29.

Белинский понимал, что для подлинно народного художника Гоголя утрата им передовых общественных позиций повлечет за собой творческий кризис, и он заканчивал письмо призывом «…с искренним смирением отречься от последней Вашей книги и тяжкий грех ее издания в свет искупить новыми творениями, которые напомнили бы Ваши прежние»30.

О силе воздействия письма Белинского на Гоголя лучше всего говорят собственные слова писателя в его ответе великому критику: «Душа моя изнемогла, все во мне потрясено, могу сказать, что не осталось чувствительных струн, которым не был[о] бы нанесено поражения…»31. Если несколькими месяцами ранее, в ответ на многочисленные отклики негодования из России, Гоголь писал: «Я размахнулся в моей книге таким Хлестаковым, что не имею духу заглянуть в нее»32, — то теперь он вынужден признать, что не знает «вовсе России, что многое изменилось с тех пор, как я в ней не был, что мне нужно почти сызнова узнавать все то, что ни есть, в ней теперь… мне не следует выдавать в свет ничего, не только никаких живых образов, но даже и двух строк какого бы то ни было писанья, по тех пор, покуда, приехавши в Россию, не увижу многого своими собственными глазами»33.

Через четыре года, встретившись в Москве с М. С. Щепкиным и И. С. Тургеневым, Гоголь с горечью признается им, что он «виноват тем, что послушался друзей», окружавших его: «если бы можно было воротить назад сказанное, я бы уничтожил мою „Переписку с друзьями“. Я бы сжег ее»34.

Но если пламенное письмо Белинского во многом поколебало взгляды Гоголя и ускорило его возвращение в Россию, все же его

идейный кризис был так глубок, что он не нашел в себе сил до конца осудить свою книгу и разорвать со своим окружением, которое и в дальнейшем продолжало влиять на него.

С каждым днем все труднее переживает Гоголь свою разлуку с родиной.

Все чаще в своих письмах он обращается с просьбами собирать для него статистические, бытовые, фольклорные материалы, предполагает, вернувшись в Россию, совершить ряд поездок по стране. 2 декабря 1847 года он пишет С. П. Шевыреву: «Я очень соскучился по России и жажду с нетерпением услышать вокруг себя русскую речь…»35. Творчество Гоголя всегда нуждалось в непосредственном общении с народом. Из языкового богатства живой народной речи он черпал ту выразительность и эмоциональность своего слова, которые придают его произведениям величайшую убедительность.

Знаменательно, что в это время (октябрь 1846 г.) им была закончена статья «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность», где говорит, что «сам необыкновенный язык наш есть еще тайна. В нем все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твердых до самых нежных, мягких; он беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно». Он верит в будущее нашего языка, в его поэзию, которая «вызовет нам нашу Россию, — нашу русскую Россию, не ту, которую показывают нам грубо какие-нибудь квасные патриоты, и не ту, которую вызывают к нам из-за моря очужеземившиеся русские, но ту, которую извлечет она из нас же и покажет таким образом, что все до единого, каких бы ни были они различных мыслей, образов воспитанья и мнений, скажут в один голос: „Это наша Россия; нам в ней приютно и тепло, и мы теперь действительно у себя дома, под своей родной крышей, а не на чужбине“»36.

Вернулся Гоголь в Москву около 10 сентября 1848 года. Поселился он, очевидно, в Дегтярном переулке, у С. П. Шевырева. Последний жил тогда на даче и еще в июле предлагал Гоголю у него «остановиться и расположиться на все время пребывания нашего в Сокольниках. Весь дом к твоим услугам и с садом»37.

В первые же дни Гоголь посетил Аксаковых. Об этой встрече К. Аксаков писал брату: «…Увидев его, я помнил только то, что шесть лет с лишком не видел его. Поэтому крепко обнял, так, что он долго после этого кряхтел»38. С. Т. Аксакова при свидании не было, так как он жил в Абрамцеве, приобретенном в конце 1843 года. Для московской жизни Аксаковыми еще в январе 1847 года был снят дом Рюмина в Леонтьевском переулке. Поскольку в литературе нет упоминаний о перемене адреса Аксаковыми в эти

годы, можно полагать, что они продолжали здесь жить и 1848 году. Дом этот сохранился (ныне № 27 по улице Станиславского)

В этот приезд Гоголь пробыл в Москве очень недолго. Уже 12 сентября он писал: «В Москве, кроме немногих знакомых, нет почти никого. Все еще сидит по дачам и деревням… Теперь я еду в Петербург»39.

10

Около 10 октября 1848 года Гоголь вернулся в Москву и первые дни. продолжает жить у Шевырева. На всех его письмах, вплоть до 9 ноября, помечен этот адрес. Затем он переезжает к Погодину. Очевидно, желая отметить этот переезд, Погодин решает «торжественно отпраздновать день своего рождения (11 ноября) во фраках и белых галстуках»1. Присутствовали новый помощник попечителя московского учебного округа Г. А. Щербатов, П. П. Новосильцев, И. В. Киреевский и др. Но отношения Гоголя и Погодина не налаживались. Последний с раздражением записывает в своем дневнике: «Приготовление к вечеру… Гоголь испортил, и досадно»2.

4 ноября Гоголь посетил Малый театр, где давалась его пьеса «Игроки» в сопровождении двух французских водевилей. В письме к сыну Ивану С. Т. Аксаков отмечает, что Гоголь «остался доволен актерами, что большая редкость. Гоголь относит это к тому, что я читал им пиесу»3.

Зима 1848/49 года характерна большей общительностью Гоголя. Иногда он посещает и общественные места. Двоюродный брат друга Пушкина, поэта А. А. Дельвига, военный инженер А. И. Дельвиг вспоминает: «Когда уже была напечатана первая часть „Мертвых душ“, я встретился с ним в Москве… в английском клубе, где мы сидели на одном диване»4. Здание, где в 1840-е годы помещался Английский клуб, занято ныне Музеем Революции СССР (улица Горького, дом № 21).

Его московские связи расширяются, он чаще бывает в гостях, но по-прежнему предпочитает круг близких знакомых. И. А. Арсеньев вспоминает о встрече с Гоголем у И. В. Капниста, тогдашнего московского гражданского губернатора: «…удалось мне видеть Гоголя в хорошем расположении духа и вздумавшим представлять в лицах разных животных из басен Крылова. Все мы были в восхищении от этого действительно замечательного impromtu[21], которое окончилось внезапно вследствие случайного приезда к Капнисту Михаила Николаевича

Муравьева[22], который не был знаком с Гоголем. Капнист, знакомя Гоголя с Муравьевым, сказал: „Рекомендую вам моего доброго знакомого, хохла, как и я, Гоголя“. Эта рекомендация, видимо, не пришлась по вкусу гениальному писателю, и на слова Муравьева: „Мне не случалось, кажется, сталкиваться с вами“, — Гоголь очень резко ответил: „Быть может, ваше превосходительство, это для меня большое счастие, потому что я человек больной и слабый, которому вредно всякое столкновение“»5. Муравьев растерялся, а Гоголь быстро уехал.

С семейством Капнистов Гоголь был знаком с юных лет и нередко посещал их усадьбу Обуховку возле Нежина, где он учился в гимназии. Отец И. В. Капниста, В. В. Капнист, был одним из значительных писателей XVIII века. Его перу принадлежит известная комедия «Ябеда». Другой его сын, А. В. Капнист, был членом Союза благоденствия. Обуховку посещали будущие декабристы А. М. и Н. М. Муравьевы, М. П. Бестужев-Рюмин, М. С. Лунин, с которыми здесь мог встречаться тогда и Гоголь.

И. В. Капнист при всем своем расположении к Гоголю мало ценил его дарование. Л. И. Арнольди запомнил нижеследующую беседу с писателем: «…какую вы имеете охоту читать ему ваши сочинения! Он вас очень любит и уважает, но как человека, а вовсе не как писателя!.. Гоголь улыбнулся… „Я сужу о достоинстве моих сочинений по тому впечатлению, какое они производят на людей, мало читающих повести и романы. Если они рассмеются, то, значит, уже действительно смешно, если будут тронуты, то, значит, уже действительно трогательно, потому, что они с тем уселись слушать меня, чтобы ни за что не смеяться, чтобы ничем не трогаться, ничем не восхищаться“»6.

У Капнистов писатель бывал довольно часто. Они занимали казенную квартиру в доме гражданского губернатора (улица Горького, № 20); дом этот за годы революции дважды перестраивался.

Нелюбовь и даже подчеркнутое пренебрежение к особам «чиновным» отмечают у Гоголя и другие мемуары. Однажды он посетил светского «пустоцвета» К. А. Булгакова — способного дилетанта, не развившего своих дарований, дружившего с М. И. Глинкой, писателем В. А. Соллогубом и др. Учившийся с К. А. Булгаковым одновременно в Московском университетском благородном пансионе М. Ю. Лермонтов писал о нем:

На вздор и шалости ты хват
И мастер на безделки…7

Можно не сомневаться, что Гоголь интересовался не столько

самим К. А. Булгаковым, сколько его художественным собранием. Современник отмечает, что «Костя Булгаков…никогда не читал Гоголя; он сам в этом сознался Садовскому, который в Москве уже больному Булгакову читал сочинения этого великого писателя»8. Жил он в эти годы на казенной квартире своего отца А. Я. Булгакова (улица Кирова № 26, дом не сохранился), известного московского почтдиректора, приятеля В. А. Жуковского, П. А. Вяземского и А. И. Тургенева. Гоголь был знаком и с А. Я. Булгаковым9, но едва ли их отношения шли дальше поверхностного знакомства. Гоголь не мог не знать, что А. Я. Булгаков нередко перлюстрировал чужую корреспонденцию. А. С. Пушкин, после того как одно из его писем к жене было вскрыто Булгаковым, а содержание передано сначала III отделению, а затем Николаю I, прервал с ним знакомство. В 1849 году С. Т. Аксаков писал своему сыну Ивану: «Неужели ты до сих пор не догадался, что каждое наше письмо прочтено и списано? Письма наши известны не только тайной полиции, твоему начальству и почтовому ведомству, но и другим властям. Отъявленный подлец Булгаков сообщает их Закревскому (московский генерал-губернатор. — Б. З.)»10.

Праздная жизнь К. А. Булгакова проходила в пустых светских занятиях. Комнаты его были загромождены музыкальными инструментами, высокие стены до потолка были завешаны собранием живописи и графики. Пришедший Гоголь осматривал его коллекцию портретов и рисунков. Не замечая, что на диване сидел какой-то важный генерал, и к тому же очень щепетильный, Гоголь долго стоял у дивана, рассматривая над ним картину. Генерал был в бешенстве. «Я заметил, — рассказывал Булгаков, — что Гоголь, не видя этого петуха, осеняет его своим длинным носом, и стал их представлять. „Mon cher, — сказал я генералу, моему старому приятелю, — je te presente la personne du celebre Gogol, l'ecrivain“[23]. Тогда надо было видеть, как флегматически Гоголь опустил свой длинный нос на моего бедного генерала, побагровевшего от такого неслыханного sans facon[24] обращения»11.

Член кружка А. Н. Островского, поэт Н. В. Берг, познакомившийся с Гоголем у Шевырева в конце 1848 года, подчеркивает в своих воспоминаниях замкнутость Гоголя в среде малознакомых ему людей весьма сгущенными красками. «Он держал себя большею частью в стороне от всех. Если он сидел и к нему подсаживались с умыслом „потолковать, узнать: не пишет ли он чего-нибудь нового?“ — он начинал дремать или глядеть в другую комнату или просто-запросто вставал и уходил. Он изменял обыкновенным своим порядкам, если в числе

приглашенных вместе с ним оказывался один малороссиянин (О. М. Бодянский. — Б.З.)… Каким-то таинственным магнитом тянуло их тотчас друг ко другу; они усаживались в уголок говорили нередко между собою целый вечер горячо и одушевленно…»12.

Воспоминания Берга вызвали справедливые возражения сына актера Щепкина: «Н. В. Берг едва ли верно подметил ту черту характера Гоголя, что он был в обществе молчалив и необщителен до странности… Гоголь в нашем кружке… был всегда самым очаровательном собеседником: рассказывал, острил, читал свои сочинения, никем и ничем не стесняясь. Нелюдимом он являлся только на тех вечерах, которые устраивались так. часто с Гоголем многими из его почитателей»13. Гоголь не выносил праздного светского любопытства к своему труду, бесцельных и пустых расспросов, над чем он работает, от которых, по его словам, он «улепетывал по проселочным дорожкам». Его творческая скромность возмущалась тем, что его приглашают на вечер для любования им, как «диковиной». Ведь и «Пушкина выводило из себя то, что на него стекаются смотреть, как на собаку Мунито»14.

Характеру Гоголя был в высшей степени свойствен демократизм. Встречавшийся с ним в Одессе актер А. П. Толченов отмечает, что «…с людьми наименее значащими Гоголь сходился скорее, проще, был более самим собою, а с людьми, власть имеющими, застегивался на все пуговицы»15. Кажущаяся нелюдимость и замкнутость Гоголя были своеобразным средством самообороны от светской назойливости, от попыток сделать его очередным развлечением светской гостиной.

Требуя уважения к своему труду, он великолепно умел ставить на место «надменную гордость безмозглого класса людей, которые будут передо мною дуться и даже мне пакостить»16. Некий москвич Н. И. Перелыгин рассказывает красноречивый эпизод, происшедший в доме его тетки, «одной из самых элегантных дам сороковых годов»: «Салоны ее посещались не одними великосветскими людьми, но и писателями, художниками и артистами, в числе которых бывали Гоголь, Загоскин, Скоти, Рабус, Щепкин и другие… Особенно сильное впечатление производили на меня: Тургенев — своей колоссальной фигурой и Гоголь… Раза два читал и Гоголь отрывки из своих сочинений; он читал превосходно и любил, чтобы его слушали со средоточенным вниманием, а потому, я помню, он во второй раз не докончил своего чтения, так как заметил, что двое из слушателей начали перешептываться между собою. Гоголь, ни слова не сказав, встал, сложил свою рукопись,

раскланялся с тетей и, несмотря на ее просьбы, рассерженный, уехал домой»17.

К сожалению, уточнить место, где Гоголь дал заслуженный урок светским невеждам, невозможно. Автор воспоминаний не называет фамилии своей тетки, ограничиваясь сообщением, что она «жила в собственном, хорошеньком особняке на Арбате».

Осип Максимович Бодянский

К числу наиболее близких Гоголю лиц в Москве принадлежал в эти годы О. М. Бодянский, которого имеет в виду Н. В. Берг в своих воспоминаниях. Бодянский занимал должность профессора истории и литературы славянских наречий в Московском университете и был секретарем Общества истории и древностей

российских. Он выпустил 23 тома «Чтений» общества, содержащих богатый фактический материал по русской истории. Гоголь с ним познакомился еще в 1832 году, в свой второй приезд в Москву, но в последующие годы не встречался, так как О. М. Бодянский из своих длительных научных путешествий вернулся в Москву лишь в 1842 году, но уже после отъезда Гоголя. В 1848 году О. М. Бодянский жил в доме Кузнецова на Малой Никитской (ныне улица Качалова, № 10, дом не сохранился).

По-прежнему Гоголь посещал Аксаковых. С. Т. Аксаков вспоминает: «Гоголь в эту зиму прочел нам всю „Одиссею“, переведенную Жуковским… Часто также читал вслух Гоголь русские песни, собранные Терещенко, и нередко приходил в совершенный восторг»18.

Надо полагать, что Гоголь бывал и у М. Д. Ховриной, близкой знакомой Аксаковых. С Ховриной он познакомился еще в прошлый приезд и нередко вспоминал о ней в своих письмах. Ее вечера посещались образованнейшими москвичами. С 1845 года она жила на казенной квартире своего брата И. Д. Лужина, московского обер-полицеймейстера (Тверской бульвар, № 22, дом не сохранился). Здесь в 1820–1830-х годах известный танцмейстер Иогель устраивал привлекавшие всю дворянскую Москву платные балы, на одном из которых в декабре 1828 года А. С. Пушкин впервые встретился с Н. Н. Гончаровой. Позднее здание было приобретено казной для резиденции московского обер-полицеймейстера. В 1834 году, перед отправлением в ссылку, здесь допрашивался А. И. Герцен. Вернувшись в Москву, он также посещал М. Д. Ховрину. В «Былом и думах» им дана яркая характеристика этого несоответствия светского салона и полицейского учреждения: «…Всякий раз проходил той залой, где Цынский с компанией судил и рядил нас… Небольшая гостиная возле… была как-то неуместна в доме строгости и следствий… Наши речи и речи небольшого круга друзей… так иронически звучали, так удивляли ухо в этих стенах, привыкнувших слушать допросы, доносы и рапорты о повальных обысках, — в этих стенах, отделивших нас от топота квартальных, от вздохов арестантов, от бренчанья жандармских шпор и сабли уральского казака…»19

Как мы уже говорили, к этому времени М. С. Щепкиным было продано собственное владение. Поселился он в доме Щепотьева в Воротниковском переулке. Это — дом его последних встреч с Гоголем. В истории литературно-художественной Москвы данный щепкинский адрес должен занять также немалое место. Здесь в начале своего творческого пути жил воспитанник и ближайший

ученик Щепкина, замечательный русский актер С. В. Шуйский; здесь бывали И. С. Тургенев, Т. Н. Грановский, собиратель русских сказок А. Н. Афанасьев; в 1858 году, приехав в Москву, жил Т. Г. Шевченко. Однако в справочных изданиях этих лет домовладельца Щепотьева нам обнаружить не удалось.

Дом Перфильевых, в котором часто бывал Н. В. Гоголь (Большая Грузинская, 12). Акварель Б. С. Земенкова

В 1848 году Д. Н. Свербеев вновь переменил свое местожительство. Он поселился в доме Кроткова по Тверскому бульвару. Ныне этот дом № 25, хорошо известный москвичам, как место рождения Герцена.

Продолжал встречаться Гоголь с Перфильевыми. Их адрес дважды занесен в его записной книжке 1846–1851 годов20. В конце 1840-х годов Перфильевы переехали в дом № 12 по Большой Грузинской улице. Отметим, что здесь впоследствии, приезжая из Ясной Поляны, нередко останавливался Л. Н. Толстой. При работе над «Войной и миром» он пользовался рассказами С. В. Перфильева, участника Отечественной войны 1812 года. Особенно он был близок с его сыном, В. С. Перфильевым, послужившим ему рядом черт своего характера прототипом при создании облика Стивы Облонского в «Анне Карениной».

Бывал Гоголь по-прежнему и у А. П. Елагиной, которая эту зиму прожила в Москве, в своем доме у Красных ворот. Осенью же 1848 года переехал на жительство в Москву И. В. Киреевский, и

его мать писала Погодину: «Навещайте его почаще, не давайте уединяться. О том же прошу Гоголя, которому скажите мой дружеский поклон…»21

Очень часто посещал Гоголь Хомяковых, которые осенью 1844 года переехали в приобретенный ими у князей Лобановых-Ростовских дом на Собачьей площадке (ныне Композиторская улица, № 7). Построен он в начале XIX века, в пожар 1812 года незначительно пострадал и был капитально отремонтирован, после чего едва ли подвергался каким-либо существенным изменениям; сохранились даже прекрасной деревянной резьбы двери. В те годы дом Хомякова был местом ожесточенных литературных и общественно-политических споров. Здесь встречались Герцен. Грановский, Чаадаев, Аксаковы, Киреевские, Кошелев, Погодин, Н. Языков. Особенно часто современники вспоминают о хомяковском «кабинете, куда стекалось так много людей для обмена мыслей и для споров…»22. Примыкавшая к кабинету маленькая диванная даже именовалась в быту «говорильней». Три стены этой комнаты были заняты диванами, в узком проходе стоял небольшой столик. Несколько картин и гравюр украшали стены. Казалось, вся обстановка здесь особо располагала к проникновенным беседам, к слушанию нового произведения, к горячему обсуждению прочитанного. Обстановка этой комнаты сохранилась и ныне целиком включена в экспозицию Государственного Исторического музея.

У Хомяковых Гоголь часто встречался с Ю. Ф. Самариным, вскоре ставшим одним из воинствующих лидеров славянофилов. О, некоторой близости Гоголя и Самарина в эти годы свидетельствуют постоянные приглашения Самарина на именинные обеды Гоголя. Хороший знакомый Гоголя В. Ф. Чижов указывает: «В Москве — помнится мне, в 1849 году— мы встречались часто у Хомякова, где я бывал всякий день, и у С[амарины]х…»23. Дом Самариных не сохранился. Их владение занимало примыкающую к проезду Художественного театра часть нынешнего дома № 6 по улице Горького, Постройки здесь были снесены при реконструкции этой улицы в 1937 году. Двухэтажный ампирный дом Самариных, может быть, еще памятен москвичам по местонахождению здесь второй студии МХАТ.

Дом Самариных, в котором бывал Н. В. Гоголь. Находился на месте дома № 6 по Тверской улице. Акварель Б. С. Земенкова

10 марта 1849 года В. П. Боткин писал Анненкову: «Гоголь еще в Москве… После завтра он придет к нам обедать», — и добавляет: — «у Щепкина будет сыгран „Нахлебник“ в доме. Теперь репетиции идут. Думаю, что все роли, кроме Щепкина, будут исполнены дурно»24. Это скупое сообщение Боткина невольно вызывает вопрос и о Гоголе: принимал ли он, при его любви к сцене, участие в любительских спектаклях у своего друга или же бывал только зрителем на них? К сожалению, опубликованная по сей день мемуарная литература не дает на это ответа.

Невольно вспоминается сообщение С. Т. Аксакова, как в 1839 году Гоголь предлагал ему «воротясь из Петербурга, разыграть „Ревизора“ на домашнем театре; сам хотел взять роль Хлестакова, мне предлагал Городничего…»25.

Очевидно, к этому же времени относятся воспоминания о Гоголе А. Д. Галахова, представлявшего в Москве «Отечественные записки», издававшиеся в Петербурге А. А. Краевским. «Четвертое и последнее свидание было во время летней вакации, не помню какого года. Краевский приехал на побывку в Москву и остановился у В. П. Боткина. Каждое утро я отправлялся к ним на чаепитие и веселую беседу… В один из таких визитов неожиданно является Гоголь… Боткин предложил где бы нибудь сообща пообедать. Гоголь охотно согласился: чего же лучше, — прибавил он, — как не в гостинице Яра, близ Петровского парка? Таким образом, мы провели время вчетвером очень приятно

благодаря прекрасной погоде и повеселевшему дорогому гостю»26.

Популярный московский ресторатор Яр первоначально, с 1820-х годов, держал свое заведение на Кузнецком мосту. Здесь бывали Пушкин, Баратынский, Языков. В 1830-е годы, когда Петровский парк делается одним из наиболее посещаемых московских гуляний, Яр открывает здесь филиал, скоро завоевавший расположение москвичей. Здание бывшего «Яра» неоднократно перестраивалось. Ныне на его месте находится Московский дом кино (Ленинградское шоссе, № 44).

В эту же зиму А. Д. Галахов видел Гоголя в книжной лавке И. В. Базунова. «Он просил показать ему вышедшие в его отсутствие литературные новинки»27. Галахов был очень польщен тем, что Гоголь отложил и третий том его «Полной русской хрестоматии» (вышедший в 1849 г.). Книжную торговлю И. В. Базунова по своему значению можно сравнить с известной Смирдинской лавкой. «Ширяево-Базуновская книжная лавка была чуть ли не полвека местом свидания и встречи московских писателей, ученых и деятелей печати»28. В 1850-е годы И. В. Базунов был комиссионером некрасовского «Современника»; приезжая в Москву, поэт постоянно бывал здесь. Находясь в Москве, через Базунова вели всю свою деловую переписку М. Е. Салтыков-Щедрин и другие писатели. Первоначально Базунов снимал книжную лавку Московского университета (Страстной бульвар, № 10); в 1850-е годы он уже торгует отдельно (улица Пушкина, № 25, дом не сохранился), но в счетах, посылаемых С. П. Шевыревым Гоголю в 1843 году о продаже первого тома «Мертвых душ», университетская книжная лавка и лавка И. В. Базунова фигурируют как разные организации. Не держал ли собственную лавку И. В. Базунов, еще оставаясь комиссионером Московского университета? Это затрудняет для нас уточнение той книжной лавки, где бывал Гоголь.

Мемуаристы отмечают ряд новых гоголевских знакомств за это время. Драматург Н. Чаев, вспоминая свои студенческие годы, рассказывает о математике и астрономе профессоре Д. М. Перевощикове: «Перевощиков любил Гоголя и не пропускал ни одного представления Ревизора, Женитьбы, даже сцен Тяжба, Утро делового человека и др. С М. С. Щепкиным он был дружен. Гоголь также у него бывал) и раз я был приглашен на обед, когда у Перевощикова обедал знаменитый писатель»29.

Д. М. Перевощиков еще со студенческих лет был близок и с С. Т. Аксаковым. Его слушателем по университетскому пансиону был М. Ю. Лермонтов, увлекавшийся математикой, по университету — А. И. Герцен. Впоследствии научно-

популяризаторская деятельность Д. М. Перевощикова получила высокую оценку Н. Г. Чернышевского: «…в последние тридцать лет никто не содействовал столько, как он, распространению астрономических и физических сведений в русской публике… и по числу и по внутреннему достоинству они в русской литературе занимают первое место…»30.

Можно полагать, что знакомство Д. М. Перевощикова с Гоголем относится еще к 1835 году, когда он вместе с М. П. Погодиным приезжал в Петербург и Гоголь читал у них в гостинице «Женихов».

В описываемое время Д. М. Перевощиков занимал казенную квартиру при обсерватории Московского университета — ныне владение № 5 по переулку Павлика Морозова. Вдоль переулка сохранилось небольшое жилое строение с первым каменным этажом, над окнами которого помещены типичные для построек того времени «замки»; второй этаж деревянный. Возможно, что именно в этом строении и. находилась квартира Д. М. Перевощикова.

Зимой 1848/49 года Гоголь посещал также П. М. Языкова, старшего брата поэта Н. М. Языкова. Познакомились они в 1839 году в Ганау, где Н. М. Языков и Гоголь вместе лечились. П. М. Языков был человеком разносторонних и глубоких знаний. Он с равным увлечением изучал историю и геологию, археологию и фольклор и оказывал большую помощь Гоголю в его литературных трудах, постоянно высылая ему различные фольклорные записи, статистические сведения, бытовые характеристики и т. п. Эти материалы усердно собирались Гоголем в связи с работой над вторым томом «Мертвых душ». Согласно памятным книжкам писателя, П. М. Языков жил во владении № 3 по Скарятинскому переулку (дом сохранился с изменениями)31. Об известной близости их отношений свидетельствует шутливое письмо Гоголя к С. Т. Аксакову: «Имеют сегодня подвернуться вам к обеду два приятеля: Петр Михайлович Языков и я, оба греховодники и скоромники. Упоминаю об этом обстоятельстве по той причине, чтобы вы могли приказать прибавить кусок бычачины на одно лишнее рыло»32. На письме пометка С. Т. Аксакова: «1849 марта 19». Этот день Гоголь считал днем своего рождения и обычно проводил у Аксаковых.

В эти же месяцы Гоголь общался с богатым помещиком Черниговской губернии А. М. Марковичем (Маркевичем — по письмам писателя), обычно приезжавшим на зиму в Москву или Петербург. Познакомил их весной или летом 1848 года родственник Марковича А. М. Данилевский, друг юности Гоголя.

Писатель несколько раз посещал Марковича в его усадьбе Сварково. Из сохранившихся писем видно, что Гоголь относился с большим расположением к Марковичу, выделявшемуся рядом черт своего характера в обычной помещичьей среде того времени. Он «мог видеть в нем тот положительный тип русского обывателя, исканием которого Гоголь был занят в последние годы своей писательской деятельности»33. Маркович в своем имении устраивает школу для крестьян и больницу. В 1852 году он пытается освободить их от крепостной зависимости, но тогдашний министр внутренних дел даже «не счел себя вправе представить проект на высочайшее усмотрение». Сосед же по имению Марковича, член Государственного совета Д. В. Кочубей, назидательно писал ему из Петербурга: «…подобного рода предположения не находят здесь сочувствия, потому что от них страшатся вредных последствий»34. Маркович подобно П. М. Языкову оказывал помощь Гоголю в его литературных трудах, записывая для него народные поговорки и выражения, сообщая сведения о сельских работах. Содействовало их сближению также и то, что Маркович был большим знатоком истории Украины, о чем свидетельствуют изданные им «Дневные записки» его предка, генерального подскарбия Якова Марковича, с обстоятельными примечаниями издателя. Зимой 1848/49 года Маркович жил в доме № 10 по Брюсовскому переулку.

Через Н. Н. Шереметеву Гоголь знакомится с И. А. Фонвизиным, племянником автора «Недоросля» и братом известного декабриста М. А. Фонвизина, видного члена Северного общества, в доме которого на Рождественском бульваре (№ 12, дом перестроен) проходил тайный съезд 1821 года. Подобно брату, И. А. Фонвизин также состоял в Союзе благоденствия со дня его основания, но к моменту восстания от участия в тайном обществе отошел. Тем не менее, в январе 1826 года он был арестован, отвезен в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость, откуда был выпущен через два месяца под надзор полиции. Этот надзор был снят с него лишь через двадцать лет, в 1846 году. Знакомство его с Гоголем относится к зиме 1848/49 года. В мае 1849 года Гоголь писал Н. Н. Шереметевой: «Доброго Ивана Алекс[андровича] Фон-Визиииа я имел удовольствие видеть два раза и вам благодарен от души за это знакомство»35. Адрес И. А. Фонвизина внесен Гоголем в записные книжки: «Фон-Визин на Малой Дмитровке свой дом. Иван Александрович»36. Дом этот не сохранился; он находился на месте нынешнего дома № 23 по улице Чехова.

Дом Мещеринова, в котором жили друзья и знакомые Н. В. Гоголя — О. М. Бодянский, Л. И. Арнольди, А. О. Россет. Находился на месте дома № 31 по Никитской улице. Акварель Б. С. Земенкова

Гоголь продолжал также бывать у О. М. Бодянского, переехавшего в дом Мещеринова на Большой Никитской улице (ныне улица Герцена, № 31, дом не сохранился). Адрес этот отмечен также в записных книжках писателя37. В эту зиму О. М. Бодянский пережил много неприятностей. Книга «Чтений в Московском обществе истории и древностей российских», в которой он поместил перевод сочинения Флетчера «О государстве Русском, или Образ правления русского царя с описанием нравов и обычаев жителей этой страны» (1591 г.), была конфискована и сожжена, а сам О. М. Бодянский подвергся преследованиям — был снят с кафедры в университете и отстранен от секретарских обязанностей в Обществе. Лишь после долгих хлопот, в конце 1849 года, он был восстановлен в профессорстве. 21 декабря он записывает в своем дневнике: «Часа в три пополудни навестил меня Николай Васильевич Гоголь, пришедший с поздравлением о победе над супостаты: „Максимович [М. А.] был у меня сейчас, сказал Гоголь, и сообщил мне новость о вас и я немедленно же очутился у вас, чтобы вас обнять и поздравить…“»38

Отношения Гоголя с Погодиным, очевидно, по-прежнему не устанавливались. Покоя, столь необходимого для творческой сосредоточенности, обстановка погодинского дома ему не давала. Расшатанность здоровья также мешала его трудам. Подытоживая эту зиму, он писал Жуковскому: «Не могу понять, отчего не

пишется… что и приуготовляю, то идет медленно»39. Воспользовавшись, как предлогом, ремонтом, Гоголь переезжает от Погодина. Последний 24 декабря 1848 года дипломатично писал М. А. Максимовичу: «Гоголь в Москве жил у меня два месяца, а теперь переехал к графу А. П. Толстому, ибо я сам переезжаю во флигель…»40. Месяц назад Гоголь писал П. В. Нащокину: «…граф будет через месяц, а графиня здесь и стоит в гостинице „Дрезден“»41. Так Гоголь вновь попадает в цепкие лапы реакционных кругов. Приехав в Москву, Толстой снимает столь в наши дни известный москвичам дом Талызиной на Никитском бульваре (ныне Суворовский бульвар, дом № 7). Он занимал второй этаж дома, внизу в двух комнатах поселился Гоголь[25].

Близкий к писателю О. М. Бодянский оставил в своем дневнике описание его квартиры: «Жилье Гоголя, внизу, в первом этаже, направо, две комнаты. Первая вся устлана зеленым ковром, с двумя диванами по двум стенам (1-й от дверей налево, а 2-й за ним, по другой стене); прямо печка с топкой, заставленной богатой гардинкой зеленой тафты (или материи) в рамке; рядом дверь у самого угла к наружной стене, ведущая в другую комнату, кажется, спальню, судя по ширмам в ней, на левой руке; в комнате, служащей приемной, сейчас описанной, от наружной стены поставлен стол, покрытый зеленым сукном, поперек входа к следующей комнате (спальне), а перед первым диваном тоже такой же стол. На обоих столах несколько книг кучками одна на другой…»42. Так выглядели комнаты, где Гоголь провел два последних года своей жизни.

Воспоминания современников с большой тождественностью воспроизводят нам день Гоголя. Н. В. Берг рассказывает: «Когда писание утомляло и надоедало, Гоголь подымался наверх, к хозяину, не то надевал шубу, а летом испанский плащ, без рукавов, и отправлялся пешком по Никитскому бульвару, большею частию налево от ворот (то есть к Никитским воротам. — Б. З.). Мне было весьма легко делать эти наблюдения, потому что я жил тогда как раз напротив, в здании Коммерческого банка…»43. Московская молодежь, восторженно любившая творчество Гоголя, хорошо знала его привычки. «Нам (студентам. — Б. З.) и в голову не приходило смеяться над товарищами и стыдить самих себя за то, что ходили на Никитский бульвар любоваться, как гулял Гоголь», — вспоминает С. Максимов, член кружка А. Н. Островского44.

Особняк на Никитском бульваре, 7а, где прожил последние годы и умер Н. В. Гоголь. Акварель Б. С. Земенкова

Многие мемуаристы, правда, пытаются рисовать условия жизни Гоголя, у А. П. Толстого, как и у М. П. Погодина, в неоправданно идиллических тонах. Например, Н. В. Берг пишет, что Гоголь находил «во всякий свой приезд в Москву все, что нужно для самого спокойного и комфортабельного житья… тихое, уединенное помещение и прислугу, готовую исполнять все его малейшие прихоти»45. Насколько было «спокойным» «житье» у М. П. Погодина, мы уже видели. О том, каков «комфорт» был у Гоголя в доме Толстого, наглядно говорит письмо его первого биографа П. А. Кулиша к матери писателя: «Вы бы изумились, если бы узнали, какими деньгами Николай Васильевич покупал ласковый взгляд прислуги во время пребывания своего у Толстого, у Виельгорских, у Смирновых и у других»46. Окружавший Гоголя быт угнетал его, пагубно отзывался на здоровье, парализовал творческие силы. Переписка его за эти годы полна жалоб на подавленное состояние духа, на недомогания, на то, что работа «мало оживлялась благодатным огнем вдохновенья» 47. В первые же дни после переезда к А. П. Толстому он пишет: «Занятия мои еще как следует не установились»48. Весной 1849 года Гоголь с горечью сообщает П. А. Плетневу: «Уныние и хандра мною одолели снова» 4Э, а осенью 1851 года он вынужден признаться матери: «Расстройство же нынешнее моего здоровья произошло от беспокойст[ва] и волненья…»50. Какая нечеловеческая затрата сил нужна была

Гоголю для того, чтобы изо дня в день, с его редкой взыскательностью, продолжать работу над «Мертвыми душами»!

По сообщению Д. А. Оболенского, нам известно, как работал Гоголь: «Граф А. П. Толстой сказывал мне, что ему не раз приходилось слышать, как Гоголь писал свои „Мертвые души“: проходя мимо дверей, ведущих в его комнату, он не раз слышал, как Гоголь один, в запертой горнице, будто бы с кем-то разговаривал, иногда самым неестественным голосом. В черновых рукописях видны следы этой работы. Каждый разговор переделывался Гоголем по нескольку раз»51.

К этому свидетельству можно отнестись с доверием, потому что Д. А. Оболенский, хотя и недолго, но довольно близко соприкасался с писателем. «С Гоголем, — пишет он, — я познакомился еще в 1848 году летом в Москве и мы видались часто. Родственные мои отношения к графу А. П. Толстому, у которого Николай Васильевич в то время жил в Москве, и дружба моя с кругом людей, которых Гоголь, по справедливости, считал самыми близкими своими друзьями, расположили его в мою пользу и он не раз выказывал мне знаки своего дружеского внимания»52. Поэтому есть все основания предполагать, что Гоголь мог посещать Оболенских. У них бывали Аксаковы, Боткин, Самарин. Последний познакомился здесь с Лермонтовым 53. Оболенские жили на Солянке, в доме № 7 (дом не сохранился).

Здесь небезынтересно вспомнить о весьма любопытной помете Гоголе в записной книжке 1846 года: «Николай Алексеевич Мурашев. Василии Васильевич Варгин, умный купец в Москве»54. Комментаторы справедливо полагают, что «Гоголь записал их имена как имена лиц, от которых он рассчитывал получить интересовавшие его для II тома „Мертвых душ“ сведения о русской торговле и быте»55. Особенно привлекает внимание фамилия «Мурашев». Она своим созвучием с фамилией «Муразов» прямо напоминает об этом «благодетельном» миллионере-откупщике второго тома поэмы, содействующем перевоспитанию Хлобуева и спасающем в последнюю минуту из тюрьмы Чичикова. Однако никаких сведений о купце Николае Алексеевиче Мурашеве нам найти не удалось; не удалось даже обнаружить в числе московских купцов Мурашевых лица с подобным именем и отчеством.

Колоритная московская фигура — купец В. В. Варгин интересовался литературой, дружил с поэтом А. Ф. Мерзляковым, учителем Лермонтова, и братьями Н. А. и К. А. Полевыми, издававшими журнал «Московским телеграф». Им было построено

здание Малого театра, которое сначала снималось у Варгина театральной дирекцией, а затем было у него приобретено в казну. Имея колоссальное состояние, он принял на себя во время Отечественной войны 1812 года поставку провианта, холста и сукон, ил которой сэкономил казне много денег. Поставки на армию он продолжал выполнять и после 1815 года, но после назначения в 1827 году военным министром А. И. Чернышева, ставленника Николая I, против него было возбуждено мнимое обвинение в недодаче казне свыше миллиона рублей. Варгин больше года просидел в Петропавловской крепости. В 1835 году часть конфискованного имущества ему была возвращена, и он вновь смог заняться строительством домов и торговлей. Сам же процесс, закончившийся реабилитацией Варгина, был прекращен лишь в 1859 году, в год его смерти. Конечно, много испытавший Варгин мог своими рассказами представлять немалый интерес для Гоголя. Однако никаких более конкретных указаний о их встречах, чем вышеприведенная запись, у нас не имеется. В 1840–1850-х годах Варгин жил в своем громадном владении, занимавшем по Кузнецкому мосту площадь нынешнего дома № 21 и по улице Дзержинского — площадь дома № 5.

Весной 1849 года в Москву приезжает член Государственного совета Д. Н. Блудов, видный представитель николаевской бюрократии, с дочерью А. Д. Блудовой. Некогда входивший в литературный кружок «Арзамас», он был в дружеских отношениях с Карамзиным, Жуковским, А. Тургеневым. А. Д. Блудова была близко знакома с Лермонтовым, Хомяковым, Киреевскими, симпатизировала славянофилам, переписывалась с Погодиным и Шевыревым. В их петербургском доме бывал и Гоголь. Но едва ли Блудова, жившая в кругу светских интересов, была способна оценить творчество Гоголя. Очень возможно, что именно к ней относится следующая запись современника: «Одна умная и образованная женщина, дочь государственного человека и „арзамасца“, говорила мне, что, читая „Мертвые души“ и дойдя до того места, когда Ноздрев собирается бить Павла Ивановича Чичикова чубуком, она не могла продолжать, закрыла книгу и более никогда не раскрывала „Мертвых душ“»56. Сохранилось одно письмо Гоголя, адресованное Блудовой и свидетельствующее об их московских встречах 57. Ввиду отсутствия на нем датировки встречи Гоголя с Блудовыми в Москве могут быть отнесены в равной мере, как к данному их пребыванию, так и к следующему приезду в 1851 году. Всего же вероятнее, что эти встречи происходили дважды. В 1849 году Блудовы останавливались у своего родственника П. П. Писемского (улица Чехова, № 27, дом не сохранился).

В конце апреля или начале мая в Москву приезжает известный в те годы писатель В. А. Соллогуб. Его повести «Тарантас» и «История двух калош» пользовались большой популярностью у современников. Свою повесть «Воспитанница» Соллогуб посвятил Гоголю. Их знакомство относится еще к 1831 году, когда Гоголь работал домашним учителем в семье родственников Соллогуба — Васильчиковых. 24 мая Гоголь писал жене Соллогуба: «Владимира Александровича я видел. Как только узнал, что он в Москве, тот же час, несмотря на хворость свою, поспешил к нему»58. Где останавливался Соллогуб в этот приезд в Москву, нам неизвестно.

Приближался традиционный день именин Гоголя — 9 мая. Но, очевидно, стесняемый своими отношениями с Погодиным, он не решается сам приглашать на обед и обращается к посредничеству С. Т. Аксакова. 7 числа он пишет ему: «Мне хотелось бы, держась старины, послезавтра отобедать в кругу коротких приятелей в погодинском саду. Звать на именины самому неловко. Не можете ли вы дать знать или сами или через Константина Сергеевича Армфельду, Загоскину, Самарину и Павлову совокупно с Мельгуновым? Придумайте, как это сделать ловче, и дайте мне потом ответ. Если можно, заблаговременно…»59

Особняк в Сивцевом Вражке, 30. Место жительства семьи Аксаковых. В настоящее время — выставочный зал Государственного литературного музея

Сохранился конверт от данного письма. На нем обозначен новый аксаковский адрес: «в Сивцев Вражек, дом Пушкевича». Этот адрес зафиксирован и в записных книжках писателя. В течение зимы 1848/49 года Аксаковы вновь переменили свое местожительство. Дом Пушкевича на Сивцевом Вражке по нынешней нумерации — владение № 30. Дом сохранился, но архитектурно неоправданная пристройка к центральной части первого этажа, загораживающая низ колоннады, значительно нарушает декоративный облик строения.

Здесь необходимо отметить, что у К. Нистрема в его «Книге адресов жителей Москвы» на 1850 год (ч. 2, с. 16) адресом С. Т. Аксакова указан дом Герцена на Сивцевом Вражке. Правда, без датировки о проживании Аксаковых «в большом каменном доме Герцена» говорит и сын Погодина60. Очевидно, в этих свидетельствах имеется в виду ныне отсутствующий дом № 25 по Сивцеву Вражку. После отъезда в январе 18??? года А. И. Герцена за границу он принадлежал его брату, Е. И. Герцену. Очевидно, Аксаковы здесь жили недолго, в первой половине 1849 года. Текст справочных изданий составлялся минимум за полгода до обозначенной на них даты, а потому адрес С. Т. Аксакова начала — середины 1849 года и мог попасть в адрес-календарь на 1850 год.

Именинный обед 1849 года не дал радости Гоголю. Присутствовавший на нем И. С. Аксаков писал 16 мая А. О. Смирновой: «Гоголь захотел дать обед в саду Погодина так, как он давал обед в этот день в 1842 году и прежде еще не раз. Много воды утекло в эти годы. Он позвал все, кто только был у него в то время. Люди эти теперь почти все перессорились и стоят на разных сторонах… Словом, обед был весьма грустный и пи??? тельный, а сам по себе превялый и прескучный»61.

Именинные обеды Гоголя, собиравшие виднейших московских литераторов, в значительной мере отражали этапы общественной жизни Москвы. Уже с начала 1840-х годов четко намечается размежевание различных общественно-политических лагерей, которое к концу десятилетия переросло в ожесточенные идейные бои. И именинный обед Гоголя 1849 года уже не мог быть тем праздничным смотром литературной и ученой Москвы, как это было на первом обеде 1840 года.

11

1 июля 1849 года Гоголь сообщал о своих намерениях А. М. Марковичу: «Я располагаю поездить по губерниям в окружности Москвы… поглядеть на Русь в тех местах, где ее не знаю…»1 Этому предшествовала поездка в Подмосковье. В конце мая в Москву приехал П. А. Вяземский. Гоголь и Погодин решили побывать у него в усадьбе. Последний скупо записывает 5 июня в своем дневнике: «К Вяземскому в Остафьево, по Серпуховской знакомой дороге, по которой ездил с таким бьющимся сердцем. С Гоголем о Европе, о России, правительстве… Вяземский очень рад… Обедали у Окуловых»2.

Усадьба Окуловых — Никульское соседствует с Остафьевым. Близость приятеля Вяземского и хорошего знакомого Пушкина, ректора московской гимназии М. А. Окулова, женатого на сестре Нащокина, могла привлечь внимание и Гоголя. Написав совместно с писателем Вельтманом, по рассказам Окулова, повесть «Дочь матроса», Погодин говорит, что «М. А. Окулов… для какого-нибудь Дюма, Бальзака или он мог бы заменить рудник Калифорнийский, — по своему неистощимому запасу анекдотов, комедий, трагедий, романов и повестей…»3.

Трудно найти в Подмосковье усадьбу, столь связанную с крупнейшими именами русской литературы, как Остафьево. Не без основания ее называют «Подмосковным Парнасом». Кроме владельца усадьбы Вяземского здесь около двенадцати лет жил Н. М. Карамзин, неутомимо работая над «Историей Государства Российского», в которой, по словам Пушкина, «древняя Россия казалось найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом»4. Перед большим полукруглым окном его кабинета, в котором он закончил семь и начал восьмой том своего труда, в 1911 году на лужайке парка был поставлен памятник с барельефом писателя. Памятники в парке отмечают также пребывание здесь Пушкина, Жуковского и владельца усадьбы Вяземского. Переписка, дневники и мемуары рассказывают нам о посещении Остафьева И. И. Дмитриевым, Баратынским, Батюшковым, Денисом Давыдовым, Кюхельбекером, Мицкевичем и А. Тургеневым. Эта прекрасно сохранившаяся усадьба с великолепным парком занята ныне одним из лучших в Подмосковье домов отдыха[26].

В июне в Москву приезжает давнишний знакомый Гоголя, Я. К. Грот, впоследствии ставший вице-президентом Академии наук. Они довольно часто встречаются. Грот остановился у Д. С. Протопопова, занимавшего должность начальника комиссии

для уравнения податей казенных крестьян (Серебряный переулок, № 8). Попутно отметим, что в этом же доме ранее жил близкий приятель Гоголя, поэт Н. М. Языков. Несколько писем писателя адресовано Языкову на этот дом, но в Москве они не видались. Вспоминая о московских встречах, Грот рассказывает, насколько тщательно Гоголь готовился к своему труду, как он мечтал еще «лучше узнать Россию и русский народ… Он решился просить всех своих приятелей, знакомых с разными краями России или еще собирающихся в путь, сообщать ему свои наблюдения по этому предмету. О том просил он и меня. Но любознательность Гоголя не ограничивалась желанием узнать Россию со стороны быта и нравов. Он желал изучить ее во всех отношениях»5. В связи с этим Гоголь заинтересовался знакомством с Протопоповым, который мог «доставить ему много материалов для изучения России, потому, что долго жил в разных губерниях и по службе имел частые сношения с народом». В дальнейшем Гоголь пытался посетить Протопопова, переехавшего в Скатертный переулок, дом Степанова (№ 14, не сохранился), но застать его, бывавшего часто в разъездах, не мог, и знакомство их не состоялось.

К этим же дням относится красноречивый эпизод, записанный Арнольди и наглядно рисующий отношение к Гоголю со стороны так называемого светского общества. «Я был зван на именинный обед в Сокольники, к почтенному И. В. К. (И. В. Капнист. — Б. З.). Гостей было человек семьдесят. Обедали в палатке, украшенной цветами; в саду гремела полковая музыка. Гоголь опоздал… Я сидел возле зеленого стола, за которым играли в ералаш три сенатора и военный генерал. Один из сенаторов, в военном же мундире, с негодованием посматривал на Гоголя. „Не могу видеть этого человека, — сказал он наконец…“ „… Ведь это революционер, — продолжал военный сенатор, — я удивляюсь, право, как это пускают его в порядочные дома? Когда я был губернатором и когда давали его пиесы в театре, поверите ли, что при всякой глупой шутке или какой-нибудь пошлости, насмешке над властью весь партер обращался к губернаторской ложе. Я не знал, куда деться, наконец не вытерпел и запретил давать его пиесы. У меня в губернии никто не смел и думать о „Ревизоре“ и других его сочинениях. Я всегда удивлялся, как это правительство наше не обращало внимания на него: ведь его стоило бы, за эти „Мертвые души“, и в особенности за „Ревизора“, сослать в такое место, куда ворон костей не заносит!“ Остальные партнеры почтенного сенатора совершенно были согласны с его замечаниями и прибавили только: „Что и говорить, он опасный человек, мы давно это знаем“»6.

Сохранилось пригласительное письмо И. В. Капниста к Гоголю, из которого явствует, что этот именинный обед в Сокольниках был 24 июня7.

В письме к П. А. Плетневу Грот сообщает: «25 июня… Посидел у Гоголя… При мне получил он записку от Смирновой с уведомлением, что она приехала в Москву из Петербурга»8. По воспоминаниям брата А. О. Смирновой, Л. И. Арнольди, она «остановилась в гостинице „Дрезден“»9. В те годы это была одна из наиболее популярных гостиниц Москвы. Здание ее не сохранилось. Оно занимало угловую с Советской площадью часть нынешнего дома № 6 по улице Горького[27].

Л. И. Арнольди рассказывает, что Гоголь почти ежедневно бывал у А. О. Смирновой, с которой он дружил. Навестила и она писателя, причем Гоголь в это время «был занят чтением какой-то старинной книжки. Покуда он разговаривал с сестрой, я нескромно заглянул в толстую тетрадь, лежавшую на его письменном столе, и прочел только: „Генерал-губернатор“, — как Гоголь бросился ко мне, взял тетрадь и немного рассердился. Я сделал это не умышленно и бессознательно и тотчас же попросил сил у него извинения… Наконец сестра моя уехала в свою калужскую деревню (муж Смирновой был в это время калужским губернатором. — Б. З.), и Гоголь дал ей слово приехать погостить к ней на целый месяц. Я собирался тоже туда, и мы сговорились с ним ехать вместе»10. Возможно, что и Гоголь навещал Арнольди. Последний указывает, что в связи со сборами к поездке «на неделе два или три раза Гоголь заходил ко мне, но не заставал дома»11. В 1849 году Арнольди жил у Никитских ворот в доме Мещеринова (ныне улица Герцена, № 31, дом не сохранился), то есть в одном доме с О. М. Бодянским. Вероятно, он жил здесь вместе со своим братом А. О. Россетом, о чем свидетельствует нижеследующая помета в записной книжке Гоголя: «На Никитской дом Мещеринова против церкви. Россет»12. Россет был в дружеских отношениях и с Пушкиным, и с Гоголем. С последним он особенно сблизился в Риме в 1842–1843 годах, а с 1846 года выполнял ряд отдельных поручений писателя по его литературным делам.

Отъезд Арнольди и Гоголя состоялся в первых числах июля, причем Арнольди отмечает, что в дороге Гоголь был очень оживлен, все время собирал цветы, объяснял их свойства и внимательно изучал условия жизни тех мест, через которые они ехали.

Поездка в Калугу не была длительной. По словам Гоголя, он «провел две недели у Смирновой, которая была очень больна… поеду еще на недельку в окрестности Москвы»13. В двадцатых

числах июля он уже вернулся в Москву вместе с Д. А. Оболенским, о котором мы говорили выше.

Пробыв в Москве всего несколько дней, Гоголь уехал к Шевыреву на дачу, где читал ему первые главы второго тома «Мертвых душ».

Это лето Шевырев проводил в Больших Вяземах[28], принадлежавших Д. В. Голицыну, на дальней родственнице которого, С. Б. Зеленской, он был женат. Посетив в июле Большие Вяземы, Я. К. Грот писал о Шевыревых П. А. Плетневу: «…они оканчивают здесь нынешнее лето» 14.

Очевидно, к этому же времени относится указание сына Д. Н. Свербеева о том, что Гоголь особенно много бывал у его матери «в то лето, которое она провела с больной сестрой, Варенькой, в Петровском парке»15. В записной книжке писателя 1842–1850 годов имеется уточняющая адрес помета: «Свербеев. Дача Наумова»16. Подтверждением данной датировки служит отъезд Тоголя из Москвы на Украину в начале июня 1850 года, летом же 1851 года дача Наумова в Петровском парке была занята знакомыми Гоголя — Блудовыми17.

Литературные встречи продолжаются у Гоголя и в Москве. 8 августа И. В. Киреевский писал своей матери А. П. Елагиной, проводившей лето в Петрищеве: «Гоголя мы видели вчера. Второй том „Мертвых душ“ написан, но еще не приведен в порядок, для чего ему нужно будет употребить еще год»18.

14 августа Гоголь приезжает впервые в Абрамцево к Аксаковым. С. Т. Аксаков оставил довольно детальное описание этого приезда. «Гоголь много гулял у нас по рощам и забавлялся тем, что, находя грибы (это было страстью С. Т. Аксакова. — Б. З.), собирал их и подкладывал мне на дорожку… По вечерам читал с большим одушевлением переводы древних Мерзлякова, из которых особенно ему нравились гимны Гомера. Так шли вечера до 18-го числа. 18-го вечером Гоголь, сидя на своем обыкновенном месте, вдруг сказал: „Да, не прочесть ли нам главу „Мертвых душ“? Мы были озадачены его словами и подумали, что он говорит о первом томе… но Гоголь… сказал: „Нет, уж я вам прочту из второго“… Не могу выразить, что сделалось со всеми нами… Ту же минуту все мы придвинулись к столу, и Гоголь прочел первую главу второго тома „Мертвых душ“. С первых страниц я увидел, что талант Гоголя не погиб, — и пришел в совершенный восторг. Чтение продолжалось час с четвертью… На другой день Гоголь требовал от меня замечаний на прочитанную главу; но’ нам помешали говорить о „Мертвых душах“.

Он уехал в Москву, и я написал к нему письмо, в котором сделал несколько замечаний и указал на особенные, по моему

мнению, красоты… Гоголь был так доволен, что захотел видеть меня немедленно. Он нанял карету, лошадей и в тот же день прикатил к нам в Абрамцево… Гоголь прожил у нас целую неделю; до обеда раза два выходил гулять, а остальное время работал… Мы просили его прочесть следующие главы… Тут он сказал мне, что он прочел уже несколько глав А. О. Смирновой и С. П. Шевыреву, что сам увидел, как много надо переделать и что он прочтет мне их непременно, когда они будут готовы. 6 сентября Гоголь уехал в Москву“19.

Однако воспоминания С. Т. Аксакова о втором приезде Гоголя в Абрамцево значительно расходятся с его письмом к сыну Ивану, написанном через день после отъезда писателя из усадьбы — в четверг 29 сентября. „Мать с Гоголем собирались в Москву, куда и уехали во вторник… Ты не знаешь о вторичном приезде к нам Гоголя. В прошедшую середу (но не вчера), часов в 8 вечера, Гоголь удивил нас своим приездом, который был, вероятно, следствием моего письма к нему о первой главе второго тома „Мертвых душ“… Гоголь пробыл у нас 6 дней“19. Следовательно, Гоголь вторично приехал в Абрамцево лишь 21 сентября, а уехал не 6-го, а 27 сентября.

Гоголевские приезды в Абрамцево являются значительнейшими фактами в литературной истории этой подмосковной усадьбы. Они усиливают ее ценность как мемориального памятника, связанного, кроме того, с пребыванием здесь И. С. Тургенева, М. С. Щепкина, М. Н. Загоскина, А. С. Хомякова, Киреевских. „От каждого из них, ни в одном, так в другом, оставалась здесь видимая память и сохранились следы их пребываний. Вот. комната, где подолгу живал Гоголь, и тот самый диван, на котором он спал… Эта „гоголевская“ комната была в верхнем этаже, светлая и просторная, — вспоминает один из абрамцевских посетителей еще в аксаковские времена… — Когда я остался один в предоставленной мне комнате (это была именно „гоголевская“ комната), я не без особенного чувства осматривал все ее подробности. И обои на стенах, и мебель, и даже набросанные там и сям книжки, брошюры и бумаги, то в раскрытых конторках, то где-нибудь прямо на столе, казалось еще хранились от тех времен. Малейшее чернильное пятнышко на столе, оставшееся от давно брызнувшего пера, казалось мне тут дорогим следом“20.

Иван Сергеевич Аксаков

Все лучшие произведения самого С. Т. Аксакова написаны — вернее, продиктованы — в Абрамцеве (он последние годы страдал тяжелою болезнью глаз): „Записки об уженье рыбы“ (1847 г.), „Записки ружейного охотника“ (1852 г.), „Семейная хроника“ (1856 г.), „Детские годы Багрова-внука“ (1858 г.).

В 1870 году усадьба, став собственностью крупного финансового деятеля и мецената С. И. Мамонтова, вновь оживает. „Мамонтовский кружок“, сыгравший заметную роль в русском искусстве, связан почти всеми своими именами с Абрамцевым. Здесь жили и творили И. Е. Репин, В. М. Васнецов, М. А. Врубель,

В. Д. Поленов, В. И. Суриков, В. А. Серов, Н. В. Неврев, И. И. Левитан. По проектам участников „мамонтовского кружка“ возник ряд новых построек в парке: избушка на курьих ножках, церковка и другие. Советские художники образовали возле усадьбы новый поселок, НовоАбрамцево, где плодотворно развивают славные традиции „мамонтовского кружка“. Сама усадьба ныне превращена в музей-заповедник[29].

К этому же лету относится посещение Гоголем в Муранове литератора Н. В. Путяты, приятеля А. С. Пушкина и Е. А. Баратынского. Впервые они встретились, вероятно, за границей в 1836 году. До 1849 года Аксаков еще не был знаком со своими соседями Путятами. Познакомил их Гоголь. Сохранилось письмо его к Н. В. Путяте, без точной даты, но относящееся, по-видимому, к первому приезду его в Абрамцево. „Известите меня, — пишет Гоголь Путяте через нарочного, — …будете ли вы дома сегодня и завтра, потому что, если не сегодня, то завтра я и старик Аксаков, сгорающий нетерпением с вами познакомиться, едем к вам“. Одна из комнат в верхнем этаже мурановского дома еще со. времен Путяты получила название „гоголевской“: в ней ночевал великий писатель. Здесь до сих пор сохранился удобный приземистый диван — „crapaud“ („жаба“), на котором отдыхал Гоголь. Над диваном висит малоизвестный портрет Гоголя, принадлежавший Путяте, — литография Шамина 1852 года…»21. После Великой Октябрьской социалистической революции это поместье, связанное с именами Аксаковых, Баратынского, Гоголя, Дениса Давыдова и Тютчева, стало Музеем-усадьбой им. Ф. И. Тютчева, обильно посещаемой подмосковными экскурсантами[30]. Вполне возможно, что Гоголь встречался с Путятой и в Москве. Путята в середине 1850-х годов жил в доме Майкова на Тверском бульваре (ныне № 27). Жил ли он здесь ранее — неизвестно.

Аксаковы были вынуждены держать квартиру в Москве для больной дочери Ольги, которая находилась под постоянным наблюдением известного московского врача А. И. Овера. Жена С. Т. Аксакова писала 25 ноября 1849 года сыну Ивану в Ярославль, где он тогда находился на службе: «…я уже 10 дней здесь, приехала нанимать другой дом для Олиньки, нанят дом большой и известно теплый, с мебелью; словом дом Высоцкого доктора, в Филипповском переулке…»22.

В этом доме семья Аксаковых прожила две зимы, что подтверждают письма И. С. Аксакова. 25 декабря 1850 года он пишет: «Наши живут в Москве, в том же доме, т. е. в доме Орловского, бывшем Высоцкого», а 9 апреля 1851 года адресует: «…в Москву (на Арбат в Филипповском переулке в доме

Орловского, бывш. Высоцкого)…»23[31].

По свидетельству В. С. Аксаковой, этой зимой они «поздно переехали в Москву, к 1 января 1850 года»24. В январе 1850 г. — вспоминает С. Т. Аксаков — «Гоголь прочел нам в другой раз первую главу „Мертвых душ“. Мы были поражены удивлением: глава показалась нам еще лучше и как будто написана вновь. Гоголь был очень доволен таким впечатлением и сказал: „Вот что значит, когда живописец даст последний туш своей картине. Поправки, по-видимому, самые ничтожные: там одно слово убавлено, здесь прибавлено… и все выходит другое…“. Оказалось, что он воспользовался всеми сделанными ему замечаниями. Января 19-го Гоголь прочел нам вторую главу второго тома „Мертвых душ“, которая была довольно отделана и не уступала первой в достоинстве; а до отъезда своего в Малороссию он прочел третью и четвертую главы»25.

Нередко и С. Т. Аксаков пользовался критикой Гоголя. Арнольди рассказывает: «Однажды он пришел к нам от С. Т. Аксакова, где автор „Семейной хроники“ читал ему свои „Записки ружейного охотника“… Гоголь говорил тогда, что никто из русских писателей не умеет описывать природу такими сильными, свежими красками, как Аксаков»26.

В эту зиму Гоголь регулярно бывал у Аксаковых. У них был даже введен специальный день встречи Гоголя с близкими друзьями — «вареники». О. М. Бодянский записывает в своем дневнике: «Под варениками разумеется обед у С. Тим. Аксакова, по воскресеньям, где непременным блюдом были всегда вареники для трех хохлов: Гоголя, М. А. Максимовича и меня, а после обеда, спустя час, другой, песни малороссийские под фортепьяно, распеваемые второй дочерью хозяина, Надеждою Сергеевною, голос которой очень мелодический.

Дом Высоцкого (находился на месте дома № 9 по Филипповскому переулку), в котором у Аксаковых в 1849–1851 гг. собирались Н. В. Гоголь, М. О. Бодянский, М. А. Максимович

Обыкновенно при этом Максимович подпевал. Песни пелись по „голосам малороссийских песен“, изданных Максимовичем, и кой-каким другим сборникам, принесенным мною»27. Мы уже говорили ранее, какое значение имела песня в творческой жизни Гоголя. Кажется, внутренний, мир народа постигался им через песню. Он до конца жизни сохранил горячую любовь к произведениям народной поэзии. Напоминая Бодянскому о встрече у Аксаковых, Гоголь обычно говорил: «Упьемся песнями…» — «…и действительно, он упивался ими так, что иной куплет повторял раз тридцать кряду, в каком-то поэтическом забытьи», — отмечает Кулиш, записывавший рассказы Бодянского28.

У Аксакова же, по сложившемуся обычаю, отмечался день, который Гоголь считал днем своего рождения — 19 марта. Кроме хозяев, присутствовали О. М. Бодянский, М. А. Максимович, А. С. Хомяков и историк С. М. Соловьев.

Эта зима особенно порадовала Гоголя приездом М. А. Максимовича. Одной из побудительных причин приезда его в Москву было пребывание здесь Гоголя. Максимович вновь поселился возле Сухаревской башни, в университетском Ботаническом саду (1-я Мещанская улица, № 28). Погодину же он писал (10 ноября 1849 г.): «Не трудись, друже, освобождать для меня от мебели свой флигель: я до весны не переберусь в него,

зане весьма великая даль от города…»29. В числе весьма немногих Гоголь нал Максимовичу первые главы второго тома «Мертвых душ» и говорил ему о своем труде: «Беспрестанно исправляю и всякий раз, когда начну читать, то сквозь написанные строки читаю еще не написанные»30.

Иногда бывал Гоголь у Погодина, обычно на литературных чтениях. Так, по записи Погодина, нам известно, что Гоголь присутствовал на вечере Е. П. Ростопчиной, выступившей с комедией «Нелюдимка». Этой же зимой Погодин устроил вечер, посвященный произведениям Гоголя; читал их Щепкин. 3 декабря «было назначено у Погодина же чтение комедии Островского „Свои люди — сочтемся[32]“, тогда еще новой, наделавшей значительного шуму во всех литературных кружках Москвы и Петербурга, а потому слушающих собралось довольно: актеры, молодые и старые литераторы, между прочим графиня Ростопчина, только что появившаяся в Москве после долгого отсутствия и обращавшая на себя немалое внимание. Гоголь был зван также, но приехал середи чтения; тихо подошел к двери и стал у притолоки. Так и простоял до конца, слушая, по-видимому, внимательно… После однако я имел случай не раз заметить, что Гоголь ценит его талант и считает его, между московскими литераторами, самым талантливым», — пишет Н. В. Берг31. Гоголь не принял участия в обсуждении, уклонился от высказывания своего мнения о прочитанном, но в этом проявилась лишь обычная для него нелюбовь к публичному выступлению. Свои соображения он предпочел изложить Островскому письменно. Близкий в те годы к драматургу С. Максимов вспоминает: «…К Алек. Ник. не подходил и не изъявлял желания с ним познакомиться. Похвальный отзыв Гоголя, написанный на клочке бумаги карандашом, передан был Погодиным А. Н. Островскому и сохранялся им, как драгоценность…»32

По записи дневника М. П. Погодина мы узнаем, что 19 января Гоголь читал ему и М. А. Максимовичу первые главы второго тома «Мертвых душ». Чтение это происходило на квартире у Гоголя, о чем через много лет вспоминал Погодин в письме к М. А. Максимовичу от 28 августа 1871 года: «Гоголь? Он умер в том доме, где читал нам вместе начало 2й части „Мертвых душ“»33.

В эти зимы Гоголь поддерживает свои довольно близкие отношения с архитектором Ф. Ф. Рихтером. Его фамилия несколько раз упоминается среди скупых заметок записных книжек писателя за эти годы34. Ф. Ф. Рихтер был старым знакомым Гоголя еще по первому пребыванию его в Италии в

1830-х годах. Он примыкал к кружку русских художников, сложившемуся в Риме вокруг «многолюбимого» Гоголем А. А. Иванова. Последний в письме к отцу (октябрь 1840 г.) так говорит о Рихтере: «долго мы были с ним приятелями в Риме»38. Вернувшись в Россию, он в 1841 году был назначен архитектором строившегося тогда Кремлевского дворца, нередко замещал часто уезжавшего из Москвы К. А. Тона. С 1842 года Рихтер был директором дворцового архитектурного училища. Любя древнее русское зодчество, он провел ряд архитектурно-реставрационных работ (Боровицкая башня в Кремле, так называемый дом бояр Романовых). В 1850-е годы Рихтер издает несколько выпусков своих зарисовок «Памятники русского древнего зодчества», текст к которым частично писал молодой И. Е. Забелин. Безусловно, этот круг интересов Рихтера содействовал его сближению с Гоголем. В своих записных книжках Гоголь намечает темы бесед с Рихтером: это вопросы архитектурного образования, учебные издания по зодчеству, архитектурные памятники Москвы. Дом Оболенского на Волхонке, где в 1849 году, согласно записи Гоголя36, жил Рихтер, не сохранился. Это владение по реконструкции отошло под площадь, ведущую от улицы Фрунзе к Большому Каменному мосту.

С полным основанием можно предполагать, что Гоголь видался в Москве со скульптором Н. А. Рамазановым, который был с ним одновременно в Италии. На известном дагерротипе 1845 года, изображающем Гоголя в окружении русских художников в Риме, присутствует и Рамазанов. 21 февраля 1852 года он снял посмертную маску с писателя, а в 1854 году выполнил его бюст, ныне находящийся в Государственной Третьяковской галерее. Как преподаватель Училища живописи и ваяния, Рамазанов пользовался казенной квартирой на территории училища (улица Кирова № 21).

В феврале 1850 года в Москву приехал художник П. А. Федотов. Здесь он особенно сблизился с Рамазановым, который ввел его в кружок А. Н. Островского. Посещал Федотов, и близких знакомых Гоголя — Погодина и Шевырева. 24 февраля И. М. Снегирев записывает в своем дневнике: «…Был у С. П. Шевырева, где Островский читал свою оригинальную комедию „Банкрут“, Федотов казал свою картину „Сватовство майора на купеческой дочери“ с объяснениями в стихах… были профессоры: Армфельдт, Соловьев, Грановский, Варвинский, Погодин, кроме того, Свербеев, Хомяков, Буслаев, Кошелев…»37 10 апреля в Училище живописи и ваяния была открыта художественная выставка, в которой принял участие и Федотов. В мае его картины были выставлены в галерее А. Ф. Ростопчина

(Садовая-Кудринская, № 15). Знаменательно, что произведения Федотова воспринимались современниками в том же плане, как и произведения Гоголя. Московская пресса писала: «…что заставляло стоять перед ними на выставках такую большую толпу посетителей, что привлекало к ним приходивших в ростопчинскую галерею… это — верность действительности, иногда удивительная, разительная верность»38. Обличение существующей действительности, острая обобщенность образов, сатирический пафос — вот черты, которые роднят творчество обоих художников. К сожалению, об их встречах в Москве мы имеем лишь весьма скупое свидетельство А. В. Дружинина, близко знавшего Федотова. По его словам, Федотов «очень уважал Гоголя и на одном вечере, после долгого разговора с автором „Бульбы“, сказал потихоньку одному из присутствующих: „Приятно слушать похвалу от такого человека! Это лучше всех печатных похвал!“»39 Есть все основания полагать, что эта встреча произошла именно в доме А. Ф. Ростопчина, открывшего с 8 января 1850 года для публичного осмотра свое богатейшее собрание картин. Его жена, поэтесса Е. П. Ростопчина, познакомилась с Гоголем еще за границей и, живя в Москве, действительно регулярно устраивала у себя литературные вечера, на одном из которых Гоголь и мог встретиться с Федотовым.

Дважды записные книжки Гоголя отмечают встречи с А. Н. Бахметевым, крупным чиновником Московской дворцовой конторы40. Бахметев имел собственный дом в Малом Знаменском переулке (ныне № 3 по улице Маркса и Энгельса). Он был связан со славянофильскими кругами в Москве. Впоследствии при его близком участии был создан «Славянский благотворительный комитет». Бахметев увлекался также филантропической деятельностью, что, возможно, и привлекло к нему внимание Гоголя.

В записных книжках Гоголя указан также адрес филолога-эллиниста Ф. Н. Беляева41, занимавшего в эти годы должность помощника библиотекаря Московского университета.

С писателем он познакомился в 1845 году в Париже, где делал для него выписки из различных книг. Тогда же Гоголь подарил Ф. Н. Беляеву греческий «Евхологион» с надписью: «Сия книга дарится Федору Николаевичу Беляеву, в знак дружбы…»42, что свидетельствует об известной близости их отношений. Жил Ф. Н. Беляев на Зубовском бульваре в собственном доме (ныне территория дома № 8, дом не сохранился).

Сергей Михайлович Соловьев

В записных книжках Гоголь упоминает адрес А. Н. Попова 43, молодого историка, близкого к славянофильским кругам. В своих воспоминаниях С. М. Соловьев дает ему довольно нелестную характеристику: «Это был человек с большими способностями, преимущественно на словах, бойкий, смелый, иногда дерзкий говорун, мало способный к труду»44. Иное впечатление произвел А. Н. Попов на друга Гоголя, художника А. А. Иванова. Последний поручал Попову познакомить его младшего брата Сергея, молодого архитектора, уезжавшего в Москву, с «цветом нашей

представительной столицы Москвы» и просил: «Покажите брату Москву, дайте юности его почувствовать народность в ее памятниках» 45. Еще в 1843 году Гоголь писал из Мюнхена Н. М. Языкову, что он встретил «Попова… приятеля Авдотьи Петровны и всех Елагиных, жившего у них почти в доме»46. Попов, по записи Гоголя, в пору встреч с писателем жил на Моховой в доме Устинова, точное местоположение которого неизвестно.

Гоголь продолжал бывать в эту зиму у профессора А. О. Армфельда, переехавшего на Плющиху, в дом № 11. Дом этот сохранился (строение с мезонином во дворе), но декоративное оформление его фасада существенно изменено. Этот адрес Армфельда также упомянут в записных книжках Гоголя47. Уместно вспомнить, что в этом же доме в 1837 году жил Л. Н. Толстой, впервые приехавший в Москву. Отдельные события его жизни здесь были впоследствии использованы при работе над «Детством» и «Отрочеством».

Испытывая постоянные недомогания, Гоголь часто обращался к известному московскому врачу профессору Ф. И. Иноземцеву, с которым был в приятельских отношениях. Имя его мы несколько раз встречаем на страницах записных книжек писателя48. Иноземцев был пытливым и многосторонним человеком — хирург, терапевт, невропатолог. «Он увлекал студентов и был их кумиром», — пишет о нем академик Н. Н. Бурденко49. Его учениками были такие крупные деятели русской науки, как С. П. Боткин и И. М. Сеченов. Имя Иноземцева и поныне сохраняется в аптечной номенклатуре — «капли Иноземцева». В 1848–1850-х годах Иноземцев жил на Сивцевом Вражке в доме Дюклу, местоположение которого определить не удалось. Здесь встречался в эти месяцы Гоголь с писателем В. А. Соллогубом, бывшим проездом в Москве. «Гоголя я видел в последний раз в Москве году, когда я ехал на Кавказ, — вспоминал В. А. Соллогуб. — Он захотел со мной проститься». Соллогуб отмечает подавленное настроение Гоголя, которое изменилось, когда Соллогуб «сказал ему что-то про самобытность Москвы. Тут лицо Гоголя прояснилось, искра прежнего веселья угасла в его глазах»50. Где останавливался Соллогуб в данный приезд, также неизвестно. Встречаться они могли у родственников Соллогуба Васильчиковых, которые в эти годы перебрались в Москву. Напомним, 1831 году Гоголь работал в семье А. И. Васильчиковой домашним учителем. Внук ее вспоминает, как в Петербурге, «живучи в доме бабушки, Гоголь написал „Майскую ночь“ и под вечер заходил в комнату, где содержались многочисленные приживалки и воспитанницы при бабушке, читал им эту повесть.

Раз идет по коридору Александра Ивановна и слышит, как знакомый голос незнакомым для нее звуком читает: „Знаете ли вы украинскую ночь?“ Остановилась бабушка, заслушалась, и тут же у ней в глазах облик бедного учителя… в великого, бессмертного!.. В рассказе „Нос“ Гоголь выводит бабушку в следующей фразе: знатная, почтенная дама просила особенным письмом смотрителя… показать детям ее этот редкий феномен и, если можно, с объяснением, наставительным и назидательным для юношей»51.

Летом Васильчиковы жили в своей усадьбе Васильевском-Скурыгине, близ Лопасни. Здесь у них бывали Д. Н. Свербеев и Ю. Ф. Самарин; о наездах сюда Гоголя сведений нет. Но особенно оживлялся их московский дом по зимам: «…Настежь были открыты двери представителям науки, литературы и искусства. На обедах и на вечерах тут можно было видеть Грановского, из молодых Кавелина… Соловьева и других; из литераторов я видел Сушкова, Ф. Глинку с женою, изредка М. П. Погодина, Аксакова, Ю. Самарина… В. Соллогуба, Н. В. Гоголя и других; из художников Айвазовского, некоторых здешних академиков, артистов Щепкина и Самарина…»52 Другие источники отмечают присутствие на вечерах Васильчиковых «Хомякова в полурусском платье и поношенном сюртучке оригинального покроя, и К. С. Аксакова в его неряшливом наряде, и Гоголя с нависшими прядями волос, в яхонтово-бархатном жилете… и Бодянского в допотопном фраке… и благообразного Шевырева с изящным Грановским»53. На зимы Васильчиковы занимали дом Черкасского на Большой Никитской (ныне улица Герцена, № 46). Адрес этот отмечен в записных книжках писателя54.

В эту же зиму, а вероятно, и ранее, Гоголь встречается с А. И. Кошелевым. Последний в своих февральских письмах 1850 года пишет о нем как уже о своем знакомом55. Кошелев с юных лет был близок с семьей А. П. Елагиной и особенно дружил с ее старшим сыном И. В. Киреевским. Вместе с ним в 1820-х годах он деятельно участвовал в кружке Веневитинова и Одоевского, но затем, отойдя от литературных интересов, всецело отдается упрочиванию своего состояния, и в 1840-х годах является крупным откупщиком; впоследствии издавал славянофильский орган «Русскую беседу».

Александр Иванович Кошелев

Существует предположение, что хозяйственная натура Кошелева послужила Гоголю одним из прототипов при создании им образа деятельного помещика в лице Констанжогло во втором томе «Мертвых душ»5б. Кошелев жил на Поварской в собственном доме (ныне улица Воровского, № 31).

Однако ни дружеские встречи, ни напряженная работа над продолжением «Мертвых душ» не дают Гоголю нужного удовлетворения. Временами он начинает сомневаться в своих творческих силах. «Творчество мое лениво, — жалуется он 14 декабря 1849 года В. А. Жуковскому. — Стараясь не пропустить и минуты времени, не отхожу от стола, не от[о]двигаю бумаги, не

выпускаю пера — но строки лепятся вяло, а время летит невозвратно. Или, в самом деле, 42 года есть для меня старость…»57 6 июня 1850 года он с грустью пишет А. С. Струдзе: «Нынешнюю зиму я провел в Москве очень дурно и ничего не мог работать…»58

Безусловно, что здесь немалую роль играло и его ближайшее окружение. Еще весной, встретившись с писателем в Москве, И. С. Аксаков писал в Калугу А. О. Смирновой: «Я нашел Гоголя самого хуже здоровьем, чем оставил: он опять расстроился было нервами, похудел очень… Я полагаю, что мистицизм Александра Петровича Толстого с супругою в состоянии навести невыносимую хандру и расстроить всякие нервы…»59

Все же, по сложившемуся обычаю, Гоголь решает отпраздновать свои именины 9 мая в саду Погодина. В числе других присутствовали И. С. Аксаков, Максимович, Кошелев, Погодин. Берг вспоминает, что в этот день «ехали мы с Островским откуда-то вместе на дрожках и встретили Гоголя, направлявшегося к Девичьему полю. Он соскочил со своих дрожек и пригласил нас к себе на именины; мы тут же и повернули за ним. Обед, можно сказать, в исторической аллее, где я видел потом много памятных для меня других обедов с литературным значением, — прошел самым обыкновенным образом. Гоголь был ни весел, ни скучен. Говорил и хохотал более всех Хомяков, читавший нам, между прочим, знаменитое объявление в „Московских ведомостях“ о волках с белыми лапами, появившееся в тот день»60. Москва не один день перечитывала и обсуждала эту злую сатиру, проникшую в печать под видом объявления. 11 мая Бодянский записывает в своем дневнике: «Везде то и дело, что ищут 55 № „Московских ведомостей“, в котором напечатано следующее: „Я, нижезначущийся… занимаюсь теперь дрессированием… Сверх сего я обучаю людей подзывать волков, и так верно, что по отзыву этого зверя могу утвердительно определить число их стаи; а как в Мензелинском уезде в настоящее время показано много прибыли волков с белыми лапами, похищавших преимущественно достояние государственных крестьян, которые хотя и сами воют также волком, но не могут еще в точности определить число кочующих стай… предлагаю мое знание и услуги…“. Говорят, что это иносказание: под волками разуметь следует чиновников министерства государственных имуществ, обирающих в Оренбургской и других губерниях государственных крестьян… и редактор, и корректор просидели под арестом (у себя дома) 3 дня, во избежание большего взыскания со стороны высшего начальства. В Москве в этот же самый день разнесся слух об этом

объявлении, и, кажется, вдруг заговорили во всех ее углах о нем…»61

11 мая принесло новые тяжелые переживания для Гоголя. В этот день умерла Н. Н. Шереметева. «…Мы с ней… жили душа в душу… — говорил он А. О. Смирновой. — Ее смерть оставляет большой пробел в моей жизни»62.

21 мая Бодянский отмечает в своем дневнике: «Обедал у именинника И. С. Аксакова с Гоголем, Максимовичем (М. А.), Хомяковым, Свербеевым…»63

Наступившее лето вновь влечет Гоголя в путь, к солнцу, к теплу, в южные русские просторы. Собирался домой и Максимович. Они решают ехать вместе; не спеша, так, чтобы часть дороги можно было «пройти пе???дачка» (выражение Гоголя), останавливаясь в красивых местах, знакомясь с местным бытом.

По сложившейся привычке, последние часы Гоголь проводит в доме Аксаковых. «13 июня (1850 г.), они выезжают из Москвы в бесконечную рогу через несколько губерний. По рассказу Максимовича, они оставили Москву в пятом часу пополудни, или, говоря точнее, в это время они выехали из дому Аксаковых, у которых они на прощанье обедали. Первую. ночь провели в Подольске, где в то же время ночевали Хомяковы, с которыми Гоголь и его спутник провели вечер в дружеской беседе»64.

12

По дороге они заезжали в Долбино к И. В. Киреевскому, побывали в Петрищеве у Елагиной и расстались в Глухове, откуда Гоголь проехал в родную Васильевку. Зиму Гоголь провел в Одессе, затем вновь навестил своих в Васильевке и 5 июня 1851 года вернулся в Москву.

Вероятно, в первые же дни Гоголь приехал в Абрамцево к С. Т. Аксакову. Последний указывает: «В 1851 году Гоголь был у нас в деревне три раза: в июне, в половине сентября… в третий раз 30-го сентября»1.

В Москве Гоголь нередко бывает у Л. И. Арнольди, переехавшего в дом Голицыной на Большой Дмитровке (ныне улица Пушкина, № 32, дом не сохранился). Через него он получает приглашение от А. О. Смирновой, жившей это лето в своей подмосковной усадьбе Спасское[33]. Отъезд Гоголя состоялся 25 июня. На следующий день В. С. Аксакова писала: «С Гоголем мы вчера простились (он уехал в деревню к

Смирновой)»2. «В одно утро, — вспоминает Арнольди, — Гоголь явился ко мне с предложением ехать недели на три в деревню к сестре. Я на несколько дней получил отпуск, и мы отправились… Подмосковная деревня, в которой мы поселились… очень понравилась Гоголю. Все время, которое он там прожил, он был необыкновенно бодр, здоров и доволен. Дом прекрасной архитектуры, построенный по планам Гр. Растрелли, расположен на горе; два флигеля того же вкуса соединяются с домом галереями, с цветами и деревьями; посреди дома круглая зала с обширным балконом, окруженным легкою колоннадой. Направо от дома стриженый французский сад с беседками, фруктовыми деревьями, грунтовыми сараями и оранжереями; налево английский парк с ручьями, гротами, мостиками, развалинами и густою прохладною тенью. Перед домом, через террасу, уставленную померанцами и лимонами, и мраморными статуями, ровный скат, покрытый ярко-свежею зеленью, и внизу — Москва-река, с белою купальнею и большим красивым паромом»3. Из скупых, почти стенографических записей А. О. Смирновой мы узнаем распорядок гоголевского дня в Спасском: «Гоголю две комнатки во флигеле, окнами в сад. В одной он спал, а в другой работал, стоя к небольшому пюпитру… он вставал часов в 5… Шел прямо в сад… Возвращался к 8 часам, тогда подавали кофе. Потом занимался, а в 10 или в 11 ч. он приходил ко мне, или я к нему… после обеда ездили кататься. Он просил, чтобы поехали в сосновую или в еловую рощу. Он любил после гулянья бродить по берегам Москвы-реки, заходил в купальню и купался… любил смотреть, как загоняли скот домой… Село Константинове за рекой Москвой. Любил ходить на Марштино, версты 2…»4. В Спасском Гоголь вновь читал Смирновой первую главу второго тома «Мертвых душ», но слушательница его, измученная бессонницами и постоянным недомоганием, была невнимательна и безучастна. Чтения на этом оборвались. Вскоре состояние здоровья вынуждает Смирнову уехать в Москву. Вслед за ней покидает Спасское и Гоголь.

Небезынтересно отметить, что А. О. Смирнова явилась прототипом одного из героев недошедшей до нас главы «Мертвых душ». Л. И. Арнольди вспоминает, что во время пребывания в Калуге Гоголь прочел ей «кажется, девять глав. Она рассказывала мне после, что удивительно хорошо отделано было одно лицо в одной из глав; это лицо эмансипированная женщина-красавица, избалованная светом, кокетка, проведшая свою молодость в столице, при дворе и за границей. Судьба привела ее в провинцию; ей уже за тридцать пять лет, она начинает это чувствовать; ей скучно, жизнь ей в тягость. В это время она

встречается с везде и всегда скучающим Платоновым, который также израсходовал всего себя, таскаясь по светским гостиным»5.

В июле или первой половине августа Гоголь жил на даче у Шевыревых, где именно — нам неизвестно. Там с ним встретился упоминавшийся ранее Н. В. Берг, описавший жизнь Гоголя в этой подмосковной усадьбе:

«В 1851 году мне случилось жить с Гоголем на даче у Шевырева, верстах в 20 от Москвы, по Рязанской дороге. Как называлась эта деревня, не припомню. Я приехал прежде, по приглашению, и мне был предложен для житья уединенный флигель, окруженный старыми соснами. Гоголя совсем не ждали. Вдруг в тот же день после обеда подкатила к крыльцу наемная карета на паре серых лошадей, и оттуда вышел Гоголь в своем испанском плаще и серой шляпе… суетившийся хозяин просил меня уступить Гоголю флигель… Мне отвели комнату в доме, а Гоголь перебрался ту же минуту во флигель со своими портфелями (интересно, что Гоголь никогда не расставался, со своими материалами, продолжая работу над рукописями и во время своих кратких пребываний у знакомых. — Б. З.)… Шевырев ходил к нему, и они вместе читали и перечитывали написанное. Это делалось с такою таинственностью, что можно было думать, что во флигеле, под сенью старых сосен, таятся заговорщики…»6

Как бы подтверждая наблюдения Берга, Гоголь впоследствии писал Шевыреву: «Убедительно прошу тебя не сказывать никому о прочитанном, ни даже называть мелких сцен и лиц героев… две последние главы, кроме тебя, никому неизвестны»7. Нам кажется, что эта «таинственность» вызывалась неуверенностью Гоголя в своем далеко еще не законченном труде. После смерти писателя, вспоминая эти дни, Шевырев писал его двоюродной сестре4 М. Н. Синельниковой: «Из второго тома он читал мне летом, живучи у меня на даче, около Москвы, семь глав. Он читал их, можно сказать, наизусть по написанной канве, содержа окончательную отделку в голове своей»8.

22 августа профессор И. М. Снегирев, которому в 1841 году был послан Московским цензурным комитетом отзыв о первом томе «Мертвых душ», заносит в свой дневник: «День коронации императора Николая I… Ездил в 4 гимназию в доме Пашкова смотреть с бельведера иллюминацию Кремля, великолепно освещенного. Там виделись с семьей г. Нази??? с Гоголем и Погодиным»9. Замечательный памятник русской архитектуры — бывший дом Пашкова — ныне занят Государственной ордена Ленина библиотекой СССР им. В. И. Ленина (Моховая, № 1). Небезынтересно свидетельство одного из учеников этой гимназии о том, что широко раскрывшаяся перед Гоголем панорама Москвы

напомнила ему Рим: на вышке дома «между собравшимися звездоносцами выделялся одетый в черный сюртук, худой, длинноносый, невзрачный человечек, на которого со вниманием смотрели все знатные гости наши, а воспитанники просто поедали его глазами. Это был знаменитый автор „Мертвых душ“ Н. Гоголь. Помню, как он, долго любуясь на расстилавшуюся под его ими грандиозно освещенную нашу матушку Москву, задумчиво произнес: „Как это зрелище напоминает мне вечный город“»10.

В конце лета Гоголь вновь собирается на юг. Одной из побудительных причин к поездке была свадьба одной из его сестер. Выехав 22 сентября, он уже 30-го вернулся в Москву, потому, что в дороге «почувствовал себя очень дурно и, опасаясь расхвораться, приехать на свадьбу больным и всех расстроить, решился воротиться»11. В тот же день, по воспоминаниям С. Т. Аксакова, он приехал в Абрамцево, где пробыл несколько дней, в течение которых побывал в Загорске и Хотькове. Пребывание в Абрамцеве несколько оживило Гоголя. «За обедом Гоголь поразвеселился, а вечером был очень весел. Пелись малороссийские песни, и Гоголь сам пел очень забавно. Это было его последнее посещение Абрамцева и последнее свидание со мною. 3 октября он уехал в Москву», — рассказывает С. Т. Аксаков12. Однако его описание последнего посещения Абрамцева Гоголем значительно расходится с записями его дочери В. С. Аксаковой; в них названа и другая дата его отъезда из усадьбы: «30 сентября отесенька с Константином поехали по делам в Москву, вдруг им говорят, что Гоголь присылал; Константин побежал к нему и привел его… В тот же день отесенька, Константин и он приехали к нам вечером… вид Гоголя огорчил нас. Он был так расстроен, так худ, так грустен… Впрочем, на другой день ободрился, а на третий, 2 октября, уехал от нас. Это было последнее его посещение в деревне»13.

Наступила осень, и многочисленные друзья и знакомые Гоголя съехались в Москву. Жизнь его идет тем же порядком, что и прошлой зимой. Утром он напряженно работал: «…Казалось, — писал близко наблюдавший его доктор А. Т. Тарасенков, — что он был веселее обыкновенного; притом он нередко выходил со двора, навещал знакомых, даже бывал иногда на обедах. Деятельности в нем в это время обнаруживалось больше, нежели прежде… В последние месяцы своей жизни Гоголь работал с любовью и рвением почти каждое утро до обеда (4 часов), выходя со двора для прогулки только за четверть часа, и вскоре после обеда по большей части уходил опять заниматься в свою комнату»14. Насколько Гоголь в эти дни был погружен в свой

труд, свидетельствует следующее указание А. Т. Тарасенкова: «Замечали, что он нередко, выйдя прогуляться перед обедом и не отойдя пяти шагов от дома, внезапно и быстро возвращался в свою комнату; там черкнет несколько слов в одной из этих тетрадок и опять пойдет из дома»15.

Нередко Гоголя навещали его знакомые. Подчас эти встречи служили для него средством проверить свой труд. Так, по собственной инициативе он прочитал бывшему в Москве проездом Д. А. Оболенскому и; А. О. Россету (брату А. О. Смирновой) подготовленные фрагменты второго тома «Мертвых душ». Гоголь, вспоминал Оболенский, «начал тихим и плавным голосом чтение с первой главы… Все описания природы, которыми изобилует первая глава, отделаны были особенно тщательно. Меня в высшей степени поразила необыкновенная гармония речи. Тут я увидел, как прекрасно воспользовался Гоголь теми местными названиями разных трав и цветов, которые он так тщательно собирал… Разговоры выведенных лиц Гоголь читал с неподражаемым совершенством. Когда… он стал читать сцену происходящей на дворе перебранки небритого буфетчика Григорья с ключницей Перфильевной, то казалось, как бы действительно сцена эта происходила за окном и оттуда доходили до нас неясные звуки этой перебранки». Как тщательно и каким разнообразием способов Гоголь стремился проверить еще и еще раз выразительность своей речи, показывает дальнейшее продолжение этого вечера, когда он, «передав нам рукопись, просил, чтобы мы прочли ему вслух некоторые места… он прислушивался к нашему чтению, видимо, желая слышать, как будут передаваться другими те места, которые особенно рельефно выходили при его мастерском чтении»16.

Посетил Гоголя ненадолго приехавший в Москву П. В. Анненков, на которого неприятно подействовало полное безразличие писателя к происходившим событиям. Однако Анненков отмечает прежнюю «артистическую восприимчивость» Гоголя17. То же впечатление он вынес и во время большой вечерней прогулки по Москве, предпринятой по предложению Гоголя. Нет сомнений, что, встречаясь, Гоголь и Анненков много говорили о Пушкине, над биографией которого Анненков работал в это время. Желая помочь Анненкову, Гоголь обратился к Погодину со следующей запиской, предположительно датируемой сентябрем 1851 года: «Павел Васильевич Анненков, занимающийся изданием сочинений Пушкина и пишущий его биографию, просил меня свести его к тебе затем, чтобы набрать и от тебя материалов и новых сведений по этой части»18. Можно

считать, что и Гоголь посещал Анненкова. Из их беседы при последней, случайной и краткой, встрече в Кремле явствует, что он прекрасно знал местожительство Анненкова — «я к вам шел»19. В этот приезд Анненков останавливался у своего брата, коменданта Москвы, имевшего казенную квартиру в Кремле, в Потешном дворце.

В начале сентября Гоголь встречался с видным сановником, состоявшим при дворе, В. Д. Олсуфьевым, бывшим в дружеских отношениях с В. А. Жуковским, М. А. Максимовичем, М. П. Погодиным, А. С. Хомяковым. В московском доме Олсуфьевых в 1830-х годах жил известный писатель того времени А. Погорельский (А. А. Перовский), у которого здесь бывал А. С. Пушкин, а в 1835 году останавливался К. П. Брюллов, написавший тут несколько портретов. Еще осенью 1850 года Гоголь, по совету А. О. Смирновой, предполагал обратиться к В. Д. Олсуфьеву за помощью в своих издательских делах, но письмо тогда не было послано. Встречи Гоголя и В. Д. Олсуфьева, очевидно, были связаны с подготовкой к печати второго тома «Мертвых душ». Адрес Олсуфьева отмечен в записных книжках писателя: «Дом Алсуфьева на Тверской, в 4 часа, суббота»20. Дом этот не сохранился. Владение Олсуфьевых занимало площадь нынешнего дома № 15 по улице Горького в части между улицей Станиславского и Большим Гнездниковским переулком.

Очень часто Гоголь проводил вечера у А. О. Смирновой, оставшейся на эти месяцы в Москве. Л. И. Арнольди вспоминает: «…я встретил Гоголя у сестры и объявил ему, что иду в театр, где дают „Ревизора“, и что Шумский в первый раз играет в его комедии роль Хлестакова. Гоголь поехал с нами, и мы поместились, едва достав ложу, в бенуаре. Театр был полон. Гоголь говорил, что Шумский лучше всех других актеров петербургских и московских передавал эту трудную роль… Многие в партере заметили Гоголя… Гоголь, видимо, испугался какой-нибудь демонстрации со стороны публики… вышел из ложи так тихо, что мы и не заметили его отсутствия»21. Вероятно, это был не первый спектакль «Ревизора» с участием С. В. Шуйского в роли Хлестакова, а спектакль, в котором исполнение Хлестакова Шуйским было впервые объявлено. Из письма В. С. Аксаковой, написанного в день первого выступления Шуйского в этой роли (ранее он играл Добчинского) — 15 октября 1851 года, явствует, что Гоголь был на нем с Аксаковыми, а не со Смирновой и Арнольди, и что публике не было заранее известно участие этого актера в данной роли. «Гоголь… пришел вчера вечером и сказал, что завтра, т. е. сегодня, играет ревизора Шумский и что не поедем ли мы в театр… Ему хотелось в бенуар

Верстовского, но в Малом театре у Верстовского[34] нет бенуара, и он прислал бельэтаж… Теперь они уехали все… Гоголь от нас только узнал, что Шумский будет играть Хлестакова, а когда именно — даже не было объявлено в газетах… Щепкин приезжал к Гоголю, кажется, накануне и сказал о том…» 22.

На одном из этих спектаклей Гоголя видел Н. В. Берг, отмечающий, что он слушал внимательно и раз или два хлопнул, и И. С. Тургенев, которого особенно «поразила перемена, происшедшая в нем с 41 года. Я раза два встретил его тогда у Авдотьи Петровны Е[лаги]ной… теперь он казался худым и испитым человеком, которого уже успела на порядках измыкать жизнь. Какая-то затаенная боль и тревога, какое-то грустное беспокойство примешивались к постоянно проницательному выражению его лица»23.

Как мы знаем, Гоголя мало удовлетворяли современные ему постановки его пьес. Просмотрев «Ревизора», он вновь возвращается к своей давнишней мысли о необходимости личным чтением раскрыть текст пьесы для ее исполнителей.

Через неделю состоялось знакомство с Гоголем И. С. Тургенева, довольно подробно описавшего их встречу. «Меня свел к Гоголю покойный Михаил Семенович Щепкин. Помню день нашего посещения: 20 октября 1851 года… Мы приехали в час пополудни: он немедленно нас принял. Комната его находилась возле сеней, направо… Увидев нас со Щепкиным, он с веселым видом пошел к нам навстречу и, пожав мне руку, промолвил: „Нам давно следовало быть знакомыми“…»24 Теплота этой встречи объясняется тем, что Гоголь давно интересовался Тургеневым и высоко ценил его произведения. В письме к Тургеневу В. П. Боткин вспоминает, как у Васильчиковых «Гоголь месяца за два до смерти… говоря о литературе, сказал, „что во всей теперешней литературе больше всех таланту у Тургенева“»25. «Гоголь говорил много, с оживлением, размеренно отталкивая и отчеканивая каждое слово — что не только не казалось неестественным, но, напротив, придавало его речи какую-то приятную вескость и впечатлительность… Он говорил о значении литературы, о призвании писателя, о том, как следует относиться к собственным произведениям… и все это — языком образным, оригинальным… объявил, что остался недоволен игрою актеров в „Ревизоре“, что они „тон потеряли“, и что он готов им прочесть всю пиесу с начала до конца. Щепкин ухватился за это слово и тут же уладил, где и когда читать»26.

Острый наблюдатель, И. С. Тургенев в своих «Литературных и житейских воспоминаниях» оставил нам великолепный портрет Гоголя: «Его белокурые волосы, которые от висков падали прямо,

как обыкновенно у казаков, сохранили еще цвет молодости, но уже заметно поредели; от его покатого, гладкого, белого лба по-прежнему так и веяло умом. В небольших карих глазах искрилась по временам веселость — именно веселость, а не насмешливость; но вообще, взгляд их казался усталым…»27

В эти же дни О. М. Бодянский познакомил с Гоголем бывшего в Москве проездом молодого литератора Г. П. Данилевского. Сопоставив его своеобразное описание внешности Гоголя с тургеневским, мы получим довольно полное представление об облике писателя этой последней зимы его жизни. «Среднего роста, плотный и с совершенно здоровым цветом лица, он был одет в темно-коричневое длинное пальто и в темно-зеленый бархатный жилет… длинные каштановые волосы прямыми космами спадали ниже ушей… Тонкие, темные, шелковистые усики чуть прикрывали полные, красивые губы, под которыми была крохотная эспаньолка. Небольшие карие глаза глядели ласково, но осторожно и не улыбаясь даже тогда, когда он говорил что-либо веселое и смешное. Длинный, сухой нос придавал этому лицу и этим… осторожным глазам что-то птичье, наблюдающее и вместе добродушно-горделивое. Так смотрят с кровель украинских хуторов, стоя на одной ноге, внимательно-задумчивые аисты. Гоголь… был очень похож на свой портрет, писанный… знаменитым Ивановым. Этому портрету он, как известно, отдавал предпочтение перед другими»58.

Очевидно, готовясь к чтению «Ревизора», Гоголь в эти дни был особенно сосредоточен на предстоящем выступлении. Описывая вечер у Аксаковых 31 октября, Бодянский заносит в свой дневник: «Перед началом Гоголь, пришедший в 8 часов вечера… заметил, что первую идею к „Ревизору“ его подал ему Пушкин, рассказав о Павле Петровиче Свиньине, как он в Бессарабии выдавал себя за какого-то петербургского важного чиновника и только, зашедши уже далеко (стал было брать прошения от колодников), был остановлен…»29. В черновых тетрадях самого А. С. Пушкина имеется набросок фабулы «Ревизора», навеянный похождениями П. П. Свиньина: «Криспин приезжает в Губернию NB на ярмонку — его принимают за [нрзб] … Губерн.[атор] честный дурак — Губ.[ернаторша] с ним кокетнич.[ает] — Криспин сватается за дочь»30. В левом углу автографа написано и зачеркнуто Пушкиным: «Свиньин», что поясняет происхождение записи Пушкина.

П. П. Свиньин был довольно известным литератором тех лет. Им в 1818 году был основан журнал «Отечественные записки», в котором в февральской и мартовской книжках за 1830 год было напечатано первое прозаическое произведение Гоголя «Бисаврюк,

или Вечер накануне Ивана Купалы».

5 ноября осуществилось, наконец, долгожданное чтение «Ревизора». Это было последнее публичное выступление писателя. По словам Г. П. Данилевского, «чтение „Ревизора“ происходило во второй комнате квартиры гр. А. П. Толстого, влево от прихожей, которая отделяла эту квартиру от помещения самого Гоголя»31. Он же указывает, что «в числе слушателей были: С. Т. и И. С. Аксаковы, С. П. Шевырев, И. С. Тургенев, И. В. Берг и другие писатели, а также актеры М. С. Щепкин, П. М. Садовский и Шуйский»32. Присутствие на чтении С. Т. Аксакова нам кажется весьма сомнительным. Последний в своих воспоминаниях, весьма обстоятельных, говорит, что пребывание Гоголя в Абрамцеве с 30 сентября по 2 октября было их последним свиданием. Не мог же он, столь внимательный к творчеству Гоголя, запамятовать столь важный факт, как публичное чтение Гоголем «Ревизора».

Тургенев с удивлением обратил внимание на то, что «далеко не все актеры, участвовавшие в „Ревизоре“, явились на приглашение Гоголя; им показалось обидным, что их словно хотят учить! Ни одной актрисы также не приехало. Сколько я мог заметить, Гоголя огорчил этот неохотный и слабый отзыв на его предложение… Известно, до какой степени он скупился па подобные милости»33. Но, углубясь в чтение, он быстро оживился. Его раскрытие ролей произвело на слушателей впечатление необычайной силы. «Это был для меня настоящий пир и праздник», — пишет И. С. Тургенев34.

Михаил Семенович Щепкин

По записи Г. П. Данилевского, мы можем представить обстановку этого чтения. «Стол, вокруг которого на креслах и стульях уселись слушатели, стоял направо от двери, у дивана, против окон во двор. Гоголь читал, сидя на диване»35. И. С. Тургенев отмечает, что в своем чтении Гоголь поразил «чрезвычайной простотой и сдержанностью манеры, какой-то важной и в то же время наивной искренностью, которой словно и дела чет — есть ли тут слушатели и что они думают. Казалось, Гоголь только и заботился о том, как бы вникнуть в предмет, для него самого новый, и как бы вернее передать собственное впечатление. Эффект выходил необычайный… С каким недоумением, с каким изумлением Гоголь произнес знаменитую фразу городничего о двух крысах… „Пришли, понюхали и пошли прочь!“ — Он даже медленно оглянул нас, как бы спрашивая объяснения такого удивительного происшествия. Я только тут понял, как вообще неверно, поверхностно, с каким желанием

только поскорей насмешить — обыкновенно разыгрывается на сцене „Ревизор“»35. То же восхищение слышится нам и в рассказе Данилевского: «Никогда не забуду чтения Гоголя. Особенно он неподражаемо прочел монологи Хлестакова и Ляпкина-Тяпкина и сцену между Бобчинским и Добчинским. „У вас зуб со свистом“, — произнес серьезно и внушительно Гоголь, грозя кому-то глазами и даже пришепетывая при этом, будто у него свистел зуб. Неудержимый смех слушателей изредка невольно прерывал его. Высокохудожественное и оживленное чтение под коней очень утомило Гоголя., очарованные слушатели долго стояли группами, вполголоса передавая друг другу свои впечатления. Щепкин, отирая слезы, обнял чтеца и стал объяснять Шуйскому, в чем главные силы роли Хлестакова»37.

С. В. Шуйский, как передает замечательный русский актер А. П. Ленский, говорил впоследствии, что «это чтение было так необычайно образно и ярко, что лицо городничего вставало живым перед слушателем»38.

Но внимание Гоголя к исполнению своей пьесы на сцене не ограничивалось только этим «показательным» вечером. Он живо интересуется, насколько актерам удалось воспринять его наглядные уроки. Через несколько дней он «опять явился в театре (в ложе позади других) посмотреть, как исполняется пьеса после его замечаний, и остался доволен игрою более, нежели в прежнее время, особенно Хлестаковым, которого в это время играл уже Шумский, пользовавшийся его наставлениями»39. На третий день после чтения «Ревизора», 8 ноября, Гоголь навестил только что перенесшего несколько операций М. Н. Загоскина, здоровье которого «ухудшилось до того, что большую часть дня он проводил лежа на диване». Он обратил внимание на болезненный вид Гоголя. «Отец… — вспоминает сын Загоскина, — давно не видавший его, нашел в нем большую перемену как в физическом, так и в нравственном отношении и, вместе с тем, пришел к убеждению, что наш великий писатель несомненно должен быть серьезно болен»40. В 1851 году М. Н. Загоскин жил по-прежнему в своем доме в Денежном переулке (ныне улица Веснина, № 5, дом не сохранился).

Из письма сына декабриста, Е. И. Якушкина, от 16 ноября 1851 года мы узнаем, что в эти дни «Гоголь собирается печатать 2-й том „Мертвых душ“, который окончен совершенно и который уже он читал у Назимова»41.

В конце 1849 года генерал-адъютант В. И. Назимов был назначен попечителем Московского учебного округа. Далеко не лестную характеристику дает ему современник: «…добрый человек, но делает все только по рекомендациям… существует

только номинально, а вместо него действуют различные тетушки, дядюшки и вся сволочь московских барынь. Он сам жалуется на свое иго, но не смеет и подумать стряхнуть его»42. Упоминание В. И. Назимова дважды встречается в записных книжках писателя43. Встречи с ним Гоголя, вероятно, обусловливались тем, что В. И. Назимов был в эти годы также председателем Московского цензурного комитета. Готовя к печати второй том «Мертвых душ», Гоголь, помня о цензурных мытарствах с первым томом, хотел, предварительно знакомя В. И. Назимова со своей рукописью, подготовить почву к ее скорейшему и возможно безболезненному прохождению через цензурные рогатки. В 1851 году В. И. Назимов жил на Садовой-Кудринской улице во владении № 9 (дом не сохранился).

13

Сведения о том, где в Москве бывал Гоголь в последние месяцы своей жизни и с кем поддерживал дружеские связи, у нас скупы и отрывочны. Оли не раскрывают даже приближенно «карту гоголевских мест» в эти дни. Конечно, он бывал по-прежнему у А. И. Кошелева. Известно его приглашение А. И. Кошелевым 2 февраля 1852 года на обед, на котором должен был присутствовать декабрист М. М. Нарышкин, иногда нелегально приезжавший в Москву из своей тульской усадьбы1. По недоразумению Гоголь на этот обед не попал. С видным московским декабристом М. М Нарышкиным Гоголь встречался и ранее, о чем свидетельствует краткая помета в его записной книжке, предположительно датируемой 1846–1851 годами: «Нарышкин на Пречистенке, в собств[енном] доме, Михал Мих[айлович] Нарышкин, бывший в Сибири»2. Единственный известный нам дом, принадлежавший Нарышкиным на нынешней улице Кропоткина, это перестроенный и расширенный дом № 16, в котором помещается ныне Дом ученых. В 1845 году этим домом владеют уже Мусины-Пушкины, бывшие в родстве с Нарышкиными. Член Союза благоденствия с 1818 года, участник тайного совещания Южного и Северного обществ в 1824 году об установлении республиканского правления, полковник М. М. Нарышкин после восстания 14 декабря был лишен дворянства и сослан на каторжные работы в Нерчинские рудники; в 1837 году он был переведен рядовым на Кавказ, где получил чин прапорщика, в 1844 году ему было разрешено выйти в отставку и жить в своем тульском имении без права выезда. Все

эти данные говорят о том, что знакомство Гоголя и Нарышкина могло произойти лишь после сентября 1848 года, так как ранее встретиться в Москве они не могли. Запись «Нарышкин… и собственном доме» может быть объяснена нередко бытовавшей в Москве привычкой именовать дома по прежним, привычным для памяти, владельцам

В феврале 1852 года свидание Гоголя и Нарышкина все же состоялось, что явствует из вторичной записи Гоголя в той же памятной книжке: «Михал Михалч Нарышкин, село Высокое, 7 верст от Тулы»3. Очевидно, собираясь продолжить следующим летом свои поездки по России, Гоголь после этого свидания намеревался посетить и Нарышкина.

В начале 1852 года Гоголь встречался в Москве с известным маринистом И. К. Айвазовским. Впоследствии художник рассказывал, что его «поразила страшная худоба, бледность и страдальческое выражение лица великого нашего писателя. Тогдашний Гоголь был тенью того веселого, милого собеседника, которого Айвазовский видел в Риме и во Флоренции двенадцать лет тому назад… Немногими словами разменялся он с Иваном Константиновичем…»4. Где в этот приезд в Москву останавливался Айвазовский, нам неизвестно.

В эти же месяцы Гоголь продолжал бывать у Хомяковых и делиться с ними написанным. Через несколько лет после его смерти Ю. Ф. Самарин, вспоминая эту зиму, писал А. О. Смирновой: «Я глубоко убежден, что Гоголь умер оттого, что он сознавал про себя, насколько его второй том ниже первого, сознавал, и не хотел самому себе признаться, что он начинал подрумянивать действительность. Никогда не забуду я того глубокого и тяжелого впечатления, которое он произвел на Хомякова и меня раз вечером, когда он прочел нам первые две главы второго тома. По прочтении он обратился к нам с вопросом: „Скажите по совести только одно — не хуже первой части?“ Мы переглянулись, и ни у него, ни у меня не достало духу сказать ему, что мы оба думали и чувствовали»5. Можно полагать, что Гоголь читал им значительно дальше первых двух глав. Генерал Бетрищев, Петр Петрович Петух, по определению В. В. Вересаева, достойны «стать рядом с самыми яркими образами первого тома… Горестное снижение творчества мы замечаем только там, где Гоголь начинает рисовать показательных „хороших людей“… — где „Собакевича он пытался перерядить в Костанжогло, городничего — в благородного генерал-губернатора, Абдулина — в непроходимо добродетельного винного откупщика Муразова“»6.

Из сохранившихся отдельных записок и приглашений

Гоголю7 явствует, что он бывал также в семье Репниных, с которыми он особенно сблизился во время жизни в Одессе. Там В. Н. Репнин даже отвел ему особую комнату для работы. Посещая Репниных в Москве, Гоголь неоднократно читал свои произведения, в том числе «Тяжбу». Жили они в собственном доме в Леонтьевском переулке (улица Станиславского), установить который не удалось.

Вероятно, Гоголь продолжал бывать у архитектора Ф. Ф. Рихтера, который в 1851 году купил собственный дом на Большой Никитской (ныне № 3 по улице Герцена; возможно, что дом подвергся переделкам).

По-прежнему Гоголя можно было встретить у Д. Н. Свербеева. Сын его. вспоминает «тот последний вечер, который он, за несколько недель до. своей смерти, провел у отца моего на Собачьей площадке… Гоголь был в особенном ударе и рассказывал нам самые смешные и забавные анекдоты, причем, пока мы разражались громким хохотом, оставался всегда серьезным и невозмутимым»8. Свербеевы в 1851–1852 годах жили в собственном доме (улица Вахтангова, № 13, дом не сохранился).

Екатерина Александровна Свербеева

Надо полагать, что в эту зиму Гоголь посещает и профессора Ф. И. Иноземцева, нуждаясь в его медицинских советах. Доктор А. Т. Тарасенков пишет: «Гоголь был на руках у своего приятеля Иноземцева, с которым был короток и который его любил искренно»9. В 1851 году Иноземцев переехал в дом Мухановой в Мертвом переулке (ныне улица Николая Островского, № 6, дом не сохранился)[35].

Но наиболее часто он бывал, вероятно, у Шевырева и Аксаковых. В значительной мере эти визиты обусловливались и деловой необходимостью. Еще осенью Гоголь сообщал О. М. Бодянскому, что он «затеял новое полное издание своих сочинений… В трех типографиях начал печатать… будет четыре

больших тома. Сюда войдут все повести, драматические вещи и обе части „Мертвых душ“. Пятый том я напечатаю позже, под заглавием „Юношеские опыты“. Сюда войдут некоторые журнальные статьи, статьи из „Арабесок“ и прочее»10. Надобность в издании давно назрела. По словам Гоголя, «второе издание моих сочинений нужно уже и потому, что книгопродавцы делают разные мерзости с покупщиками, требуют по сту рублей за экземпляр и распускают под рукой вести, что. теперь все запрещено»11. Еще находясь в Одессе, осенью 1850 года он обеспокоенно запрашивал Шевырева: «Я уже давно не имею вестей из Москвы. Да, есть ли у тебя экземпляр (первого издания. — Б.З.), чтобы отдать в цензуру, и какому цензору? Я думаю, лучше Лешкову. Им Погодин был всегда доволен»12. Профессор Московского университета В. Н. Лешков был цензором «Москвитянина». Обращаясь к нему, Гоголь, мог рассчитывать и на влияние Погодина, с которым Лешков был в приятельских отношениях. Сохранилось письмо Гоголя (лето 1851 г.) к Лешкову «с просьбой спасти доселе отпечатанные мои сочинения от уничтожений, от измене[ний], переправок и пробелов и [дать] возможн[ость] изданья их в том виде, как изданы они д[о] с[их] п[ор]» 13. Вероятно, в связи с подготовкой издания Гоголь посещал Лешкова. Последний жил в собственном доме (ныне № 15 по Новой Басманной улице).

Однако встревоженный слухами о том, что «здешние бабы-цензора отказываются даже и от напечатанных книг»14, Гоголь прибегает к содействию В. И. Назимова. 30 сентября Гоголь сообщил Шевыреву, что «попечитель» приезжал к А. П. Толстому на следующий день после его отъезда на свадьбу сестры «с известием, что он пропускает все и что нужно обыкновенным порядком только доставить цензору, который прямо подпишет»16.

Впоследствии Шевырев, рассказывая о последних месяцах жизни Гоголя, писал его двоюродной сестре М. Н. Синельниковой: «Нередко обедал он у нас, после обеда занимался со мною чтением корректур первого и второго тома своих сочинений, в которых он выправлял слог, а я правил под диктовку его. Другие два тома печатались в то же время»16.

Несомненно, что Гоголю приходилось бывать в типографиях, где производился набор его сочинений, (при жизни писателя ни один том не был закончен печатью). Сохранилась записка Шевырева, гласящая, что «начато печатание… первых двух томов в Университетской, 3-го в типографии Готье, 4-го в типографии Семена»17. Об Университетской типографии мы уже говорили выше; здесь печатался первый том «Мертвых душ» (Пушкинская

улица, № 34). Типография Готье помещалась на Кузнецком мосту, № 15 (дом не сохранился). Вблизи же находилась и типография Семена, на Софийке (ныне Пушечная улица) на территории нынешних домов № 4 и № 6 (прежние постройки не сохранились).

8 эти месяцы Аксаковы вновь переменили свое местожительство. Уже после смерти писателя, В. С. Аксакова сообщала матери Гоголя: «Мы жили эту зиму в деревне по обстоятельствам Денежным; больной сестре был нанят маленький домик, и кто-нибудь из братьев и из сестер постоянно с ней жил»18. Данилевский глухо говорит, что их квартира была на Поварской. 8 марта 1852 года Шевырев писал Погодину: «Посылаю тебе письмо, написанное к нам обоим вместе С. Т. Аксаковым (в связи со смертью Гоголя. — Б.З.). Отвечай ему через Ольгу Семеновну (жена С. Т. Аксакова. — Б. З.), которая остановилась у Спаса на Песках. У Хомякова назовут тебе или укажут дом, потому что близехонько. Я сам сейчас к ней еду»19. В письме к И. С. Тургеневу И. С. Аксаков точно называет местожительство их семьи зимой 1851/52 года, «…на Арбате, в Николо-Песковском переулке, в доме г-жи Серединской, во флигеле»20. Дом этот не сохранился. Владение Серединской занимало часть площади нынешней территории дома № 4 по улице Вахтангова[36].

9 января Гоголь был в Большом театре на бенефисе М. С. Щепкина. Характерно, что старые комедии и переводные водевили, из которых был составлен вечер, уже не могли удовлетворить зрителя, воспитанного на «Ревизоре» и «Женитьбе». Отмечая прекрасную игру М. С. Щепкина, П. М. Садовского, С. В. Шуйского, Н. В. Рыкаловой, газеты указывали, что «нынешний бенефис любимого всею Россиею артиста по своему составу едва ли не неудачнее прежних его бенефисов»21. Встретивший Гоголя в театре скульптор Н. А. Рамазанов сообщал художнику А. А. Иванову: «…Николай Васильевич здрав, но крайне задумчив и скучен»22.

Навестивший Гоголя еще 1 января Л. И. Арнольди отмечает, что он был «немного грустен». «От времени до времени в нем обнаруживалась мрачная настроенность духа без всякого явственного повода», — пишет А. Т. Тарасенков23. Но, тем не менее, Гоголь почти до последних дней не оставляет работы. И Арнольди, и Бодянский, и Тарасенков буквально в один голос свидетельствуют, что они или заставали его за работой, или видели только что отложенные корректурные листы или рукописи. Но, очевидно, Гоголь был уже настолько надломлен беспрестанной внутренней борьбой с самим собой, что достаточно было какого-либо внешнего повода, чтобы это повело

к роковым последствиям. Характерно в этом отношении мнение известного московского врача Овера, лечившего Аксаковых и случайно заставшего у них Гоголя. В. С. Аксакова записывает в своем дневнике: «…приезжал Овер, я пошла его провожать к Оленьке, он оттуда прошел прямо и сказал мне: „Несчастный!“ — „Кто несчастный? — спросила я, не понимая, — да ведь это Гоголь!“ — „Да, вот несчастный!“ — „Отчего же несчастный?“ — „Ипохондрик, не приведи бог его лечить, это ужасно!“»24

В январе тяжело заболела тифом Е. М. Хомякова, сестра друга Гоголя, поэта Н. М. Языкова. 26 января она скончалась. Ее смерть, по словам доктора А. Т. Тарасенкова, «поразила его до чрезвычайности»26. «Смерть моей жены, — писал А. С. Хомяков А. Н. Попову, — и мое горе сильно его потрясли; он говорил, что в ней для него снова умирают Многие, которых он любил всей душою, особенно же Н. М. Языков… С тех пор он был в каком-то нервном расстройстве»26. Гоголь оставляет творческую работу, корректуры. Посещения друзей тяготят его.

Наступили последние дни жизни Гоголя в сумрачной квартире А. П. Толстого. Знакомство с ним С. Т. Аксаков считал «решительно гибельным для Гоголя»27. Мракобес и ханжа Толстой не понимал высокого значения дарования Гоголя, не чтил в нем великого русского писателя, цинично признавался, что он «вовсе не является поклонником сочинений» Гоголя28. С. озлобленной сектантской нетерпимостью он отнесся к предложению Т. Н. Грановского придать похоронам Гоголя общественный характер, к переносу его праха в университетскую церковь. Тогда, — писал Е. М. Феоктистов И. С. Тургеневу, — «он отказался взять погребение на свой счет, говоря: „Если так, то пусть хоронит, кто хочет“, — и его хоронили на счет университета» 29. После смерти писателя славист П. А. Бессонов сообщал в одном из своих писем, что «партия „Москвитянина“ проповедует о том спасении, которое пролила она в его (Гоголя. — Б. З.) душу религиозными впечатлениями, а (А. П.) Толстой, имея дух рассказывать, что Гоголь отдавал ему (перед сожжением. — Б. З.) 2-й том „Мертвых душ“ и он не взял, прибавляет, что „впрочем в псалтыре заключается все, нужное для спасения“»30. Проводником этих так называемых «спасительных» «религиозных впечатлений» был изувер и фанатик поп Матвей Константиновский. Под влиянием А. П. Толстого Гоголь, еще будучи за границей, вступил в начале 1847 года с ним в переписку. «Что послания о. Матвея в результате имели разрушительное действие на Гоголя — едва ли здесь приходится повторять… Но это было ничто в сравнении с живым словом. Испытанный оратор, о. Матвей тем более увлекался, чем

очевиднее было впечатление на слушателя, и становился тем беспощаднее в своем обличении, чем беспомощнее оказывалась жертва», — пишет друг писательской юности А. П. Чехова беллетрист Ив. Щеглов (И. Л. Леонтьев), горячий поклонник творчества Гоголя31. Он же приводит красноречивый эпизод из деятельности М. А. Константиновского, показывающий, насколько губительным было его влияние на окружающих: «…за три года пастырства о. Матвея шумное и веселое село нельзя было узнать: мирские песни и игры в селе почти прекратились…даже малые дети в своих детских сборищах стали распевать исключительно тропари и кондаки… Для чего же, спрашивается, существует после этого в мире… радостное дыхание весны, любовь, звонкий детский смех и раздольная русская песня?!»32.

Константиновский нередко приезжал в Москву из Ржева, где он жил. Иногда он останавливался у А. П. Толстого. Его приезд в Москву в конце января 1852 года имел роковые последствия для Гоголя. Одинокий, измученный внутренними противоречиями, подавленный творческой неудовлетворенностью в работе над вторым томом «Мертвых душ», Гоголь оказался полностью не защищенным от его зловещего воздействия. Доктор А. Т. Тарасенков рассказывает, что Константиновский «прямо и резко, не взвешивая личности и положения поучаемого, с беспощадною строгостью и резкостью проповедовал» Гоголю, «как ничто земное не должно нас прельщать… для чего нам нужны силы?., разговоры этого духовного лица… так сильно потрясали его, что он однажды, не владея собою, прервал его речь и сказал ему: „довольно, оставьте, не могу долее слушать, слишком страшно“»33. «Трудно, право, представить сцену более разительного контраста… — пишет Ив. Щеглов. — Гоголь, великий Гоголь, беспощадный сатирик, гениальный провидец сердца человеческого — бледный, потрясенный, почти скованный от ужаса в своем кресле… и перед кем же? Перед невзрачным и полуневежественным, исступленным попом, пугающим его больное воображение… Окончание трагедии — известно… Непосредственно вслед за отъездом о. Матвея с Гоголем началась та, так сказать, „духовная агония“, которая повлекла за собой стремительное физическое разрушение»34.

Это подтверждается и А. Т. Тарасенковым, общавшимся с Гоголем в последние дни его жизни: «С этих пор он бросил литературную работу… стал есть весьма мало, хотя повидимому… жестоко страдал от лишения пищи… и сон умерял до чрезмерности… Это все не могло не обнаружить на его организм сильного действия»35.

5 февраля Константиновский уехал в Ржев, а через несколько

дней, в ночь с 11 на 12 февраля, Гоголь сжигает рукопись второго тома «Мертвых душ». Подавленный свершившимся, он впадает в полную апатию и упорно отказывается от медицинской помощи. Силы его катастрофически падают. В 8 часов утра 21 февраля 1852 года Гоголь скончался.

Коронованный держиморда Николай I всю свою жизнь боролся с духовным ростом русского народа и в жгучей ненависти преследовал прогрессивные силы русского общества. Не было предела подлости для беспощадной расправы с носителями передового, живого русского слова: от пуль подставных убийц погибли А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, саблями горцев был изрублен писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский, сданного в солдаты поэта А. И. Полежаева сгноили в чахотке, лишь смерть спасла от сырых казематов Петропавловской крепости В. Г. Белинского. В этот скорбный перечень жертв следует включить и Гоголя, сломленного и затравленного сворой лицемерствующих святош и злобствующих мракобесов.

14

Вся Россия с великой болью оплакивала кончину вдохновенного писателя-гражданина, автора «Тараса Бульбы», «Ревизора», «Мертвых душ». В № 24 от 23 февраля «Московские ведомости» писали: «В четверг, 21-го февраля, в 8 часов утра, скончался Николай Васильевич Гоголь. Эти простые слова скорбно отзовутся во всех концах русского мира… Русской мысли и слову покойный оказал бессмертные заслуги. Его влияние на умы было глубоко и обширно. Его произведения, исполненные неистощимой жизни, останутся навеки дорогим достоянием народа». Трудно представить сейчас все действие этой краткой заметки, если даже весть о том, что жизнь Гоголя в опасности, взволновала всю Москву. Доктор А. Т. Тарасенков вспоминает: «В Москве уже прослышали о болезни Гоголя. Передняя комната была наполнена толпою почитателей таланта и знакомых его; молча стояли все со скорбными лицами… Казалось, каждый готов был поплатиться своим здоровьем, чтобы восстановить здоровье Гоголя, возвратить отечеству его художника…»1

Все слои московского населения скорбно переживали тяжелую утрату. Е. В. Салиас писал М. А. Максимовичу, что комната, где было выставлено тело покойного, «не вмещала числа посетителей»2. Грустные лица можно было видеть и в дворянской

гостиной, и в аудитории университета, и в группе простолюдинов на улице. Уже упоминавшийся нами крепостной лакей Ф. Д. Бобков в день смерти писателя с горечью записывает в своем дневнике, как он, замученный от посылок барыни, чтобы согреться, «зашел в трактир и узнал, что скончался Николай Васильевич Гоголь. На Никитском бульваре, в доме графа Толстого, где жил Гоголь, весь двор был полон карет… Гоголь был настолько беден, что даже фрака порядочного не имел. Я видел Гоголя несколько раз, когда он приходил к Хомякову. Я хорошо помню его острый нос и сгорбленную фигуру с опущенной вниз головой. Вечером стал читать „Мертвые души“»3.

22 февраля вечером тело Гоголя как почетного члена Университета было перенесено для отпевания в университетскую церковь (Моховая, № 9). Гроб вынесли Н. В. Берг, А. Н. Островский, Е. М. Феоктистов и несколько студентов. Стоял глубокий снег при легком морозе. Процессия двинулась по Никитскому (ныне Суворовскому) бульвару, по маршруту одиноких прогулок Гоголя. У Никитских ворот гроб был передан студентам. Е. М. Феоктистов тогда же писал И. С. Тургеневу: «Огромная университетская церковь не вмещала народу… даже ночью приходил народ поклониться ему. Можно сказать, что вся Москва перебывала у гроба»4. Известный гравер Иордан сообщал другу Гоголя, художнику А. А. Иванову: «Стечение народа в продолжение двух дней было невероятное… два дня не было проезду по Никитской улице. Он лежал в сюртуке… с лавровым венком на голове, который при закрытии гроба был снят… Каждый жаждал обогатить себя сим памятником»5. Из университетской церкви гроб Гоголя вплоть до Даниловского кладбища несли также на руках. Вынесли его из церкви профессора Н. Б. Анке, Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, Ф. Л. Морошкин и С. М. Соловьев. «За гробом пешком шло несметное число лиц всех сословий… Нить погребения была так велика, что нельзя было видеть конца поезда», — писал Е. В. Салиас М. А. Максимовичу6.

Университетская церковь Святой Татианы, где состоялось отпевание Н. В. Гоголя

Вся Москва приняла участие в похоронах Гоголя. Столь широкое участие населения в них встревожило московские власти. Московский генерал-губернатор Закревский снизошел до роли простого полицейского и лично наблюдал за всеми процессиями. 29 февраля он доносил шефу жандармов графу Орлову: «Приказано было от меня находиться полиции и некоторым моим чиновникам, как при переносе тела Гоголя в церковь, так равно и до самого погребения. А чтобы не было

никакого ропота, то я велел пускать всех без исключения в университетскую церковь. В день погребения народу было всех сословий и обоего пола очень много, а чтобы в это время все было тихо, я приехал сам в церковь»7.

К имени Гоголя было запрещено привлекать внимание. Даже «ветхозаветный» «Москвитянин» навлек на себя кары. В № 120 «Северной пчелы» была помещена заметка Булгарина, граничащая по тону с политическим доносом: «Статья в пятом нумере „Москвитянина“ о кончине Гоголя напечатана на четырех страницах, окаймленных траурным бордюром. Ни о смерти Державина, ни о смерти Карамзина, Дмитриева, Грибоедова и всех вообще светил русской словесности русские журналы не печатались с черной каймой. Все самомалейшие подробности болезни человека сообщены М. П. Погодиным, как будто дело шло о великом муже, благодетеле человечества, или о страшном Аттиле, который наполнял мир славою своего имени. Если почтенный М. П. Погодин удивляется Гоголю, то чему же он не удивляется…». И этой издевательской к памяти Гоголя заметки было достаточно, чтобы благонамереннейший Погодин был отдан под надзор полиции за траурную кайму!

Еще разительнее история статьи И. С. Тургенева на смерть Гоголя. Разделяя общую скорбь, он обращается из Петербурга в Москву к В. П. Боткину: «Нельзя ли попробовать напечатать то, что я написал о Гоголе (разумеется, без подписи) в „Московских ведомостях“… Мусин-Пушкин ее запретил и даже удивился дерзости так говорить о Гоголе — лакейском писателе» 8. Это письмо было перлюстрировано III отделением, которое незамедлительно потребовало от генерал-губернатора Москвы Закревского мер к предупреждению опубликования статьи. Но было уже поздно. Статья появилась 13 марта в № 32 «Московских ведомостей» под заголовком «Письмо из Петербурга» и, вопреки воле автора, за подписью «Т……въ». «Гоголь умер!.. — писал Тургенев. — Какую русскую душу не потрясут эти два слова?.. Да, он умер, этот человек, которого мы теперь имеем право — горькое, право, данное нам смертью, — назвать великим; человек, который своим именем означит эпоху в истории нашей литературы; человек, которым мы гордились, как одною из слав наших!.. Мысль, что его прах будет покоиться в Москве, наполняет нас каким-то горестным удовлетвореньем. Да, пусть, он покоится там, — в этом сердце России, которую он так глубоко знал и так любил, так горячо любил, что одни легкомысленные или близорукие не чувствуют присутствия этого любовного пламени в каждом им сказанном слове!..».

В III отделении был составлен «всеподданнейший доклад», в

котором отмечалось, «что в нынешнее время литераторы являются действующими лицами во всех бедственных для государства смутах», и предлагалось сделать И. С. Тургеневу внушение в III отделении и учредить за ним надзор полиции. Однако Николай I счел эту кару недостаточной. Текст его резолюции гласил: «Полагаю этого мало, а за явное ослушание посадить его (Тургенева. — Б. З.) на месяц под арест и выслать на жительство на родину под присмотр…»9. Как известно, Тургенев был посажен 16 апреля на съезжую, а затем был отправлен в свою усадьбу Спасское.

Имя Гоголя становится опальным. Для феодально-крепостнического строя Гоголь-художник остался беспощадным обличителем, всей силой своего дарования разрушающим самые устои крепостничества. Попытки его родных закончить начатое им печатание собрания его сочинений встречают упорное сопротивление цензуры. 7 мая 1852 года С. П. Шевырев писал матери Гоголя: «По смерти Николая Васильевича я получил приказание остановить издание его сочинений впредь до разрешения начальства. Лица, принимающие живое участие в. судьбе семейства покойной заботятся о том, чтобы получить на то высочайшее разрешение…»10

Даже сдержанный в своих эпитетах С. Т. Аксаков в письме к Шевыреву говорит об этом времени, как о «безумном гонении имени Гоголя»11. Знакомый Гоголя Д. А. Оболенский вспоминал: «Цензорам объявлен было приказание — строго цензурировать все, что пишется о Гоголе, и наконец, объявлено было совершенное запрещение говорить о Гоголе. Наконец, даже имя Гоголя опасались употреблять в печати и взамен его употребляли выражение: „известный писатель“. Вот при каких условия: друзья и родственники Гоголя должны были начать хлопоты об издании его сочинений и в том числе найденных отрывков из второй части „Мертвых душ“12.

Насколько велики были препятствия к изданию сочинений Гоголя, свидетельствует то, что его произведения после обычного рассмотрения в цензуре были направлены на специальный дополнительный отзыв к начальнику штаба жандармского корпуса Л. В. Дубельту. В своей докладной записке Дубельт вынужден был признать, что „цензоры отметили в ненапечатанных сочинениях и в рукописях Гоголя весьма много мест, почти на каждой странице, которые, будучи отдельно взяты, подвергались осуждению не потому, чтобы в них заключались преступные мысли, но потому только, что они могут быть истолкованы читателями в превратном виде и подать повод к неблаговидным заключениям“13.

Приступившему к завершению издания, начатого еще самим Гоголем, его племяннику Н. П. Трушковскому лишь через три с половиной года — 2 июня 1855 года — удалось получить подтверждение цензурного разрешения: Все эти годы частично отпечатанные листы четырех томов лежали в типографиях. В 1856 году собрание сочинений было дополнено еще двумя томами — пятым и шестым, куда вошли статьи из „Арабесок“ и „Современника“, сочинения, не бывшие в печати, отрывок из „Мертвых душ“ и т. д. В редакции отдельных материалов принял участие О. М. Бодянский.

15 Память о Гоголе с особой силой ожила в Москве в торжественные дни открытия памятника Пушкину. Как ранее живой Пушкин вводил в русскую словесность Гоголя, заботился о нем, как о младшем литературном собрате, направляя его советами, подсказывая ему сюжеты его основных произведений, так теперь имя Пушкина живо напомнило и о Гоголе. На втором пушкинском заседании Общества любителей российской словесности, 8 июня 1880 года, драматург А. А. Потехин от лица всех участвовавших в торжествах писателей внес предложение положить начало всенародной подписке на сооружение в Москве памятника Гоголю. Несмолкаемые аплодисменты были единодушным ответом. Присутствовавшие потребовали немедленно составить листы обращения, которые тут же были подписаны. 1 августа Обществу было разрешено приступить к сбору средств.

Памятник Н. В. Гоголю работы Н. А. Андреева. Фотография начала XX в.

На проведенном конкурсе был утвержден проект скульптора Н. А. Андреева. Уже в первые дни после открытия памятник вызвал ряд справедливых нареканий среди прогрессивно настроенных кругов, так как Гоголь был изображен тяжело

больным, бессильно сидящим в мрачном раздумье, зябко закутавшись в плащ. Современник записывает характерную беседу: „Совсем неудачно! — резко критикует памятник какой-то молоденький студентик, — Гоголь не должен иметь такого удрученного вида, это не автор „Ревизора“ и „Мертвых душ“, а какой-то нервно расстроенный субъект“. „Да, да, совершенно верно, — замечает его собеседник, — художник сделал ошибку, изобразив Гоголя, по-видимому, в самый последний период его жизни, когда тот писал свою „Авторскую исповедь“ и вел переписку с друзьями, готовый отречься от лучших своих произведений. Гоголь этого периода не имеет для нас никакой цены и не за что ему было бы ставить памятник“1. Более удались автору барельефы, живые и реалистические, опоясывавшие постамент памятника и изображавшие персонажей из „Вечеров на хуторе близ Диканьки“, „Петербургских повестей“, „Ревизора“ и „Мертвых душ“. В этих группах были запечатлены два москвича: в Бобчинском — великий русский актер И. М. Москвин, над бюстом которого в роли Бобчинского Андреев тогда работал; в Тарасе Бульбе — известный бытописатель старой Москвы В. А. Гиляровский.

Открытие памятника на Арбатской площади состоялось в воскресенье 26 апреля (9 мая по новому стилю) 1909 года, в 12 часов дня уже к 10 часам площадь была заполнена народом. „С разных концов города к Арбатской площади шли люди… На пути встречались главным образом молодежь и дети — учащиеся во всевозможных учебных заведениях; школьные депутации. То там, то здесь над толпою возвышался стяг с лавровым венком наверху и отчетливо сделанной надписью — названием училища“2. В значительной мере торжества были испорчены нераспорядительностью „отцов города“ — городской думы, израсходовавшей на проведение празднества „всего 1161 руб. 63 коп.“3. Трибуны для публики были сделаны с такой „экономией“, что в последнюю минуту были не приняты техническим контролем из опасения, что обрушатся под сидящими… „Можно сказать, что городская управа всех на ноги поставила!“— острят в толпе»4. Отсутствие порядка сказалось и в допуске на площадь публики. Давка и неразбериха были столь велики, что несколько депутаций так и не смогли добраться до памятника с венками. Однако, успокоительно писали газеты, «несмотря на давку, торжество прошло все-таки благополучно, — несчастных случаев не было. Зарегистрировано лишь около 40 случаев обморока среди школьников (преимущественно среди девочек), переутомившихся от долгого, 5-часового стояния на площади»5.

После ряда речей началось возложение венков депутациями. Одним из первых был возложен венок «От племянников и племянниц Быковых — дорогому нашему дяде». Депутации представляли научные и художественные общества, издательства и редакции, студенческие землячества и школы, рабочие курсы. Число депутаций было свыше 200.

Открытие памятник Н. В. Гоголю на Арбатской площади. 26 апреля 1909 г.

Во время возложения венков у памятника и дефилирования учащихся низших, средних и высших учебных заведений военными оркестрами и хором учащихся в 2500 человек исполнялась кантата М. М. Ипполитова-Иванова в память Гоголя под личным дирижированием автора. Несмотря на то, что официальная часть закончилась к 3 часам, москвичи не расходились с площади до позднего вечера.

Гоголевские празднества 1909 года в Москве продолжались три дня. Обществом любителей российской словесности было проведено три заседания, в консерватории был дан большой концерт под управлением С. В. Рахманинова, в Большом театре шла опера «Майская ночь» Римского-Корсакова, в Малом — «Ревизор».

Уезжая после празднеств, группа иностранных писателей и журналистов писала москвичам: «Более всего поражает нас в русской литературе то необычайное сочувствие ко всему, что страдает, к униженным и оскорбленным, к пасынкам жизни… Оно есть чувство истинного братства, которое объединяет все разнородное человечество. С такими качествами русская литература стала факелом, ярко светящим в самых темных углах русской национальной жизни. Но свет этого факела разлился

далеко за пределы России, — он озарил собой всю Европу. И мы твердо верим, что народ, совершивший такую великую и мужественную работу в деле освобождения человеческого духа, сумеет также добиться полного и свободного развития в жизни, за которое он так долго боролся и страдал»6.

(16)

Великая Октябрьская социалистическая революция принесла свободу народам нашей Родины. Москва является ныне символом мира, столицей прогрессивного человечества.

И память о великом русском писателе Гоголе благодарно живет в нашей советской Москве. Места, где он жил и творил, посещаются многочисленными экскурсантами, приезжими и москвичами всех профессий, всех возрастов.

Имя Гоголя присвоено былому Пречистенскому бульвару — ныне Гоголевский бульвар. В Сокольническом районе имеется Гоголевская улица. На Красной Пресне библиотека № 65 носит имя писателя. В Ленинском районе юные читатели любовно посещают детскую библиотеку № 29 им. Н. В. Гоголя. На канале им. Москвы в яркие солнечные дни экскурсанты любуются мощным пароходом «Н. В. Гоголь».

Слово Гоголя, беспощадно бичевавшее самодержавный строй, дорого советскому читателю. Собрания его сочинений, некогда выходившие в крохотных тиражах, Москва печатает в многотысячном количестве экземпляров. Но и их не всегда хватает, чтобы удовлетворить потребности читателей.

Лишь в наши дни социальная глубина драматургии Гоголя достигла полного сценического раскрытия. Его пьесы не сходят со сцен профессиональных и самодеятельных театров. Неумирающую сатиру Гоголя восторженно встречают советские зрители.

Находящаяся в Москве Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина бережно хранит ряд рукописей и значительную часть архива Гоголя. Здесь находятся автографы «Мертвых душ», «Тараса Бульбы», «Сорочинской ярмарки», «Майской ночи», а также записные книжки писателя. Исключительный интерес представляет печатный экземпляр «Ревизора» с собственноручными пометками Гоголя. Гоголь подарил его М. С. Щепкину, который в свою очередь подарил его М. В. Лентовскому, Лентовский — К. С. Станиславскому, от последнего книга поступила в библиотеку. Архивные фонды библиотеки по Гоголю составляют 2500 листов.

Общественность нашей столицы горячо откликается на юбилейные гоголевские даты. В 1927 году Москва отмечала 75-летие со дня смерти писателя. Собравшись 5 марта у Дома Герцена (Тверской бульвар, дом № 25), стройные колонны московских писателей, артистов, журналистов, студентов, рабфаковцев двинулись к памятнику Гоголя.' Прибывшими отряда организаций были возложены венки к его подножию.

От Центрального и Московского Комитетов ВКП(б) выступил Ем. Ярославский. Речь о значении творчества Гоголя произнес А. В. Луначарский. От писательской общественности выступал А. А. Фадеев, от театральной — артист Малого театра М. С. Нароков.

Надгробие Н. В. Гоголю на Новодевичьем кладбище

31 мая 1931 года прах Гоголя был перенесен на кладбище Новодевичьего монастыря. 9 сентября 1951 года на его могиле было поставлено надгробие, украшенное бюстом писателя работы скульптора Н. В. Томского. В марте 1952 года все прогрессивное человечество отмечало 100-летие со дня смерти великого русского художника слова. По решению Венской сессии Всемирного Совета Мира, все народы мира приняли участие в гоголевских днях. В нашей многонациональной стране не было уголка, где бы с любовью не прозвучало это славное имя.

В феврале и марте 1952 года были проведены многочисленные торжественные заседания и вечера памяти Гоголя в Академии наук СССР, научно-исследовательских институтах, университетах, педагогических вузах, музеях, домах культуры, клубах, школах. Свыше миллиона экземпляров книг Гоголя было выпущено в этом году на тринадцати языках народов нашей страны. Были изданы собрания его сочинений, отдельные произведения, исследовательские работы, статьи и плакаты о жизни и творчестве великого писателя.

Многомиллионный советский зритель восторженно смотрел новые постановки гоголевских пьес в многочисленных театрах нашей страны и на сценах самодеятельных коллективов. В Москве Центральный театр Советской Армии поставил «Ревизора», в МХАТ им. Горького шли «Мертвые души», в Малом театре — «Ревизор». В просторных московских аудиториях прошли литературные чтения, посвященные великому писателю. Вся страна и зарубежные друзья слушали в московских радиопередачах произведения Гоголя, радиопостановки его пьес, лекции о его творчестве.

В залах Государственного Литературного музея была открыта Всесоюзная гоголевская выставка, давшая широкий обзор жизни и творчества писателя. На ней были показаны портреты Гоголя и его современников, многочисленные издания его сочинений, иллюстрации к ним дореволюционных и советских художников, эскизы декораций и фотографии постановок, картины и фотографии, изображающие памятные места, высокохудожественные изделия народных промыслов Палеха, Федоскина, резьба на кости на гоголевские темы.

В выставочном зале оргкомитета Союза советских художников СССР была устроена выставка «Н. В. Гоголь в произведениях советских художников». На ней демонстрировались новые иллюстрации к его сочинениям художников А. Герасимова, Е. Кибрика, Ю. Коровина, Н. Кузьмина, Кукрыниксов, А. Лаптева, А. Пластова и других, скульптурные портреты З. Виленского, М. Манизера,

А. Мануйлова, Н. Томского, палехские лаки и фарфор.

Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина показала выставку «Произведения Н. В. Гоголя в книжной и альбомной иллюстрации», на которой экспонировались работы А. Агина, П. Боклевского, И. Крамского, П. Соколова, В. Маковского, И. Прянишникова, И. Репина и советских мастеров.

В музее-усадьбе «Абрамцево», где так любил бывать Гоголь, была открыта выставка, посвященная 100-летию со дня его смерти. Посетители проходили по тем аллеям, по которым некогда Гоголь гулял с С. Т. Аксаковым, осматривали комнаты, где собирались абрамцевские обитатели и их гости, ту гостиную, в которой Гоголь читал «Мертвые души», комнату в мезонине, где он останавливался.

С середины 1930-х годов советские скульпторы напряженно работали над созданием нового памятника Гоголю в Москве. В ряде последовательно проводившихся конкурсов приняли участие как крупнейшие мастера советской скульптуры, так и художественная молодежь. На последнем конкурсе лучшим был признан проект Н. В. Томского.

В ясный солнечный день 2 марта 1952 года состоялось открытие нового памятника великому писателю. «Над меховыми шапками и пуховыми платками колышутся в поднятых руках по-особенному яркие и такие неожиданные в этот зимний день букеты живых цветов. И такие же яркие, как эти цветы, раскрасневшиеся на зимнем ветру лица детей, юношей и девушек мелькают в многотысячной толпе людей… Писатели, ученые, деятели искусств, представители партийных и общественных организаций, трудящиеся, студенчество столицы собрались у подножия памятника»1. Ровно в три часа дня писатель Николай Тихонов открывает торжественный митинг. Он говорит, что «… имя Гоголя повторяют ныне все народы нашей многонациональной Родины и народы за рубежами нашей страны, все свободолюбивые люди мира, потому что это наше торжество объединяет передовых деятелей культуры, борцов за мир, за дружбу между народами, так как творения Гоголя есть богатейшее достояние всего человечества»2. Спадает покрывало, и перед глазами тысяч москвичей, заполнивших площадь, встает в ярком бирюзовом небе бронзовая фигура Гоголя, устремленная в будущее, запечатляющая тот образ писателя — сатирика и гуманиста, который дорог и любим миллионами читателей. На высоком гранитном постаменте высечены слова:

Великому русскому

художнику слова

Николаю Васильевичу

ГОГОЛЮ

от Правительства

Советского Союза

2 марта 1952 года

О глубокой любви советского народа к творениям Гоголя говорил писатель Л. Леонов, от имени украинских писателей и ученых выступил А. Корнейчук. «Торжественно звучит над площадью Государственный Гимн Советского Союза. Люди устремились к памятнику любимого писателя. И в мгновенье гранитные ступени пьедестала доверху покрываются яркой мозаикой живых цветов»3. Площадь не пустела до поздней ночи.

4 марта в Большом театре состоялось торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня смерти Гоголя. Зрительный зал был празднично убран. В глубине сцены находился портрет Гоголя с датой «1852–1952». На страницах раскрытой книги были начертаны проникновенные слова писателя: «Мысли мои, мое имя, мои труды будут принадлежать России…».

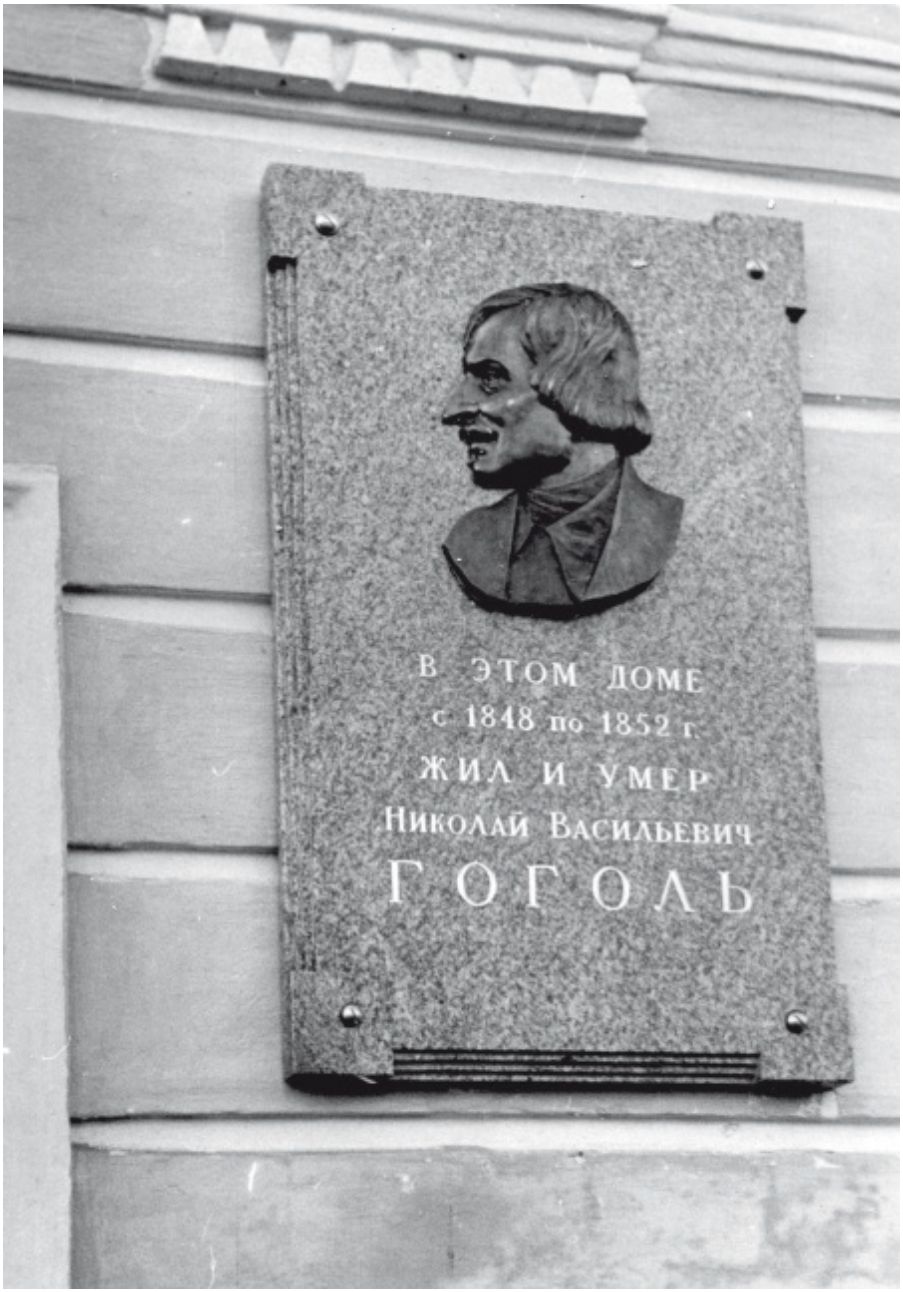
На этом заседании в ярких выступлениях представителей литературы различных стран мира — Китая и Франции, Кореи и Англии, Польши и Германии, Болгарии и Венгрии, Румынии и Чехословакии — с особой силой прозвучало признание мирового значения творчества Гоголя. Прогрессивный турецкий поэт Назым Хикмет говорил: «Любовь Гоголя к свету, к жизни, к человеку, его гневная ненависть ко всему тому, что мешает людям жить свободно и счастливо, одинаково близка и понятна и французам, и неграм, и норвежцам, и другим народам. Оставаясь глубоко русским, Гоголь принадлежит всему прогрессивному человечеству… Слава народу, который дал миру Гоголя! Счастье народов всего мира, что они имеют такого замечательного

писателя!»4

Гоголевские дни в Москве были подлинным праздником передовой культуры всего человечества.

Свыше столетия отделяет нас от тех черных, безрадостных дней, когда жил и творил Николай Васильевич Гоголь. Но и сегодня, через сто лет, его полнозвучное слово не утратило ни своей поэтической прелести, ни задорного юмора, ни живописной сочности, ни разящей сатирической силы. Все его творчество проникнуто горячим чувством беспредельной любви к родине и народу, светлой верой в его богатырские силы. Открывая новый памятник Гоголю, писатель Николай Тихонов говорил: «Он всем сердцем верил, что русский народ, который он изображал в цепях темного крепостничества, изображал сражающимся за свою свободу, изображал бесконечно талантливым, красивым, добрым и сильным, этот народ вынесет все испытания, все мучения и выйдет на широкий простор и ничто его не остановит»5. По словам Гоголя, «для русского человека нет невозможного дела»6. Глядя в будущее, он вдохновенно обращался в «Тарасе Бульбе»: «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!»7.

Советский народ чтит в Гоголе писателя-гражданина, отдавшего все свое дарование, весь свой подвижнический, самозабвенный труд делу сужения народу. Н. Г. Чернышевский писал о нем: «Как ни велики твои ошибки, мученик скорбной мысли и благих стремлений, но ты был одним из благороднейших сынов России, и безмерны твои заслуги перед родиной»8.



Мемориальная доска на доме по Никитскому бульвару, 7а

Гоголь дорог нам как величайший художник-реалист, как писатель-патриот. Созданные им образы не потеряли и ныне мощи своего идейно-художественного воздействия. Неоднократно они были творчески использованы бессмертным Лениным и великим Сталиным в борьбе против идейно-политических противников. Сохраняя всю яркость своей обличительной силы,

образы Гоголя в этом использовании обогащались новым — углубленным и расширенным — содержанием, обусловленным новой исторической обстановкой. В суровой правдивости и возвышенной демократичности заключена неослабевающая жизненность творчества Гоголя.

Благородная вера в грядущий расцвет могучих сил народа, беспощадное обличение недостатков и пережитков, стоящих на пути к его светлому будущему, роднит славные традиции Гоголя с советской литературой. Выступая с отчетным докладом ЦК ВКП(б) XIX съезду партии, Т. М. Маленков говорил: «Нам нужны советские Гоголи и Щедрины, которые огнем сатиры выжигали бы из жизни все отрицательное, прогнившее, омертвевшее, все то, что тормозит движение вперед»9.

В борьбе за великое будущее, открывшееся перед нами, Гоголь — наш верный соратник и живой современник.

Даты жизни и творчества Н. В. Гоголя в Москве

1832 год

27–28 июня. Первый приезд Гоголя в Москву. Встречи с М. П. Погодиными знакомство с С. Т. Аксаковым, М. Н. Загоскиным, М. С. Щепкиным, И. И. Дмитриевым и П. В. Киреевским (последнее, возможно, состоялось в следующий приезд). Гоголь лечится у И. Е. Дядьковского, известного московского клинициста.

7 июля. Отъезд Гоголя из Москвы в Васильевку.

7–8 июля. Гоголь в Подольске.

18 октября. Гоголь по дороге в Петербург вновь останавливается в Москве. Знакомство с М. А. Максимовичем и О. М. Бодянским.

23 октября. Гоголь собирается, по его словам, «непременно выехать», но отъезд состоялся, вероятно, позднее; 30 ноября он писал И. И. Дмитриеву из Петербурга: «Сегодня будет месяц, как я нахожусь здесь».

1834 год

Конец февраля — начало марта. Гоголь избран в члены Общества любителей российской словесности при Московском университете.

1835 год

Первые числа мая. Гоголь по дороге в Васильевку проводит несколько дней в Москве.

4 мая. Гоголь у М. П. Погодина читает москвичам комедию «Женитьба» (тогда называвшуюся «Женихи»),

Май. Первая встреча с В. Г. Белинским у С. Т. Аксакова.

Вторая половина августа. Возвращаясь в Петербург, Гоголь вновь останавливается1 в Москве. Чтение «Женитьбы» у И. И. Дмитриева. Статьи В. Г. Белинского о творчестве Гоголя: «Гоголь. Арабески и Миргород» («Молва», 1835, № 15, ценз. разр. от 12 апреля) и «О русской повести и повестях г. Гоголя» («Телескоп», 1835, № 7 и 8, ценз. разр. от 1 и 21 сентября).

1836 год

25 мая. Премьера «Ревизора» в Москве (Малый театр).

1839 год

26 сентября. Гоголь вместе с М. П. Погодиным приехал в Москву и остановился у него.

Конец сентября. Гоголь гостит три дня в Волынском у М. С. Щепкина.

2 октября. Гоголь и М. С. Щепкин посещают С. Т. Аксакова.

Начало октября. Гоголь читает свои произведения В. А. Жуковскому у Елагиных…

7 октября. Гоголь и М. П. Погодин навещают бывшего в Москве проездом филолога И. И. Срезневского.

14 октября. Гоголь в присутствии П. В. Нащокина, И. И. Панаева и М. С. Щепкина читает у Аксаковых «Тяжбу» и первую главу «Мертвых душ».

Октябрь. Гоголь часто бывает у Чертковых и читает здесь «Тяжбу».

17 октября. Гоголь в первый раз смотрит московскую постановку «Ревизора» (Большой театр). Избегая горячих оваций публики, он уехал после второго акта, к Чертковым.

26 октября. Гоголь с С. Т. Аксаковым и его дочерью Верой и сыном Михаилом выехал в Петербург.

21 декабря. Гоголь с сестрами Анной и Елизаветой, окончившими в Петербурге Патриотический женский институт, и С. Т. и В. С. Аксаковыми вернулся в Москву… Вместе с сестрами он остановился у М. П. Погодина. Продолжает работу над «Тяжбой», «Лакейской» и первым томом «Мертвых душ». Почти ежедневно посещает Аксаковых, бывает у А. П. Елагиной, Д. Н. Свербеева, А. С. Хомякова, вероятно у Павловых, встречается с П. А. Вяземским и А. И. Тургеневым.

1840 год

Январь. Встречи Гоголя с композитором А. Н. Верстовским, собиравшимся писать оперу «Страшная месть» на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки». У Гоголя бывает приятель В. Г. Белинского художник К. А. Горбунов. Гоголь знакомится со статьей Белинского «Горе от ума» («Отечественные записки», № 1), в значительной части посвященной разбору «Ревизора». Статья оказала большое влияние на Гоголя. Гоголь заканчивает «Тяжбу» и «Лакейскую».

4 февраля Гоголь читает у Аксаковых начало повести «Анунциата», незаконченной и напечатанной впоследствии под названием «Рим».

Середина февраля. Гоголь знакомится с Т. Н. Грановским и посещает его.

19 февраля Гоголь читает «Анунциату» у Киреевских в присутствии Т. Н. Грановского.

6 марта Гоголь читает у Аксаковых четвертую главу «Мертвых душ».

Март. Приезд в Москву для свидания с сыном матери писателя М. И. Гоголь с дочерью Ольгой. Остановились у М. П. Погодина.

Март — начало апреля. В одну из «суббот» Гоголь читал у Аксаковых пятую главу «Мертвых душ».

17 апреля Гоголь читает у них же в присутствии А. О. Армфельда и В. А. Панова шестую главу «Мертвых душ».

Апрель. Знакомство Гоголя с В. П. Боткиным.

27 апреля М. И. Гоголь с дочерьми Анной и Ольгой уезжает в Васильевку, оставив в Москве дочь Елизавету.

9 мая Гоголь устраивает в погодинском саду свой первый именинный обед. На нем присутствовали: К. С. Аксаков, Е. А. Баратынский, П. А. Вяземский, Глинки, М. А. Дмитриев, М. Н. Загоскин, М. Ю. Лермонтов, М. Ф. Орлов, М. П. Погодин, А. Н. Попов, Ю. Ф. Самарин, Д. Н. Свербеев, А. И. Тургенев, А. С. Хомяков, П. Я. Чаадаев, М. С. Щепкин, профессора А. О. Армфельд и П. Г. Редкий. После обеда М. Ю. Лермонтов читал собравшимся «Мцыри».

10 мая Е. В. Гоголь переехала от Погодиных к П. И. Раевской. Гоголь и М. Ю. Лермонтов проводят вечер у Свербеевых

18 мая. Переночевав у Аксаковых, Гоголь вместе с В. А. Пановым уезжает в Варшаву. Его провожают до Перхушкова С. Т. и К. С. Аксаковы, М. П. Погодин и М. С. Щепкин.

1841 год

17 октября Гоголь приехал в Москву и остановился вновь у М. П. Погодина. В этот приезд он продолжает работу над первым томом «Мертвых душ» и заканчивает вторую редакцию «Тараса Бульбы».

18 октября Гоголь посещает Аксаковых.

Конец октября. Перед сдачей в переписку Гоголь читает С. Т. Аксакову, К. С. Аксакову и М. П. Погодину последние пять глав первого тома «Мертвых душ».

7 декабря Гоголь посещает цензора И. М. Снегирева и передает ему рукопись первого тома «Мертвых душ».

12 декабря. Постановление московского цензурного комитета о передаче И. М. Снегиреву на рассмотрение рукописи первого тома «Мертвых душ». Резко отрицательное отношение к поэме в московском цензурном комитете вынуждает Гоголя взять рукопись обратно.

1842 год

Начало января. Свидание с В. Г. Белинским, скрытое от Аксаковых, М. П. Погодина и С. П. Шевырева. Гоголь поручает ему цензурные хлопоты о поэме в петербургской цензуре.

Начало февраля. Гоголь читает «Анунциату» («Рим») у С. Т. Аксакова и на литературном вечере у московского генерал-губернатора Д. В. Голицына.

Февраль. Встречи Гоголя с Н. П. Огаревым.

Февраль — март. Гоголь получает ряд успокоительных сообщений от В. Ф. Одоевского, П. А. Плетнева, Н. Я. Прокоповича, А. О. Смирновой об успешном прохождении рукописи «Мертвых душ» в петербургской цензуре. Но, не получая из Петербурга самой рукописи с официальным разрешением печатать ее, он находится в удрученном состоянии: «Я уведомлен, что здесь хотят пропустить, но это, кажется, только слова, полагаться нельзя», — пишет он В. Ф. Одоевскому.

Конец февраля — начало марта. Гоголь заканчивает новую редакцию «Портрета».

9 марта. Цензор А. В. Никитенко разрешает к печати первый том «Мертвых душ», за исключением «Повести о капитане Копейкине» и ряда «сомнительных» мест.

11 марта. Разрешена к печати третья книжка «Москвитянина» за 1842 год, где напечатана повесть «Рим».

Март. Знакомство с Н. Н. Шереметевой.

5 апреля Гоголем получена рукопись первого тома «Мертвых душ» с цензурным разрешением.

Между 5 и 9 апреля. Начат печатанием первый том «Мертвых душ» в количестве М00 экземпляров.

10 апреля Гоголь посылает П. А. Плетневу новую редакцию «Повести о капитане Копейкине» и письмо цензору А. В. Никитенко.

14 апреля В. Г. Белинский пишет письмо М. С. Щепкину о мытарствах рукописи Гоголя в Петербурге.

20 апреля В. Г. Белинский пишет письмо Гоголю, в котором сообщает о своем намерении по выходе из печати «Мертвых душ» написать о них и о творчестве писателя ряд статей. В этом же письме он пытается выяснить отношение Гоголя к «Отечественным запискам» и называет Погодина и Шевырева «холопами» министра С. С. Уварова.

20-е числа апреля. Встречи с В. Ф. Одоевским.

1 мая Гоголь посещает майское гулянье в Сокольниках.

Первые числа мая. Приезд М. И. Гоголь с дочерью Анной для свидания с сыном. Остановились у М. П. Погодина.

9 мая. Второй именинный обед Гоголя в погодинском саду. Присутствовали С. Т. и К. С. Аксаковы, А. О. Армфельд,

Т. Н. Грановский, М. Н. Загоскин, И. В. и П. В. Киреевские, П. В. Нащокин, Н. Ф. Павлов, С. В. Перфильев, М. П. Погодин, П. Г. Редкий, Ю. Ф. Самарин, Д. Н. Свербеев, А. С. Хомяков.

Между 11 и 15 мая Гоголь получает рукопись «Повести о капитане Копейкине» с цензурным разрешением.

Около 18 мая вышли из печати первые экземпляры первого тома «Мертвых душ». Продажу издания Гоголь поручает С. П. Шевыреву.

20 мая Гоголь присутствует на именинах А. С. Хомякова.

21 мая Гоголь, М. П. Погодин и С. П. Шевырев присутствуют на именинах К. С. Аксакова.

23 мая. Вышел № 41 «Московских ведомостей» с объявлением: «Похождения Чичикова или „Мертвые души“, поэма Н. Гоголя, напечатана на веленевой бумаге, и большую 8-ю долю листа, 475 стр., М. 1842 г., цена в красивой обертке 10 р. 50 к.». В тот же день Гоголь уехал из Москвы в Петербург. У Аксаковых он простился с матерью и сестрами. С. Т. Аксаков, К. С. Аксаков и М. С. Щепкин провожают его до Химок.

1843 год

5 февраля, В бенефис М. С. Щепкина (Большой театр) поставлены «Женитьба» (Подколесина играл М. С. Щепкин, Кочкарева — В. И. Живокини) и «Игроки» (Утешительного играл М. С. Щепкин, Ихорева — Д. Т. Ленский).

1848 год

Около 10 сентября Гоголь приехал в Москву. Посещает Аксаковых (С. Т. Аксаков сходился в Абрамцеве) и Свербеевых. Остановился у С. П. Шевырева.

12–13 сентября. Отъезд Гоголя в Петербург.

Около 14 октября Гоголь вернулся в Москву. Поселился сначала, вероятно, у С. П. Шевырева, затем переехал к М. П. Погодину.

4 ноября Гоголь смотрит «Игроков» в Малом театре.

11 ноября М. П. Погодин по случаю переезда к нему Гоголя торжественно справ-1яет день своего рождения.

Ноябрь — декабрь. Гоголь читает вслух у Аксаковых «Одиссею» в переводе В. А. Жуковского и русские песни, собранные Терещенко.

20-е числа декабря. Гоголь переезжает к приехавшему в Москву А. П. Толстому.

1849 год

19 марта Гоголь вместе с П. М. Языковым обедает у

Аксаковых. Этот день он читал днем своего рождения (по метрической записи — 20 марта) и обычно проводил его у Аксаковых.

9 мая. Именинный обед Гоголя в погодинском саду. Присутствовали С. Т., К. С. и И. С. Аксаковы, А. О. Армфельд, М. Н. Загоскин, Н. А. Мельгунов, П. В. Нащокин, Н. Ф. Павлов, М. П. Погодин, Ю. Ф. Самарин и другие.

5 июня. Поездка Гоголя вместе с М. П. Погодиным в Остафьево к П. А. Вяземскому.

Июнь. Встречи с Я. К. Гротом.

24 июня Гоголь присутствует на именинном обеде И. В. Капниста в Сокольниках.

25 июня. Приезд в Москву А. О. Смирновой. Гоголь часто у нее бывает и знакомится с ее единоутробным братом Л. И. Арнольди.

Первые числа июля. Отъезд Гоголя вместе с Л. И. Арнольди в Калугу к А. О. Смирновой.

Последние числа июля. Гоголь вместе с Д. А. Оболенским возвращается из Калуги в Москву.

Июль. Поездка Гоголя на дачу в Большие Вяземы к С. П. Шевыреву, которому «и читает первые главы второго тома „Мертвых душ“».

14 августа. Первый приезд Гоголя в Абрамцево к Аксаковым.

18 августа Гоголь читает Аксаковым первую главу второго тома «Мертвых душ».

20 августа. Отъезд Гоголя из Абрамцева. По дороге в Москву он заезжает к Н. В. Путяте в Мураново.

21 сентября. Второй приезд Гоголя в Абрамцево.

27 сентября. Отъезд в Москву.

Конец октября. Приезд в Москву для свидания с Гоголем М. А. Максимовича.

3 декабря Гоголь присутствует на чтении А. Н. Островским при участии П. М. Садовского комедии «Банкрут» (впоследствии по требованию цензуры названной «Свои люди — сочтемся»). Чтение происходило у М. П. Погодина.

Декабрь(?). Гоголь присутствует у М. П. Погодина на чтении М. С. Щепкиным его произведений.

21 декабря Гоголь посещает О. М. Бодянского и поздравляет с «победой над супостаты», то есть с возвращением в Московский университет, откуда О. М. Бодянский был удален за публикацию в «Чтениях в Московском обществе истории и древностей Российских» перевода сочинения Флетчера «О государстве Русском, или образ правления русского царя…» 1591 г.

Зима 1848/49 года. Гоголь, О. М. Бодянский и

М. А. Максимович собираются по воскресеньям у Аксаковых, чтобы «упиться песнями».

1850 год

Начало января. Гоголь читает Аксаковым вновь переработанную первую главу второго тома «Мертвых душ». С. Т. Аксаков читает Гоголю отдельные главы «Записок ружейного охотника».

19 января Гоголь читает у себя М. А. Максимовичу и М. П. Погодину первые главы второго тома «Мертвых душ». В тот же день он читает у Аксаковых вторую главу второго тома «Мертвых душ».

Первые числа марта. Гоголь встречается с пробывшей в Москве три дня А. О. Смирновой.

19 марта. Этот день, считаемый Гоголем днем своего рождения, он проводит у Аксаковых вместе с О. М. Бодянским и М. А. Максимовичем. Присутствуют С. М. Соловьев и А. С. Хомяков.

9 мая. Именинный обед Гоголя в погодинском саду. Участвуют К. С. Аксаков, Н. В. Берг, А. И. Кошелев, М. А. Максимович, А. Н. Островский, М. П. Погодин и другие.

21маяГоголь,О. М. Бодянский,М. А. Максимович,Д. Н. Свербеев и А. С. Хомяков на именинах К. С. Аксакова.

Май. Гоголь встречается с художником П. А. Федотовым.

13 июня. После обеда у Аксаковых Гоголь и М. А. Максимович уезжают из Москвы на Украину. В Подольске они встречаются с Хомяковыми и проводят вместе вечер.

1851 год

5 июня Гоголь вернулся в Москву, «чтобы заняться делами по части приготовления к печати „М[ертвых] д[уш]“ „второго тома“ (письмо к П. А. Плетневу от 15 июня 1851 г.).

Июнь. Гоголь посещает Аксаковых в Абрамцеве.

24 июня Аксаковы приезжают в Москву.

25 июня Гоголь приносит к Аксаковым свои новые записи народных песен и читает у них четвертую главу второго тома „Мертвых душ“.

25–26 июня Гоголь вместе с Л. И. Арнольди уезжает к А. О. Смирновой в ее подмосковную усадьбу Спасское.

Июль — начало августа Гоголь живет на даче у С. П. Шевырева, которому читает в незаконченной редакции семь глав второго тома „Мертвых душ“.

22 августа Гоголь, В. В. Назимов и В. М. Снегирев смотрят с бельведера Дом Пашкова (позже — Государственная библиотека

СССР им. В. И. Ленина) иллюминацию Кремля,

Середина сентября. Приезд Гоголя в Абрамцево.

22 сентября Гоголь уезжает в Васильевку на свадьбу сестры, но, почувствовав себя в дороге нездоровым, возвращается в Москву к 30 сентября.

23 сентября. Попечитель Московского учебного округа В. И. Назимов заезжает на квартиру Гоголя, чтобы поставить его в известность о том, что второе издание собрания сочинений писателя будет им разрешено к печати, для чего необходимо обычным порядком сдать его в цензуру.

30 сентября Гоголь вместе с С. Т. и К. С. Аксаковыми в последний раз приезжает в Абрамцево. Поездка в Загорск и Хотьково.

2 октября. Отъезд Гоголя в Москву.

Сентябрь — октябрь. Встречи Гоголя с П. В. Анненковым. Беседы об А. С. Пушкине.

10 октября. Цензурное разрешение второго издания сочинений Гоголя.

15 октября. Гоголь вместе с Аксаковыми смотрит С. В. Шуйского, в первый раз играющего Хлестакова в „Ревизоре“ (Малый театр).

После 15 октября Гоголь вместе с А. О. Смирновой и Л. И. Арнольди вторично смотрит С. В. Шуйского в роли Хлестакова.

20 октября М. С. Щепкин знакомит с Гоголем И. С. Тургенева. 3 октября Гоголь на вечере у Аксаковых рассказывает о том, что первую идею „Ревизора“ ему дал А. С. Пушкин рассказом о П. П. Свиньине, выдававшем себя в Бессарабии за важного петербургского чиновника.

5 ноября Гоголь у себя на квартире читает московским писателям и артистам „Ревизора“. Присутствовали С. Т. Аксаков (?), И. С. Аксаков, Н. В. Берг, Г. П. Данилевский, П. М. Садовский, И. С. Тургенев, С. П. Шевырев, С. В. Шумский, М. С. Щепкин и другие.

8 ноября Гоголь посещает больного М. Н. Загоскина.

Первая половина ноября. Гоголь читает у попечителя Московского учебного округа В. И. Назимова главы второго тома „Мертвых душ“.

30 ноября Гоголь сообщает П. А. Плетневу: „Печатанье сочинений… устроилось здесь“.

1852 год

1 января Гоголь сообщает посетившему его Л. И. Арнольди о том, что второй том Мертвых душ» им закончен.

9 января Гоголь присутствует на бенефисе М. С. Щепкина в Большом театре.

Январь. Встречи Гоголя с приехавшим в Москву художником И. К. Айвазовским. Гоголь работает над корректурами четырех томов второго издания Собрания своих сомнений.

26 января. Смерть Е. М. Хомяковой, сестры Н. М. Языкова, оказавшая на Гоголя исключительно тяжелое впечатление.

Последние числа января. Беседы с Гоголем приехавшего из Ржева к А. П. Толстому Матвея Константиновского, требовавшего отказа Гоголя от писательской деятельности.

Первые числа февраля. Гоголь встречается с декабристом М. М. Нарышкиным, 5 февраля Гоголь провожает на вокзал о. Матвея Константиновского, после чего оставляет литературную работу.

Ночь с 11 на 12 февраля. Гоголь сжигает рукопись второго тома «Мертвых душ».

20 февраля. В присутствии А. П. Толстого, И. В. Капниста и А. С. Хомякова больного Гоголя собран консилиум врачей А. И. Овера, К. И. Сокологорского. Т. Тарасенкова, А. Е. Эвениуса. Позднее приехал И. В. Варвинский.

21 февраля, в 8 часов утра. Смерть Николая Васильевича Гоголя.

25 февраля. Погребение праха Гоголя на кладбище Данилова монастыря.

Памятные места в Москве, связанные с жизнью и творчеством Н. В. Гоголя [37]

Дома, где жил Н. В. Гоголь

Где Гоголь останавливался в Москве в 1832 и 1835 годах — неизвестно.

Дегтярный пер.

№ 4 (сохр. в измененном виде). Жил в октябре 1848 года.

Погодинская ул.

№ 10–12 (не сохр.). Жил в 1839–1840, 1841–1842 и 1848 годах. Здесь он работал над первым томом «Мертвых душ», закончил «Тяжбу» и «Лакейскую», новую редакцию «Тараса Бульбы» и «Портрета».

Суворовский бульвар (Никитский бульвар).

№ 7 (изменен боковой фасад). Жил с декабря 1848 года все последующие пребывания в Москве. Работал над вторым томом «Мертвых душ». Здесь же умер 21 февраля 1852 года.

Дома, где бывал Н. В. Гоголь

Антипьевский пер.

№ 2. П. Г. Редкин (не сохранившийся дом находился в глубине владения), 1841–1842 годы.

Арбат

№ 23 (не сохр.). А. С. Хомяков. 1841–1842 годы.

Арбатская площадь.

Дом Савич; находился на территории нынешнего сквера впереди Арбатской станции метро. А. П. Елагина. 1839–1840 годы.

Афанасьевский Большой пер.

№ 12. С. Т. Аксаков. 1832 год.

Басманная Новая улица

№ 15. В. Н. Лешков, цензор. 1851 год.

№ 20 (не сохр.). П. Я. Чаадаев. 1841 год(?).

Богословский пер.

Дом неизвестен. С. В. Перфильев. 1839–1840 годы.

Брюсовский пер.

№ 10. А. М. Маркович (Маркевич). 1848–1849 годы.

№ 21 (не сохр.). Е. И. Дядьковский. 1832 год.

Вахтангова ул. (Большой Николо-Песковский пер)

№ 4 (не сохр.). С. Т. Аксаков. 1851–1852 годы.

№ 13 (не сохр.). Д. Н. Свербеев. 1851–1852 годы.

Веснина ул. (Денежный пер.).

№ 5 (не сохр.). М. Н. Загоскин. 1832–1851 годы.

Власьевский Большой пер.

№ 11. А. И. Тургенев. 1840 год.

Волхонка.

Дом Оболенского (не сохр., площадь этого владения отошла по реконструкции под проезд к Большому Каменному мосту). Ф. Ф. Рихтер. 1848–1850 годы.

Воровского ул. (Поварская).

№ 31. А. И. Кошелев. 1848–1852 годы.

Воротниковский пер.

№ 12 (перестроен второй этаж). П. В. Нащокин. 1835–1852 годы.

Дом Щепотьева (точное Местонахождение дома неизвестно). М. С. Щепкин. 1848–1852 годы.

Герцена ул. (Большая Никитская ул.)

№ 3 (сохр. с изменениями). Ф. Ф. Рихтер, 1851 год.

№ 31 (не сохр.). О. М. Бодянский, Л. И. Арнольди, А. О. Россет 1849–1852 годы.

№ 46. Васильчиковы. Конец 1840-х годов.

Горького ул. (Тверская).

№ 6 (не сохр., владение Самариных занимало часть нынешнего дома, примыкающую к проезду Художественного театра). Ю. Ф. Самарин. Конец 1840-х годов.

№ 6. Гостиница «Дрезден» (не сохр., занимала часть нынешнего дома, примыкающую к Советской площади). А. О. Смирнова. 1849 год. А. П. Толстой. 1848 год.

№ 7 (не сохр.). Т. Н. Грановский. 1839 год.

№ 13 (перестроен). Д. В. Голицын. 1842 год.

№ 15 (не сохр.), владение Олсуфьевых занимало часть от нечетной стороны ул. Станиславского до Большого Гнездниковского пер. В. Д. Олсуфьев. 1851 год.

№ 20 (перестроен). И. В. Капнист. 1848–1852 годы.

№ 21. Английский клуб. 1841 год. Грузинская Большая ул.

№ 12. С. В. Перфильев. Конец 1840-х годов. Дегтярный пер.

№ 4 (сохр. в измененном виде). С. П. Шевырев. 1839–1852 годы.

Дружинниковская ул. (Прудовая).

№ 11. И. Е. Великопольский. 1839–1842 годы.

Зубовский бульвар.

№ 8 (не сохр.). Ф. Н. Беляев. 1849–1850 годы.

№ 31–33 (не сохр.). Н. А. Мельгунов. 1839 — конец 1840-х годов

Калашный пер.

№ 3 (не сохр.). С. В. Перфильев. 1842 год.

Калинина ул. (Воздвиженка).

№ 6 (во дворе). Н. Н. Шереметева. 1841–1850 годы.

Большой Каретный пер. (Спасский-Большой пер.).

№ 16. М. С. Щепкин. 1832–1842 годы.

Качалова ул. (Малая Никитская ул.).

№ 10 (не сохр.). О. М. Бодянский. 1848 год.

Кирова ул. (Мясницкая).

№ 7 (перестроен). А. Д. Чертков. 1839–1840 годы.

№ 8 (не сохр.). М. П. Погодин. 1832 год.

№ 21. Н. А. Рамазанов. 1851–1852 годы.

№ 26 (не сохр). А. Я. и К. А. Булгаковы. 1840-е годы.

Композиторская ул. (Собачья площадка).

№ 7. А. С. Хомяков. 1848–1852 годы.

Красноворотский проезд (Новая Басманная ул.).

№ 3 (сохр. с изменениями). С. Т. Аксаков. 1835 год. Место первой встречи Гоголя с В. Г. Белинским.

Кремль. Потешный дворец. П. В. Анненков. 1851 год.

Кропоткинская ул. (Пречистенка).

№ 16 (перестроен). М. М. Нарышкин, декабрист. 1851–1852 годы.

Кузнецкий мост.

№ 15 (не сохр.). Типография Готье. 1851 год.

№ 21 (не сохр.). В. В. Варган купец. 1848–1849 годы.

Ленинградское шоссе (Петербургское шоссе).

№ 44 (не сохр.). Ресторан «Яр». Конец 1840-х годов.

Маркса и Энгельса ул. (Знаменский Малый пер.).

№ 3. А. Н. Бахметев. Конец 1840-х годов.

Метростроевская ул. (Остоженка).

№ 19 (в глубине двора, вход через владение № 6 по 3-му Зачатьевскому пер.). П. В. Киреевский. 1840–1842 годы.

Мещанская 1-я ул.

№ 28 (не сохр.). М. А. Максимович. 1832 и 1849–1850 годы. О. М. Бодянский. 1832 год.

Мещанская 2-я ул.

Дом неизвестен. П. В. Киреевский. 1848–1851 годы

Морозова Павлика пер. (Ново-Ваганьковский пер.).

№ 5 Д. М. Перевощиков. 1840-е годы.

Моховая ул.

№ 1. 4-я гимназия (бывш. дом Пашкова). 1851 год.

№ 9. Здание бывшей университетской церкви, где Москва прощалась с прахом Гоголя. 1852 год.

№ 11. Московский цензурный комитет. 1841 год.

Дом Устинова (точное местонахождение неизвестно). А. Н. Попов. Конец 1840-х годов.

Неглинный проезд.

№ 18 (не сохр.). А. Л. Гурилев, композитор. 1840 год.

Островского Николая ул. (Мертвый пер.).

№ 6 (не сохр.). Ф. И. Иноземцев. 1850–1851 годы.

Петроверигский пер.

№ 4 В. П. Боткин. Встреча с В. Г. Белинским в январе 1842 года.

Петровка.

№ 3 (сохр. частично). А. С. Хомяков. 1839 год.

Петровский парк.

Дача Наумова (точное местонахождение неизвестно). Д. Н. Свербеев. 1849 год. Блудовы. 1851 год.

Полянка Большая.

№ 30 П. Г. Редкин. 1835 год.

Плющиха.

№ 11 А. О. Армфельд. Конец 1840-х годов.

Пушечная ул. (Софийка).

№ 4 и 6 (не сохр.). Типография Семена. 1851 год.

Пушкина ул. (Дмитровка Большая).

№ 2 (не сохр.). И. И. Срезневский. 1839 год.

№ 25 (не сохр.). Книжная лавка И. В. Базунова. 1849 год.

№ 32 (не сохр.). Л. И. Арнольди. 1851 год.

№ 34 Университетская типография. 1842 и 1851 годы.

Рождественский бульвар.

№ 14 (перестроен). К. К. и Н. Ф. Павловы. 1840-е годы.

Садовая-Кудринская ул.

№ 9 (не сохр.). В. И. Назимов. 1851 год.

№ 15 (здание во дворе). Здесь у Ростопчиных Гоголь встречался с П. А. Федотовым.

Свердлова пл. (Театральная пл.)

Большой театр. Гоголь смотрел спектакль «Ревизор» в 1839 году и присутствовал на бенефисе М. С. Щепкина в 1852 году.

Малый театр. Гоголь смотрел спектакль «Игроки» в 1848 году и «Ревизор» в 1851 году.

Серебряный пер.

№ 8. Я. К. Грот. 1849 год.

Сивцев Вражек.

№ 25. С. Т. Аксаков. 1849 год.

№ 30. С. Т. Аксаков. 1849 год.

Дом Дюклу (точное местоположение неизвестно). Ф. И. Иноземцев. 1848–1850 годы.

Скарятинский пер.

№ 3 (сохр. с изменениями). П. М. Языков. 1848–1849 годы.

Смоленская-Сенная пл.

№ 27 (не сохр.). С. Т. Аксаков. 1839–1842.

Сокольники.

Гулянье. 1842 и 1849 годы.

Солянка.

№ 7. Оболенский 1848–1852 годы.

№ 12. А. О. Армфельд. 1835 и 1839 годы.

Станиславского ул. (Леонтьевский пер.).

№ 27. С. Т. Аксаков. 1848 год.

Дом неизвестен. Репнины. 1851 год.

Станкевича ул. (Чернышевский Большой пер.).

№ 9. П А. Вяземский. 1840 год.

Старонюшенный пер.

№ 24 (не сохр.). А. Н. Верстовский. 1840 год.

Страстной бульвар

№ 6 (сохр. с изменениями). Свербеев. 1839–1840 годы.

№ 10 Университетская книжная лавка. 1849 год.

Тверской бульвар.

№ 7 (не сохр.). Д. Н. Свербеев. 1842 год.

№ 22 (не сохр.). М. Д. Ховрина. 1848 год.

№ 25. Д. Н. Свербеев. 1848 год.

№ 27. Н. В. Путята. 1849–1851 годы.

Толстого Алексея ул. (Спиридоньевская ул.).

№ 14–16 (не сохр.). Е. А. Баратынский. 1835 и 1839–1840 годы.

№ 17 (не сохр.). И. И. Дмитриев. 1832 и 1835 годы.

Троицкая ул.

№ 19 (сохр. с изменениями). И. М. Снегирев. 1841 год.

Трубная ул.

№ 32. Т. Н. Грановский. 1841–1842 годы.

Филипповский пер.

№ 9 (не сохр.). С. Т. Аксаков. 1849–1851 годы.

Хоромный тупик (Трехсвятительский тупик).

№ 4. А. П. Елагина. 1832, 1835, 1841–1842 и 1848–1851 годы.

Чехова ул. (Дмитровка Малая).

№ 23 (не сохр.). И. А. Фонвизин, декабрист. 1848–1849 годы.

№ 27 (не сохр). Блудовы. 1849 год.

Источники

(1)

1. Сб. «Белинский в воспоминаниях современников». Гослитиздат, 1948, с. 388.

2. «Молва», 1836, № 8, с. 210.

3. А. Д. Галахов. Из «Сороковых годов» — сб. «Гоголь в воспоминаниях современником». Гослитиздат, 1952, с. 405.

4. Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч. Изд. Академии наук СССР, 1940, т. 10, с. 240. В дальнейшем цитаты по этому изданию сокращенно: Н. В. Гоголь, т… с…

5. Там же, т. 11, с. 40.

6. Там же, с. 43.

7. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 229.

8. Н. В. Гоголь, т. 14, с. 203.

9. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. под ред. С. А. Венгерова, т. 7, с. 251.

10. В. Г. Белинский. Письма. Спб, 1914, т. 1, с. 18.

11. Н. В. Гоголь, т. И, с. 331.

12. Там же, с. 92.

13. Там же, т. 8, с. 179.

14. Там же, т. 10, с. 136–137.

15. Там же, т. 11, с. 228.

16. Там же, с. 347.

17. Там же, с. 209.

18. Там же, т. 12, с. 162–163.

19. В. И. Шенрок. Материалы для биографии Н. В. Гоголя, 1897, т. 4,с. 141.

20. Н. В. Гоголь, т. 8, с. 283.

21. В. Г. Белинский. Письма, т. 2, с. 9.

22. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 229.

23. «Гоголь. Материалы и исследования», 1936, т. 1, с. 28.

24. Там же, с. 33.

25. «Русский архив», 1865, с. 1272.

26. В. Г. Белинский. Полное собр. соч., т. 9, с. 217.

27. А. И. Герцен. Поли. собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке, т. 3, с. 14.

28. Н. В. Гоголь, т. 8, с. 72.

29. «П. В. Анненков и его друзья», 1892, с. 516

30. Н. В. Гоголь, т. 13, с. 191.

31. Там же, т. 9, с. 539, 546 и 548–549.

82. Там же, т. 14, с. 119.
33. Там же, т. 12, с. 125.
34. Там же, т. 13, с. 347.
35. Там же, с. 224.
36. Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. Гослитиздат, 1952, т. 10, с. 232.
37. Н. В. Гоголь, т. 8, с. 51,
38. Там же, т. 14, с. 37.
39. Там же, т. 13, с. 107.
40. Там же, т. 12, с. 445.
41. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П… Погодина, 1900, кн. 14, с. 220.

(2)

1. «Московские ведомости», 1832, № 51, с. 2290; № 52, с. 2332; № 53, с. 2376.
2. Н. В. Гоголь, т. 10, с. 234.
3. «Московские ведомости», 1832, № 50, с. 2233.
4. Там же, с. 2234.
5. Там же, с. 2243.
6. Там же, № 51, с. 2286.
7. М. Гастев. Материалы для статистики Москвы, 1841 ч 1 стр 264
8. Н. В. Гоголь, т. 10, с. 239.
9. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 9, с. 226.
10. Там же, с. 218.
11. М. Гастев. Материалы для статистики Москвы, ч. 1, с. 264.
12. Л. Самойлов. Атлас промышленности Московской губернии, 1845, с. 62.
13. Н. В. Гоголь, т. 8, с. 179.
14. А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. 13, с. 139–140.
15. Там же, т. 3, с. 11 и 13.
16. Воспоминания М. А. Дмитриева, гл. 20, с. 526. Рукописный отдел Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Шифр М8484/2.
17. Н. В. Гоголь, т. 8, с. 177–178.
18. В. Г. Белинский. Поли. собр. соч., т. 9, с. 229.
19. Н. В. Гоголь, т. 12, с. 135.
20. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 9, с. 228 и 230.
21. Н. В. Гоголь, т. 13, с. 224.
22. Там же, т. 8, с. 178.
23. Там же, т. 10, с. 353.

24. Там же, т. 8, с. 177.
25. Там же, т. 12, с. 444.

(3)

1. Н. В. Гоголь, т. 10, с. 234.
2. Там же, т. 11, с. 212.
3. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, 1890, с. 5.
4. Н. В. Гоголь, т. 10, с. 239.
5. Там же, с. 240.
6. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 5.
7. Там же, с. 7.
8. С. Т. Аксаков. Полн. собр. соч. под ред. П. Е. Щеголева, т. 4, с. 42–43.
9. В. И. Веселовский. Первое знакомство Гоголя с Щепкиным. «Русская старина», 1872, кн. 2, с. 282–283.
10. Воспоминания А. В. Щепкиной, 1915, с. 210.
11. Н. В. Гоголь, Соч., изд. 10, т. 6, с. 497.
12. См. Я. Гринзальд. Три века московской сцены, 1949, с. 100.
13. См. А. Дерман. Московского Малого театра актер Щепкин, 1951, с. 143–144.
14. М. А. Щепкин. М. С. Щепкин, 1914, с. 369–370.
15. А. Афанасьев. Щепкин и его записки, «Библиотека для чтения», 1864 февраль, с. 8.
16. А. И. Шуберт. Моя жизнь, 1929, с. 99–100.
17. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 527.
18. М. А. Щепкин. М. С. Щепкин, с. 175.
19. П. А. Плетнев. Соч. и переписка, 1885, т. 3, с. 522.
20. Н. В. Гоголь, т. 10, с. 238–239.
21. А. Григорьев. Воспоминания 1930, с. 77.
22. Н. В. Гоголь, т. 10, с. 237.
23. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 6.
24. Записки Н. Н. Муравьева. «Русский архив», 1886, кн. 1, с. 453.
25. Н. В. Гоголь, т. 10, с. 236.
26. Там же, с. 244.
27. Николай М (Кулиш). Записки о жизни Гоголя, 1856, т. 1, с. 116.
28. В. И. Шенрок. Материалы для биографии Н. В. Гоголя 1893 т. 2 с. 40.
29. Н. В. Гоголь, т. 10, с. 284.

30. Николай М. (Кулиш). Записки о жизни Гоголя, т. 2 с. 209.
31. Н. В. Гоголь, т. 11, с. 240–241.
32. Там же, т. 10, с. 285.
33. П. А. Плетнев. Соч. и переписка, т. 3, с. 522.
34. Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1848, № 9 с. V.
35. Н. М. Языков. Собр. стихотворений, 1948, с. 251.
36. «Русский архив», 1877, кн. 2, с. 483.
37. Н. В. Гоголь, т. 10, с. 246.
38. Н. В. Гоголь, т. 10, с. 246.
39. Там же, с. 254.
40. Там же, с. 256.

(4)

1. В. С. Рудаков. Столетие Общества любителей российской словесности. «Исторический вестник», 1911, № 6, с. 958.
2. Н. В. Гоголь, т. 10, с. 302.
3. Там же, с. 365.
4. «Гоголь. Материалы и исследования», 1936, т. 2, с. 117–118 и 121.
5. «Русский архив», 1865, изд. 2, с. 1274.
6. Н. В. Гоголь, т. 10, с. 269.
7. К. Писарев. Мураново, 1948, с. 28.
8. «Литературное наследство», т. 25–26, с. 140.
9. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 1, с. 390.
10. Там же, т. 2, с. 235.
11. В. И. Шенрок. Материалы для биографии Н. В. Гоголя, т. 1, с. 364.
12. Газета «Берег», 1880, № 268.
13. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 10.
14. И. В. Гоголь, т. 10, с. 371.
15. Русский биографический словарь. Том «Романова — Рясовский», 1918, с. 717.
16. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 404.
17. В. А. Нащокина. Воспоминания о Пушкине и Гоголе. «Новое время». Иллюстрированное приложение, 1898, № 8129, с. 6.
18. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П, Погодина, кн. 7, с. 310.
19. П. В. Анненков. Воспоминания и критические очерки, 1881, отд. 3, с. 306.
20. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 2, с. 95.
21. Там же, с. 212–213.

22. Там же, с. 227–228. 23 «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 317–318.

(5)

1. Н. В. Гоголь, т. 10, с. 378–379.
2. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 264–265.
3. Н. В. Гоголь, т. 11, с. 35.
4. А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Изд. Академии наук СССР, 1949, т. 16, с. 113.
5. «Русская старина», 1889, кн. 8, с. 381.
6. Н. В. Гоголь, т. 11, с. 37–38.
7. М. А. Щепкин. М. С. Щепкин, с. 163.
8. «Исторический вестник», 1903, кн. 2, с. 493.
9. «Молва», 1836, № 9, с. 256–258.
10. Н. В. Гоголь, т. 11, с. 39–40.
11. Там же, с. 42.
12. Там же, с. 43.
13. Н. С. Тихонравов. Первое представление «Ревизора» на московской сцене. Соч., 1898, т. 3, ч. 1, с. 563 и 578.
14. «Молва», 1836, № 9, с. 259–261.
15. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 92.
16. А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. 9, с. 97.
17. «Исторический вестник», 1908, кн. 4, с. 225.
18. Там же.
19. «Северная пчела», 1836, № 169, с. 673.
20. Там же.
21. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 3, с. 57.
22. Н. С. Тихонравов. Соч., т. 3, ч. 1, с. 574.
23. «Исторический вестник», 1905, кн. 9, с. 759.
24. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 3, с. 334–335.
25. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 319.
26. «Молва», 1836, № 9, с. 251–252.
27. Н. В. Гоголь, т, 11, с. 41.
28. Там же, с. 315.
29. Там же, т. 13, с. 40.
30. Там же, с. 62.
31. Там же, т. 6, с. 222.
32. Там же, т. 11, с. 43–44.
33. Там же, с. 45–46.
34. Там же, с. 60.

(6)

1. Н. В. Гоголь, т. 11, с. 92,
2. Там же, с. 78.
3. Там же, с. 74.
4. Там же, с. 97.
5. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 13. 6 «Литературное наследство», т. 58, с. 559.
7. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 13.
8. Н. В. Гоголь, т. 11, с. 112.
9. Там же, с. 88–89.
10. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 5, с. 324.
11. Там же, кн. 4, с. 429–430.
12. Л. Н. Толстой. Война и мир. Гослитиздат, 1949, т. 3–4, с. 429.
13. Из воспоминаний Д. М. Погодина. «Исторический вестник», 1892, кн. 4, с. 42–43.
14. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 199.
15. Там же, с. 15.
16. М. А. Щепкин. М. С. Щепкин, с. 367–369.
17. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 16.
18. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 212.
19. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 128
20. Там же, с. 156.
21. Там же, с. 164.
22. Отчет Публичной библиотеки за 1893 г. Приложения, с. 20.
23. Н. В. Гоголь, т. 13, с. 313.
24. Там же, т. 12, с. 407.
25. «Литературное наследство», т. 58, с. 715.
26. И. И. Панаев. Литературные воспоминания и воспоминания о Белинском, 1876, с. 198.
27. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 16.
28. «Литературное наследство», т. 58, с. 566.
29. Там же, с. 570.
30. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 214–216.
31. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 35.
32. См. «Литературное наследство», т. 58, с. 566.
33. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 217.
34. Из переписки недавних деятелей. «Русская мысль», 1888, кн. 11, с. 1
35. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 56.
36. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 217.
37. «Т. Н. Грановский и его переписка», 1897, т. 2, с. 375.
38. «Исторический вестник», 1900, кн. 2, с. 521.
39. «Русский архив», 1909, т. 2, с. 301.

40. «Живая старина», 1892, вып. 1, с. 66.

41. Там же, с. 71.

42. Там же, с. 61.

43. См. Н. В. Гоголь, т. 12, с. 45.

44. Б. Модзалевский. Великопольский. Сб. «Памяти Л. Н. Майкова», 1902, с. 385.

45. И. И. Панаев. Литературные воспоминания и воспоминания о Белинском, с. 203.

46. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 16–17.

(7)

1. «Гоголь. Материалы и исследования», т. 1, с. 153 и 189.

2. Отрывок из записок Е. В. Быковой, родной сестры Гоголя. Газета «Русь», 1885, № 26, с. 7–8.

3. Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания, 1897, с. 292–293. ‘ Н. В. Гоголь, т. И, с. 299.

4. Там же, с. 293.

5. «Литературное наследство», т. 58, с. 570.

6. И. И. Панаев. Литературные воспоминания и воспоминания о Белинском, с. 214.

7. См. «Литературные салоны и кружки», 1930, с. 325.

8. См. «Литературное наследство», т. 58, с. 562.

9. «Т. Н. Грановский и его переписка», т. 2, с. 384.

10. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 90.

11. «Литературное наследство», т. 58, с. 896.

12. В. Г. Белинский. Письма, т. 2, с. 24–25.

12. Там же, с. 94.

13. Там же, с. 45.

14. См. Н. В. Гоголь, т. 11, с. 288.

15. Музей истории и реконструкции Москвы. Архив Н. П. Чулкова. Пачка 7, тетр. 4, с. 29.

16. Д. Н. Свербеев. Воспоминания о Чаадаеве.

17. «Русский архив», 1868, с. 995.

18. В. А. Нащокина. Воспоминания о Пушкине и Гоголе.

19. «Новое время». Иллюстрированное приложение, 1898, № 8129, с. 6.

20. О. В. Гоголь-Головня. Из семейной хроники Гоголей. Киез, 1909, с. 14.

21. «Литературное наследство», т. 58, с. 586.

22. В. А. Нащокина. Воспоминания о Пушкине и Гоголе. «Новое время». Иллюстрированное приложение, 1898, № 8129,

с. 6.

23. «Литературное наследство», т. 58, с. 584.

24. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 34.

25. «Т. Н. Грановский и его переписка», 1897, т. 2, с. 383–384

26. Там же, с. 401.

27. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 38.

28. Н. В. Гоголь, т. 12, с. 56.

23. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 33.

30. В. И. Шенрок. Материалы для биографии Н. В. Гоголя т. 3, с. 430.

31. Там же, с. 430–431.

32. См. В. В. Каллаш. Заметки о Гоголе. «Исторический вестник», 1902, кн. 2, с. 681.

33. В. И. Шенрок. Материалы для биографии Н. В. Гоголя, т. 3, с. 431–432.

34. См. А. И. Герцен. Былое и думы, ч. II, гл. XVI «Александр Лаврентьевич Витберг».

35. Н. В. Гоголь, т. 9, с. 489.

36. «Литературное наследство», т. 58, с. 587.

37. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 34.

38. Там же, с. 34.

39. В. И. Буслаев. Мои воспоминания, с. 259.

40. Из воспоминаний Д. М. Погодина. «Исторический вестник», 1892, кн. 4, с. 45–47.

41. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 35–36,

42. «Литературное наследство», т. 45–46, с. 419–420.

43. Там же, с. 420.

44. Н. В. Гоголь, т. 8, с. 402.

45. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 36–37.

(8)

1. Н. В. Гоголь, т. 14, с. 213.

2. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 247.

3. Н. В. Гоголь, т. 11, с. 330.

4. «Исторический вестник», 1887, кн. 12, с. 518.

5. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 55.

6. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 6, с. 231.

7. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 117

8. В. И. Шенрок. Материалы для биографии Н. В. Гоголя, т. 3, с. 459–460.

9. С. Т. Аксаков, История моего знакомства с Гоголем, с. 51–52

10. Н. В. Гоголь, т. 11, с. 350–351.

11. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 52–53.

12. Н. В. Гоголь, т. 12, с. 92.

13. Там же,

14. Н. В. Гоголь. Соч., изд. 10, т. 3, с. 436. Прим. Н. С. Тихонравова.

15. В. Г. Белинский. Поли. собр. соч., т. 7, с. 444.

16. Н. В. Гоголь. Соч., изд. 10, т. 1, с. VI.

17. Там же, с. 657.

18. Там же, с. 656.

19. В. Г. Белинский. Поли. собр. соч., т. 8, с. 89.

20. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 57.

21. Н. В. Гоголь, т. 12, с. 35.

22. А. С. Хомяков. Соч., 1904, т. 8 с. 101.

23. Н. В. Гоголь, т. 9, с. 539.

24. «Русская мысль», 1888, кн. 11, с. 15.

25. М. Гершензон. Образы прошлого, 1912, с. 466,

26. Там же, с. 468–469.

27. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 38.

28. В. И. Шенрок. Материалы для биографии Н. В. Гоголя, т. 4, с. 123.

29. Там же, с. 823.

30. «Русская старина», 1892, кн. 10, с. 150.

31. «Русский архив», 1903, кн. 1, с. 229.

32. Н. В. Гоголь, т. И, с. 223.

33. Там же, т. 13, с. 191.

34. Там же, т. 12, с. 28–30.

35. Там же, т. 11, с. 272.

36. «Русская старина», 1889, кн. 9, с. 530.

37. Там же, с. 532–533.

38. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 302.

39. «Литературное наследство», т. 58, с. 612.

40. В. Г. Белинский. Письма, т. 2, с. 282.

41. Там же, с. 303.

42. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 55 и 58.

43. Воспоминания М. А. Дмитриева, гл. 20, с. 524–525.

44. Там же, с. 526–527.

45. Там же, с. 510.

46. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 61.

47. «Русская старина», 1889, кн. 8, с. 385.

48. Н. В. Гоголь, т. 12, с. 54.
49. Там же, т. 6, с. 889 (снимок).
50. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 61.
51. В. Г. Белинский. Письма, т. 2, с. 306. и Там же, с. 308–310.
53. Н. В. Гоголь, т. 12, с. 59.
54. «Русский архив», 1864, с. 100.
55. См. Н. В. Гоголь, т. 12, с. 56.
56. Там же, с. 226–227. 11 Там же, т. 9, с. 572.
58. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 61.
59. Там же, с. 62–65.

(9)

1. А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. 6, с. 378.
2. А. А. Стахович. Клочки воспоминаний, 1904, с. 50.
3. «Литературный музеум», 1919, № 1, с. 43–44.
4. А. И. Герцен. Поли. собр. соч. и писем, т. 13, с. 138.
5. Сб. «Памяти Гоголя», Киев, 1902, с. 69–70. Н. В. Гоголь, т. 12, с. 139.
7. Там же, с. 148.
8. Там же, с. 85.
9. Там же, т. 8, с. 288.
10. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 264.
11. М. А. Щепкин. М. С. Щепкин, с. 172.
12. Ф. Д. Бобков. Из записок крепостного человека. «Исторический вестник», 1907, кн. 5, с. 471.
13. СП. «Крестьянское движение», 1931, вып. 1, с. 44.
14. В. Г. Белинский. Поли. собр. соч., т. 7, с. 291.
15. К. С. Аксаков. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души», 1842, с. 14.
16. А. Г. Дементьев. Очерки по истории русской журналистики 1840–1850 гг., 1951, с. 211.
17. Отчет Публичной библиотеки за 1893 г. Приложения, с. 27.
18. В. Г. Белинский. Поли. собр. соч., т. 7, с. 253.
19. Отчет Публичной библиотеки за 1893 г. Приложения, с. 4–5.
20. Там же, с. 12.
21. Там же, с. 5.
22. Н. В. Гоголь, т. 13, с. 118.
23. Там же, т. 12, с. 469–470.
24. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. Гослитиздат 1948, т. 4, с. 638.

25. В. И. Ленин. Соч., т, 20, с. 223–224.
26. «Литературное наследство», т. 56, с. 575.
27. Там же, с. 581.
28. Там же, с. 571 и 576.
29. Там же, с. 579.
30. Там же, с. 581.
31. Н. В. Гоголь, т. 13, с. 360.
32. Там же, с. 243.
33. Там же, с. 360.
34. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 530.
35. Н. В. Гоголь, т. 13, с. 397–398.
36. Там же, т. 8, с. 408–409.
37. Отчет Публичной библиотеки за 1893 г. Приложения, с. 60.
38. В. И. Шенрок. Материалы для биографии Н. В. Гоголя, т. 4, с. 752.
39. Н. В. Гоголь, т. 14, с. 85.

(10)

1. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 9, с. 478.
2. Там же, с. 479.
3. «Литературное наследство», т. 58, с. 711–712.
4. «Полвека русской жизни. Воспоминания А. И. Дельвига». 1930, т. 1, с. 198.
5. «Исторический вестник», 1887, кн. 3, с. 570.
6. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 490–491.
7. М. Ю. Лермонтов. Поли. собр. соч., 1936, т. 1, с. 254.
8. А. А. Стахович. Клочки воспоминаний, с. 208.
9. См. Н. В. Гоголь, т. 14, с. 173.
10. «И. С. Аксаков в его письмах», ч. 1, т. 2, с. 136.
11. П. П. Соколов. Воспоминания. «Исторический вестник», 1910, кн. 9, с. 786.
12. «Русская старина». 1872, кн. 1, с. 120–121.
13. Там же, кн. 2, с. 283.
14. В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, т. 4, с. 721.
15. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 426.
16. Н. В. Гоголь, т. 11, с. 92.
17. «Исторический вестник», 1903, кн. 4, с. 37.
18. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 184–185.
19. А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. 12, с. 212.

20. См. Н. В. Гоголь, т. 7, с. 360 и 381.
21. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 10, с. II.
22. П. Бессонов. В. А. Черкасский. «Русский архив», 1878, кн. 2, с. 204.
23. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 229.
24. «П. В. Анненков и его друзья», с. 557.
25. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 17.
26. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 404.
27. Там же.
28. Примечания П. И. Бартенева к дневнику И. М. Снегирева. «Русский архив», кн. 3, с. 306.
29. «Русское обозрение», 1896, март, с. 389.
30. Н. Г. Чернышевский. Поли. собр. соч., 1949, т. 2, с. 620.
31. См. Н. В. Гоголь, т. 7, с. 384.
32. Там же, т. 14, с. 108.
33. А. Лазаревский. Один из приятелей Гоголя. Сб. «Памяти Гоголя», Киев, 1 отд. V, с. 40.
34. Там же, с. 42.
35. Н. В. Гоголь, т. 14, с. 129.
36. Там же. т. 7, с. 382.
37. Там же, с. 385.
38. «Русская старина», 1888, т. 11, с. 401.
39. Н. В. Гоголь, т. 14. с. 117.
40. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 9, с. 476.
41. Н. В. Гоголь, т. 14, с. 99.
42. «Русская старина», 1888, кн. 11, с. 406–407.
43. «Русская старина», 1872, кн. 1, с. 123–124.
44. «Русская мысль», 1897, кн. 1, с. 57.
45. «Русская старина», 1872, кн. 1, с. 118.
46. Сб. «Памяти Гоголя». Киев, 1902, отд. III, с. 64.
47. Н. В. Гоголь, т. 14, с. 111.
48. Н. В. Гоголь, т. 14, с. 104.
49. Там же, с. 125.
50. Там же, с. 251.
51. «Русская старина», 1873, кн. 12, с. 944.
52. Там же, с. 941.
53. См. Ю. Ф. Самарин. Собр. соч., 1911, т. 12, с. 56.
54. Н. В. Гоголь, т. 9, с. 562.
55. Там же, с. 660.
56. А. А. Стахович. Клочки воспоминаний, с. 209.
57. См. Н. В. Гоголь, т. 14, с. 244.
58. Там же, с. 127.
59. Там же, с. 123.
60. «Исторический вестник», 1892, кн. 4, с. 48.

61. «Русский архив», 1895, кн. 3, с. 432.

(11)

1. Н. В. Гоголь, т. 14, с. 137.
2. И. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 10, с. 195.
3. Там же, кн. 11, с. 109.
4. А. С. Пушкин. Поли. собр. соч. Изд. Академии наук СССР. т. 12, с. 305.
5. Я. К. Грот. Труды, 1901, т. 3, с. 363.
6. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 489.
7. «Гоголь. Материалы и исследования», т. 1, с. 132.
8. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, 1886, т. 3, с. 444.
9. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 472.
10. Там же, с. 474–475.
11. Там же, с. 475.
12. Н. В. Гоголь, т, 7, с. 381.
13. Там же, т. 14, с. 144.
14. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 10, с. 324
14-а. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. 3, с. 459.
15. «Литературное наследство», т. 58, с. 723.
16. Н. В. Гоголь, т. 9, с. 574.
17. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 11, с. 239.
18. «Русский архив», 1909, кн. 2, с. 114.
19. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 186–188.
19-а «Русская мысль», 1915, кн. 8, с. 115.
20. «Русский архив», 1885, кн. 1, с. 390–396.
21. К. Пигаре в. Мураново, с. 44.
22. А. А. Дунин. И. С. Аксаков в Ярославле. «Русская мысль», 1915, кн. 8, с. 118.
23. «Русский архив», 1895, кн. 3, с. 450 и 454.
24. «Литературное наследство», т. 58, с. 788.
25. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 188.
26. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 494–495.
27. «Русская старина», 1888, кн. 11, с. 409.
28. Николай М. (Кулиш). Записки о жизни Гоголя, т. 2, с. 210.
29. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 10, с. 315
30. Там же, с. 328.
31. «Русская старина», 1872, кн. 1, с. 121.
32. «Русская мысль», 1897, кн. 1, с. 55.
33. Сб. Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1883, т. 31, с. 128.

34. См. Н. В. Гоголь, т. 9, с. 573, 574.
35. А. А. Иванов. Жизнь и переписка, 1880, с. 131.
36. См. Н. В. Гоголь, т. 7, с. 381.
37. «Русский архив», 1903, кн. 3, с. 437.
38. «Москвитянин», 1850. № 10, с. 21 и 23.
39. Я. Д. Лещинский. П. А. Федотов, 1946, с. 196.
40. См. Н. В. Гоголь, т. 7, с. 360 и т. 9, с. 574.
41. Там же, с. 381.
42. Там же, т. 12, с. 669.
43. Там же, т. 7, с. 383.
44. С. М. Соловьев. Записки, б. г., кн-во «Прометей», с. 103.
45. А. А. Иванов. Жизнь и переписка, с. 166.
46. Н. В. Гоголь, т. 12, с. 190.
47. Там же, т. 7, с. 381.
48. Там же, т. 9, с. 573.
49. В. Э. Салищев. Сто лет факультетской хирургической клиники. Медгиз, 1946, с. 6.
50. В. А. Соллогуб. Воспоминания, 1887, с. 190–191.
51. «Русский архив», 1909, кн. 7, с. 540.
52. Записки Н. К. Беркута. «Исторический вестник», 1911, кн. И, с. 451.
53. П. А. Бессонов. В. А. Черкасский. «Русский архив», 1878, кн. 2, с. 210.
54. См. Н. В. Гоголь, т. 7, с. 381.
55. См. «Русский архив», 1886, кн. 1, с. 353.
56. Примечания П. И. Бартенева к письмам Гоголя. «Русский архив» 1902, кн. 1 с. 725.
57. Н. В. Гоголь, т. 14, с. 155.
58. Там же, с. 189.
59. «Русский архив», 1895, кн. 3, с. 431–432.
60. «Русская старина», 1872, кн. I, с. 121–122.
61. «Русская старина», 1888, кн. II, с. 405–406.
62. А. О. Смирнова. Автобиография, 1931, с. 298.
63. «Русская старина», 1888, кн. II, с. 411.
64. Николай М. (Кулиш). Записки о жизни Гоголя, т. 2, с. 231.

(12)

1. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 194.
2. «Литературное наследство», т. 58, с. 736.
3. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 491, 493–494.
4. А. О. Смирнова. Записки, 1932, с. 326–328.
5. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 487–488.

6. «Русская старина», 1872, кн. 1, с. 125–126.
7. Н. В. Гоголь, т. 14, с. 241–242.
8. «Русская старина», 1902, кн. 5, с. 442–443.
9. «Русский архив», 1903, кн. 3, с. 533.
10. «Исторический вестник», 1891, кн. 3, с. 711.
11. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 194.
12. Там же, с. 195.
13. «Литературное наследство», т, 58, с. 788–789.
14. А. Т. Тарасенков. Последние дни жизни Гоголя, 1902, с. 9 и 12.
15. Там же, с. 11.
16. «Русская старина», 1873, кн. 12, с. 943–947.
17. «П. В. Анненков и его друзья», с. 515.
18. Н. В. Гоголь, т. 14, с. 253.
19. «П. В. Анненков и его друзья», с. 516.
20. Н. В. Гоголь, т. 7, с. 388.
21. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 495.
22. «Литературное наследство», т. 58, с. 740.
23. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 531.
24. Там же,
25. В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка, 1930, с. 32–33.
26. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 532–534.
27. Там же, с. 532.
28. Там же, с. 437–438.
29. «Русская старина», 1889, кн. 10, с. 134.
30. А. С. Пушкин. Поли. собр. соч., т. 8, с. 431.
31. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 445.
32. Там же.
33. Там же, с. 535.
34. Там же, с. 536.
35. Там же, с. 445.
36. Там же, с. 535–536.
37. Там же, с. 445.
38. А. П. Ленский. Статьи, письмн, записки. 1950, с. 131.
39. А. Т. Тарасенков. Последние дни жизни Гоголя, с. 9–10.
40. «Исторический вестник», 1900, кн. 3, с. 929–930.
41. «Литературное наследство», т. 58, с. 742.
42. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 10, с. 545.
43. См. Н. В. Гоголь, т. 7, с. 381, т. 9, с. 573.

1. В. С. Аксакова. Дневник, 1913, с. 167–168.
2. Н. В. Гоголь, т. 7, с. 382.
3. Там же, с. 387.
4. «Русская старина», 1878, кн. 9, с. 70.
5. «Вопросы философии и психологии». Год 14, (1903), кн. 69, с. 681.
6. В. Вересаев. Гоголь в жизни, 1933, с. 8.
7. См. В. И. Шенрок. Материалы для биографии Н. В. Гоголя, т. 4, с. 830–831.
8. «Литературное наследство», т. 58, с. 723.
9. А. Т. Тарасенков. Последние дни жизни Гоголя, с. 23.
10. «Гоголь в воспоминаниях современников», с. 439.
11. Н. В. Гоголь, т. 14, с. 240.
12. Там же, с. 210.
13. Там же, с. 244.
14. Там же, с. 240.
15. Там же, с. 252.
16. «Русская старина», 1902, кн. 5, с. 440.
17. «Русская мысль», 1896, кн. 5, с. 185.
18. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, с. 196.
19. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 11, с. 543.
20. Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу. «Русское обозрение», 1894, кн. 8, с. 458.
21. «Московские ведомости», 1852, № 10, с. 104.
22. «Литературное наследство», т. 58, с. 742.
23. А. Т. Тарасенков. Последние дни жизни Гоголя, с. 14.
24. В. С. Аксакова. Дневник, с. 166.
25. А. Т. Тарасенков, Последние дни жизни Гоголя, с. 14.
26. А. С. Хомяков. Соч., т. 8, с. 200.
27. С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Н. В. Гоголем, с. 115.
28. «Литературное наследство», т. 58, с. 755.
29. Там же, с. 743.
30. Там же, с. 755.
31. Ив. Щеглов. Подвижник слова. Новые материалы о Гоголе, 1909, с. 92–93.
32. Там же, с. 81.
33. А. Т. Тарасенков. Последние дни жизни Гоголя, с. 15.
34. Ив. Щеглов. Подвижник слова. Новые материалы о Гоголе, с. 93.
35. А. Т. Тарасенков. Последние дни жизни Гоголя, с. 16.

1. А. Т. Тарасенков. Последние дни жизни Гоголя, с. 24.
2. «Русский архив», 1907, кн. 3, с. 437.
3. «Исторический вестник», 1907, кн. 5, с. 473.
4. «Литературное наследство», т. 58, с. 743.
5. «Русская старина», 1902, кн. 3, с. 594.
6. «Русский архив», 1907, кн. 3, с. 438.
7. «Красный архив», 1925, т. 9, с. 301.
8. М. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг., 1908, с. 207.
9. Там же, с. 208.
10. Сб. «Памяти Гоголя». Киев, 1902, отд. III, с. 61.
11. «Русский архив», 1878, кн. 2, с. 53.
12. «Русская старина», 1873, кн. 12, с. 949.
13. «Русская старина», 1880, кн. 12, с. 999.

(15)

1. Б. А. Щетинин. Гоголевские торжества в Москве. «Исторический вестник», 1909. кн. 6, с. 1008.
2. С. Яблоновский. Около памятника. «Русское слово», 1909, № 96, с. 2.
3. Сб. «Гоголевские дни в Москве», 1909, с. 16.
4. «Открытие памятника». «Русское слово», 1909, № 96, с. 2.
5. Там же.
6. Н. Телешов. Записки писателя, 1943, с. 46.

(16)

1. «Литературная газета», 1952, № 28, 4 марта.
2. Там же.
3. Там же.
4. Газета «Правда», 1952, № 65, 5 марта.
5. «Литературная газета», 1952, № 28, 4 марта.
6. Н. В. Гоголь, т. 13, с. 119.
7. Там же, т. 2, с. 172.
8. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 3, с. 776.
9. Г. М. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, с. 73.

Дмитрий Ястржембский. Борис Земенков, или дома, которые говорят

Он вел по улицам и переулкам, и закоулкам, и руинам литературного или театрального прошлого, и, следуя за ним, мы погружались в историю литературы и театра, но в живом приближении.

В. Лидин. «Борис Земенков»

Оказавшись в мемориальных комнатах Гоголя1 во время экскурсии, я услышал от экскурсовода (кажется, она ссылалась на Земенкова при ответе на какой-то вопрос), что книга «Гоголь в Москве», несмотря на ее недостатки, продолжает оставаться самым серьезным исследованием московской жизни прославленного писателя и самым полным перечнем связанных с ним адресов. Дело было в 1990-х, однако и поныне Бориса Сергеевича в том же жанре никто не превзошел. Москвоведы с благодарностью используют данные, собранные в его книге, иногда уточняют адреса и факты из истории владений, но при этом «Гоголь в Москве» не перестает быть краеугольным камнем в москвоведческой литературе не только о Гоголе, но и вообще о Москве 1830–50-х годов (особенно в сочетании с другой, еще более известной земенковской «энциклопедией адресов» — «Памятными местами Москвы»2).

Парадокс лишь в том, что в работе Земенкова о Гоголе нет Гоголя. В определенном смысле, конечно. Скандал? Сейчас объясню.

Б. С. Земенков

Тот, кто захочет найти в этой книге живого Николая Васильевича, немедленно будет возмущен оценками его творчества, отношений и жизненного пути в духе советской идеологии. Даже факты и цитаты к ней местами просто подгонялись. И уже не выяснить, где в этом смысле сам автор был вынужден следовать официальному взгляду, а где правил его редактор. «Шаг вправо, шаг влево» в деле толкования классиков в те времена делать было нельзя.

Поэтому Гоголя ищите в Гоголе — в его собственных произведениях и переписке. А героем Земенкова была Москва. И

правильнее было бы назвать его книгу «Москва вокруг Гоголя». Здесь идеология ничего не искажала, и цензор над душой не стоял. Поиск мемориальных адресов по переписке, дневникам и воспоминаниям, исследование истории владений (в том числе перестройки зданий) по архивным материалам — в этом москвоведу не мешал никто. Он делал это методично и профессионально, сравнивая свою работу с работой следователя, и разрабатывал свой (хочется сказать: «дедуктивный») метод, изложенный им в лекции, подготовленной как раз в годы работы над «Гоголем в Москве»3.

Результаты именно краеведческих, а не литературных, исследований придают ценность труду Земенкова. Именно сведения об адресах и домах вполне отражают реальность, и хотя могут уточняться, но не могут устареть.

Портреты домов у Земенкова более достоверны, чем портреты людей. Борис Сергеевич был, прежде всего, художником, потом — художником-реставратором, потом уже — писателем. От книги «Гоголь в Москве», да и от всего его творчества может возникнуть ощущение, что не дома выступают у него декорациями для театра человеческой жизни, а наоборот, люди играют роль стаффажных фигур для городского пейзажа, или роль повода для художественной реконструкции здания. Душой обладают не люди, а дома. Земенков часто цитировал В. И. Сурикова: «Я на памятники, как на живых людей смотрел — расспрашивал их: „Вы видели, вы слышали — вы свидетели…“ Стены я допрашивал, а не книги».

Но и эта точка зрения — лишь один из ракурсов. Земенков любил своих персонажей: Чехова и Толстого, Пушкина и Белинского, Гоголя и Щепкина — вдохновлялся их творчеством, изучал переписку, знал и ощущал, как живых. Доказательством тому — книга очерков о Москве первой половины XIX века4, составленная и прокомментированная Земенковым с большим знанием и любовью (включала, кстати, и замечательный отрывок из «Петербургских записок…» Гоголя, о Москве и Петербурге). Просто, став московским краеведом, Земенков и вдохновлялся почти исключительно на краеведческие исследования. Как он к ним пришел, как он ими занимался и каковы были их плоды — вот чему еще предстоит уделить внимание в этом очерке.

* * *

«Борис Сергеевич Земенков родился в 1902 г. в Москве. В год его рождения его отец, служащий Московской государственной

сберегательной кассы, жил на Плющихе, в 1907 г. снимал квартиру в 1-м Переяславском переулке, позже, вплоть до революции и в первые послереволюционные годы, семья жила у Красных ворот в доме Афремова — одном из первых московских „небоскребов“, восьмиэтажном доме на углу Орликова переулка. У Красных ворот прошли детство и юность Земенкова»5.

Сотни мальчиков рождаются ежегодно в разных живописных местах Москвы. Им дела нет до живущих рядом с ними художников и писателей, они с легкостью бьют из рогаток стекла в окнах архитектурных памятников, и мало кто из них берет потом в руки кисть или перо, тем более с тем, чтобы посвятить их родному городу (я говорю скорее о прошлом: сейчас рогатка — «раритет» и «винтаж»). Что привело Земенкова к поиску ушедшей в прошлое жизни — и чьей! — старых московских домов? С чего начал он строить свой фантастический, театрализованный мир, где ожившие тени исполняли свои роли прямо на улицах, или сами служили декорациями солировавшим особнякам, гостиницам, храмам?..

В шестнадцать лет Земенков поступает на графическое отделение Училища живописи, ваяния и зодчества (с 1920 — ВХУТЕМАС), одновременно посещает студию стиховедения и слушает лекции В. Я. Брюсова, Андрея Белого, В. И. Иванова, увлекается левыми течениями в поэзии и живописи — годы учебы его проходят «не под знаком овладения мастерством, а в метаниях и поисках „нового искусства“, новых художественных средств, в отрицании всего предшествующего»6.

В 1919 году он проводит несколько месяцев на Восточном фронте, участвует в боях; полученная контузия всю жизнь будет напоминать о себе нервным тиком. Еще до ухода на фронт Земенков примкнул к кружку Ипполита Соколова — группе экспрессионистов, издававшей произведения своих единомышленников. В 1920 году появляется его первая книжка — «Стеарин с проседью. Военные стихи экспрессиониста»:

> И если выстрел качнется человеком, давно не евшим,
> Качнется огоньком — начищенной медью,
> Только станет менее выцветшим
> Вечный снега стеарин с проседью7.

Опыты в стихах, графике и по теории направления восемнадцатилетний авангардист продолжает еще в двух замечательных книжечках (они издавались маленькими и тоненькими). Теоретическое «Корыто умозаключений»8 с жаром доказывало, что все прежнее искусство послужило лишь навозом

для цветка экспрессионизма. Однако важно другое: среди зауми этих пылких заявлений уже различимо характерное для будущего москвоведа стремление открыть «свой мир», невидимый для непосвященных. Как и в эпатирующих «умозаключениях», в стихах Земенкова (местами, кстати, еще более вызывающих) проявляется осознание ирреального внутреннего мира, а также страсть к сочному, колоритному образу:

И если высосется сейчас электричество,
Лучше заранее очи режь,
Потому что галлюцинаций такое количество,
Что они становятся в очередь.

Поэтический сборник «От мамы на пять минут»9, откуда взяты эти строки, иллюстрирован двумя авангардистскими рисунками Земенкова. Их выразительность свидетельствует о серьезной творческой работе, которая искупает и юношескую жажду самоутверждения, и полемический азарт «Корыта…». Кстати, в сборнике «От мамы…» Земенков очень дружно уживается с имажинистами Александром Краевским и, более известным, Вадимом Шершеневичем, а в следующем году вообще переходит от Соколова в «Российское Становище Ничевоков».

Рисунок Б. С. Земенкова

Звание «Чрезвычайного Ничевока живописи» указывает на то, что изобразительное искусство все-таки доминировало в творчестве Земенкова, постепенно вытесняя из него поэзию, значительных успехов в которой у него с тех пор уже не было заметно. Но в начале 1920-х он еще выступал на поэтических

вечерах в Политехническом музее и Доме печати, посещал литературные кафе «Домино» и «Стойло Пегаса», и, может быть, самое ценное, что дал ему этот период для дальнейшей деятельности, заключалось в общении, знакомствах с С. А. Есениным, В. В. Маяковским, Н. Н. Асеевым. Об этих и других поэтах, писателях, художниках многие годы спустя он будет писать уже как москвовед, выявлять их адреса, вспоминать, где встречался с ними сам, как выглядели памятные дома тогда, во времена его молодости:

«Мне неоднократно приходилось бывать у Есенина на ул. Москвина. Через 20 лет после события, уже работая над домами, я пришел сюда и оказалось, что мне легко воспроизвести отрывки бесед, их темы, даже интонации голоса, а вот в какой я подъезд входил, на какой этаж поднялся, даже в какой корпус — все это мучительно трудно было вспомнить, хотя именно эту задачу я себе ставил…»10

Рисунок Б. С. Земенкова

Эстетизм модных литературно-художественных течений был, увы, не единственным явлением, формировавшим взгляды двадцатилетнего художника:

Цоканьем цыкают цинк и рысца.
С эстрады всего лишь стекло ел,
А тут хлорэтилом льют на сердца
И строят сомкнутым строем11.

Это стихотворение осени 1919 года относится ко времени пребывания Земенкова на фронте, но, кажется, выражает и его душевное состояние последующих лет. Революционной эпохой он был поставлен в «сомкнутый строй», совершенно не был чужд большевистским идеям, а его карикатуры антиклерикального и атеистического характера не позволяют считать их автора ни набожным, ни даже сколько-нибудь верующим человеком. Оформляя своими рисунками сатирический альманах «Крысодав» (1923) он рисует врагов-буржуев крысами, а ГПУ, которое представляет как единственное и радикальное средство избавления — в образе кота-крысодава.

И пусть никто не судит человека, которому всего двадцать один год и который рад своему новому революционному государству. Просто понятнее становятся «пинки», которые потом будет раздавать «Гоголь в Москве»: М. А. Дмитриеву — за сенаторство («реакционный стихотворец»), В. А. Жуковскому и Виельгорским — за службу при дворе («содействовали развитию идейного кризиса Гоголя»), М. П. Погодину — за славянофильство12. А как еще расценить слова, что «лишь почти насильственно, эксплуатируя материальную зависимость от него, Погодину удалось вырвать у Гоголя для „Москвитянина“ отрывок повести „Рим“»13? Каковы бы ни были сложности в отношениях между славным писателем и знаменитым историком, сделавшим, кстати, Гоголю столько добра, и что бы ни писал Аксаков, или сам Погодин в своем дневнике, без социально-политического заказа в этой оценке дело не обошлось. Хочется верить, что ярлыки навешивал не Земенков, а какой-нибудь редактор «Главлита» (кажется, так называлась политическая цензура при редакциях и издательствах советских времен).

Но я не думаю, что большевистские «крестовые походы» радовали и питали душу. К середине 1920-х годов Земенков окончательно избирает путь художника, входит в общество «Бытие» и, участвуя в его выставках, пополняет своими московскими пейзажами Третьяковскую галерею. Его «интерпретацию экспрессионизма» и поиск «нового социального сюжета» одобряет критика. Но на рисунках тушью и белилами вдруг появляется «alter ego» Земенкова — ссутулившийся человечек в кепке с изможденным лицом и безжизненным взглядом. Вот он затравленно закрывает пятерней лицо, а за ним, над крышами двухэтажных домиков, плывут призраки египетских богов… «Тьма египетская».

Земенков продолжал работать в жанре городского пейзажа, а

в 1930–31 годах выпустил даже несколько брошюр по прикладной графике, в которых нашла отражение его практика иллюстратора и оформителя. Тем не менее, судя по мучениям героя его рисунков, он все же не находил своего собственного, свободного и внутренне осмысленного пути. Доказательством тому — очевидный, по-моему, факт, что ему так и не удалось проявиться в чем-либо достаточно ярко, то есть так ярко, как потом он проявился на поприще историка-москвоведа, исследователя мемориальных домов. Поэтому, думаю, поиск себя в эти годы у Земенкова не прекращался. Увлекшись Чеховым, он решил писать чеховскую Москву и за консультацией обратился к такому знатоку московской старины как П. Н. Миллер:

«Я могу себя считать учеником покойного ныне председателя общества „Старая Москва“ Петра Николаевича Миллера, — вспоминал впоследствии Земенков, — Сам я по профессии художник и в те годы ни о какой исследовательской работе не думал. Привело меня на заседания общества „Старая Москва“ желание писать Москву, но писать ее не бездумно, а выявляя какие-либо памятные места, которые в ее большой истории сыграли известную и значительную роль. Однажды, после одного из заседаний (это было лет 15 назад), я сказал Петру Николаевичу, что близится одна из чеховских дат, и было бы интересно запечатлеть те дома, где он жил. Последовал вопрос: а что вам известно по этому поводу? Я ответил, что в письмах Чехов часто указывает фамилии владельцев тех домов, где он живет. „Ну, и прекрасно, — последовал ответ, — рисуйте, мы вам устроим выставку, а главное, вы у нас сделаете сообщение“. Я растерянно стал отказываться. „Включаю в календарный план, — последовал суровый ответ, — а я вам буду помогать. Выпишите домовладельцев и приходите ко мне“. Дня через два я был у него, начав с дома Клименкова на Якиманке…»14

Далее Земенков излагает свой первый поиск памятного дома, свою ошибку и полученные по этому поводу наставления маститого историка. В результате, общение с Миллером стало поворотным моментом в творческой биографии художника-москвоведа. Уже в 1941 году, перед войной, в Москве и Ленинграде с успехом проходят выставки его акварелей «Литературные Петербург и Москва». В течение пятнадцати лет (1939–54) им было создано свыше 200 графических работ (карандаш, акварель, гуашь), которые фиксировали или реконструировали облик историко-культурных памятников Москвы и Подмосковья — главным образом, мемориальных зданий. Значительную часть этих «рисунков-реставраций» составили серии, связанные с именами А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, В. Г. Белинского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, В. В. Маяковского и других писателей. Работы выполнялись для Государственного Литературного музея и для Музея истории и реконструкции Москвы (с 1986 — Музей истории Москвы). В последнем (где художник входил также в ученый совет музея) собрание графики Земенкова, начавшее формироваться при его жизни, по его кончине (1963) было пополнено его вдовой, Галиной Леонидовной Владычиной, которая к тому же частью отдала, частью продала музею картотеку и другие рукописи своего покойного мужа, множество его книг и коллекцию старых открыток.

В исследованиях Земенкова вполне отразился тот факт, что столичному краеведу совершенно невозможно игнорировать и

загородные сюжеты истории. Жизнь московского дворянства — это, на добрую половину (а именно, на теплую половину года), жизнь подмосковных усадеб. Земенков реконструирует барские поместья на акварелях 1944–47 годов и освещает их былую жизнь приблизительно семью десятками исторических очерков, вошедших частично в туристический путеводитель «Подмосковье»15, а полнее всего — в известный, солидный сборник «Подмосковье. Памятные места…»16.

Кстати, как и к поиску московских мемориальных адресов, к изучению подмосковных памятных мест Земенкова привел Чехов. В начале 1950-х москвовед напишет: «…Истринский быт с древним почтмейстером, запечатленный в „Экзамене на чин“, больными крестьянами (рассказы „Токарь“, „Беглец“), провинциальными интеллигентами, столь многократно проходящими сквозь творчество Чехова, необычайно отвечали, как сырьевой материал, его писательскому труду»17. Маленький городок Истру, бывший Воскресенск, с Новым Иерусалимом (Воскресенским монастырем), а также соседнее Бабкино (бывшую усадебку Киселевых, где жили Чехов и Левитан), Земенков рисует летними и осенними месяцами 1939–42 годов. Таким образом была создана ценнейшая с исторической точки зрения и при этом страшная эмоционально, пронзительно трагическая летопись стремительной гибели цветущей, изобильной садами местности, а главное — взорванного монастыря, мировой жемчужины архитектуры. Июнь — август 1939 и два сентября 1940–41 годов являют еще прежнюю картину. Рисунки июля — августа 1942 года представляют уже опустошение, произведенное военными действиями под Москвой в ноябре — декабре 1941 года: печи и кирпичные трубы, оставшиеся от испепеленных домов, сгоревшая техника на дорогах, руины монастыря. Точно обезумевший погорелец, который, не в силах покинуть родного пепелища, все бродит и бродит по нему кругами, так Земенков все рисует и рисует взорванный собор, поврежденные стены и башни, флигели, колючую проволоку на их фоне, развалины надвратной церкви…

Давно замечено, что потеря во время Великой Отечественной войны огромного количества памятников истории и архитектуры, в сочетании с максимально активизированным чувством патриотизма, как бы повернула душу общества и его внимание к этим памятникам, подчеркнув в его глазах их хрупкость, невосполнимость и значимость. Земенков — одно из проявлений и составляющих такого перелома в общественном сознании. В 1949 году он станет участником очень важной для столицы и особенной для своего времени работы, войдя, вместе с историками-москвоведами М. Ю. Барановской и В. В. Сорокиным,

в научный актив при моссоветовской секции по выявлению и охране исторических памятников Москвы. К сотрудничеству с этой только что учрежденной «секцией» пригласит их, тоже только что назначенный, ее инспектор, молодой лейтенант авиации в запасе Л. А. Ястржембский, понимавший, что без помощи опытных специалистов ему не обойтись. В течение нескольких лет затем памятники выявлялись, обследовались, получали паспорта и ставились на охрану. «Епархией» Земенкова были, конечно, мемориальные дома. Ценным результатом для всех участников этой совместной деятельности стали, ко всему прочему, и возникшие между ними дружеские отношения. Эта дружба не раз потом приносила плоды и в исследованиях, и в творчестве18.

Однако я забежал вперед. В годы войны Земенков еще продолжает оставаться просто художником, ведя своеобразную хронику событий. Приближение боевых действий к столице, кроме как в истринских зарисовках, было им отражено в серии рисунков «Москва в ноябре — декабре 1941 года» (участвовал также в создании плакатов «Окна ТАСС»). Но рядом с этим в его творчестве все больше места начинает занимать историко-краеведческое направление. Все чаще изображаются памятные дома, овеянные славой русских поэтов и писателей — оживает девятнадцатый век, вспоминается начало двадцатого. И, наконец, интерес к прошлому Москвы вырывается за рамки изобразительного искусства. Земенков начинает выступать с лекциями и водить экскурсии — опять же развивая тему московских и подмосковных памятных мест. Более того, он возвращается к литературному творчеству. Появляются очерки «Истра», «По литературной Москве, пострадавшей от фашистских бомб», «Школа ненависти (Музей на минном поле)»19. Та же тематика затрагивалась и перед различными аудиториями, поэтому не исключено, что эти его первые краеведческие очерки 1942 года представляли собой письменно подготовленные лекции или экскурсии.

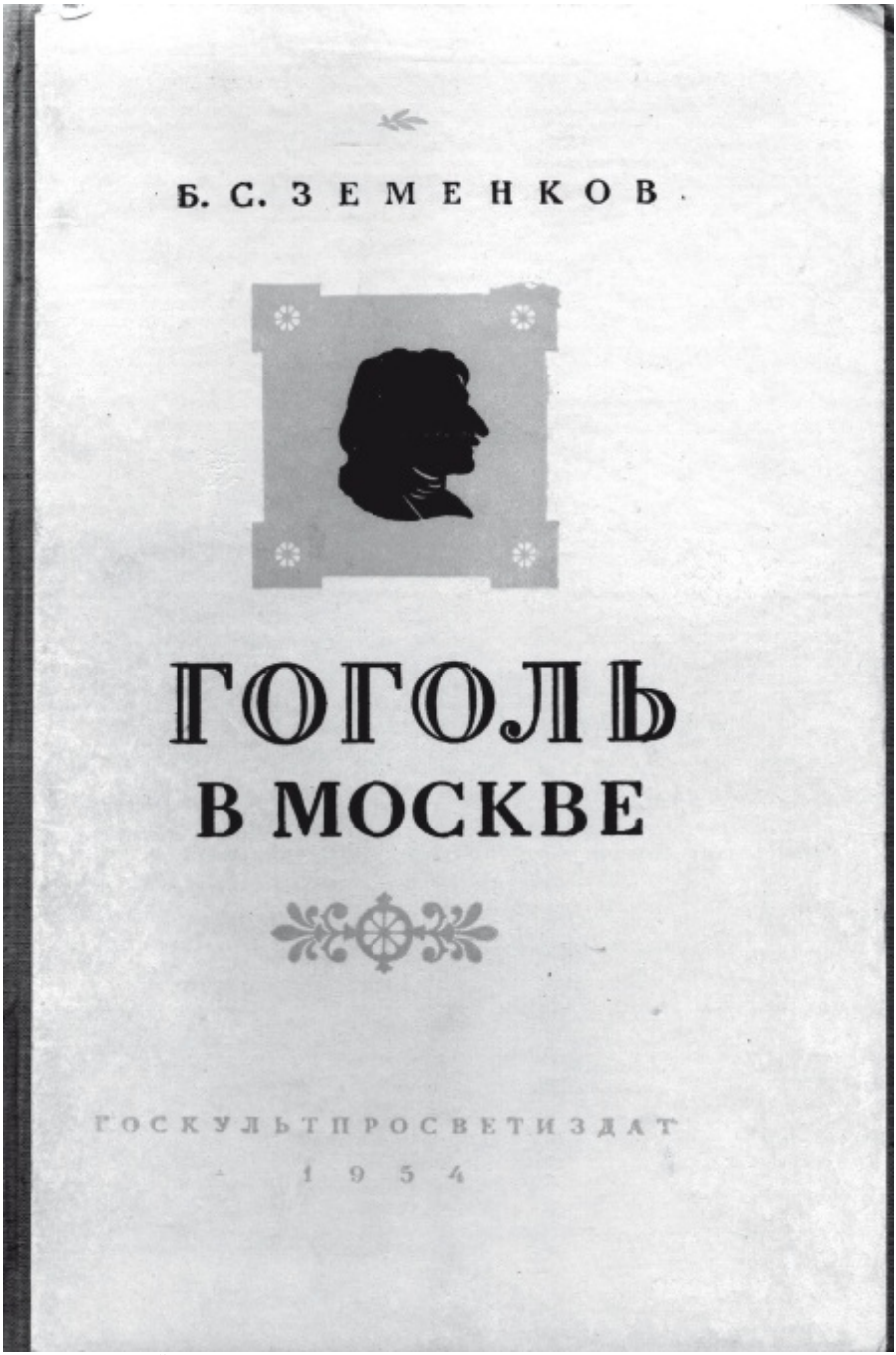
После войны статьи Земенкова о литературных памятных местах Москвы и Подмосковья начинают появляться в печати. Не считая заметок в периодике («Вечерней Москве» и пр.), он участвует в сборнике «Подмосковные» (М., 1946) очерками «Авдотьино» и «Чеховская Истра», а в «Литературных экскурсиях по Москве» (М., 1948) — статьей-экскурсией «По чеховским местам в Москве». В 1951 году в сборнике «Литературное наследство» (Т. 57) публикуется его монография «Белинский в Москве». Наконец, дата выхода в серии «Трудов Музея истории и реконструкции Москвы» нашего «Гоголя…» (М., 1954) оказывается

отмеченной и на последних датированных акварелях Земенкова в собрании его графики в этом музее. Следовательно, около середины 1950х годов москвовед — к тому времени уже опытный и известный — окончательно оставляет изобразительные средства отображения своих исследований, полностью предпочтя литературные. То есть снова превращается из художника в литератора. И кстати — любопытная деталь! Последняя датированная работа — это чеховский дом Клименкова на Якиманке. Тот самый, с которым Земенков пришел к Миллеру!

Литературное творчество, видимо, все более удавалось, все более оказывалось востребованным и поэтому все более увлекало. Возможно, именно это стало причиной полной концентрации на нем, а, может быть, у Земенкова уже зрел замысел самой известной и самой значительной его книги — «Памятных мест Москвы» (М., 1959). Надо думать, что ее подготовка заняла достаточно времени и сил. Вообще, исходя из вышеизложенного, у читателя может сложиться неправильное впечатление, что Земенков интересовался только писателями и поэтами. Но в «Памятных местах…» не менее обширные разделы, чем о литературе, посвящены также ученым (в различных областях), актерам театра, художникам и скульпторам, композиторам и музыкантам. Это, действительно, энциклопедия. Земенков занимался всеми. Отдельной темой его исследований был друг Гоголя Михаил Семенович Щепкин. Книжечка о нем, по земенковским материалам, была подготовлена и издана уже после кончины москвоведа20. Сохранилась записка Земенкова его ученику и другу, директору Музея истории и реконструкции Москвы, Л. А. Ястржембскому (очевидно, на заседании ученого совета): «Лев Андреевич! Может быть (если Вы будете до конца), поговорим о моей роковой теме „Декабристов“. Б. Земенков» (рукой Ястржембского отмечена дата написания — «26/I-56»)21. Наверное, не будет ошибкой сказать — и это подтверждается материалами личного архива, — что в последнее десятилетие жизни и деятельности Земенкова, ему были интересны чуть ли не все прежде жившие москвичи, которых он в состоянии был охватить и которые, или словом, или делом, оставили хоть какой-то след в культуре Москвы XVIII–XX веков.

«Сколько замечательных домов в Москве! — восклицал он еще в 1942 году, — Какие удивительные повести писательских биографий могут нам рассказать эти тихие мезонины арбатских переулков, дворовые крылечки деревянного Замоскворечья или шумные подъезды доходных домов Петровки и Дмитровки. Сколько наслоений эпох подчас на одной улице или в одном доме! Какая красноречивая геология человеческих дум, мечтаний,

трудов! Как часто здесь творец и прототип его героя живут рядом, ходят друг к другу в гости, пьют чай и обсуждают последние европейские новости. Когда мы заходим в эти квартиры, поднимаемся по тем же лестницам, по которым проходили на прогулку, спешили в журналы или на дружеское свидание любимые наши авторы, мы как бы вступаем в самые тайники психологии их творчества, мы посещаем места, где зарождались те идеи и образы, которые формировали нашу юность, которые обогащали наше зрелое сознание мечтами, которые учили нас понимать и любить свою великую Родину…»22



Титульный лист книги Б. С. Земенкова «Гоголь в Москве». 1954 г.

Лишь один вопрос остался неразрешенным. Он возник в самом начале очерка, по поводу «Гоголя в Москве». Что всетаки для Земенкова было важнее — дома или люди? Азарт при поиске первых или радость от приобщения к внутреннему миру вторых?

Реконструировать утраченный облик здания или воссоздать стертый временем образ человека? Лично мои наблюдения на этот счет сложились в следующее рассуждение.

Отношения с минувшим Москвы развивалось у Земенкова двумя путями, периодически стремившимися разойтись и все же стягивавшимися самим москвоведом в две параллельные, даже соприкасающиеся колеи. По одной его гнала жажда открытий, по другой — желание духовного прикосновения к прошлой жизни, преимущественно творческих людей.

Первым путем, «имея в руках основную ниточку, потянув которую, можно распутать весь клубок»23, шел историк-ученый, историк-детектив, ищущий новые факты, выясняющий обстоятельства, реконструирующий детали. Главные книги Земенкова («Гоголь в Москве», «Памятные места Москвы»), а еще более — подготовительные материалы из его архива временами напоминают собрание личных досье и картотеку агента «III отделения». Дела людей — это места жительств, памятных встреч, соответствующие даты. Дела домов — это моменты построек и перестроек, но главное — эпизоды, определяющие их историческую ценность. Связать место и время, выявить событие и его декорации, расследовать все в деталях — вот стремление, вовлекшее Земенкова, до того графика-пейзажиста, в азартное ремесло детектива. Неслучайно, уже набравший в свою авоську старых исторических журналов, москвовед напоследок спрашивал в библиотеке что-нибудь новенькое художественно-криминального жанра — «для души».

Реанимация внутренних движений, ощущений и связей прошедшей реальности, их пересоздание в литературных и графических работах — цели, увлекавшие Земенкова по второй дорожке, более узкой настолько, насколько тоньше профессии следователя мастерство поэта, чутко прислушивающегося к душевному миру своих героев. Решение задачи зависело от умения проникнуть в изучаемое время, проследить ниточки, ведущие от сердца писателя, художника или актера к его жилищу или, например, маршрутам прогулок: как складывались эти взаимоотношения? Вдохновлялся ли творческий ум обстановкой, пейзажем или оставался равнодушным? А может, начинал изменять место обитания под себя, что-то перестраивать?

Вглядываясь в екатерининскую эпоху, которая театрализовывала все проявления жизни и переплетала быт с поэзией, Земенков прямо утверждает, что «литературные дома XVIII века в своем большинстве являются такими же творческими произведениями данного автора, как его пьеса, стих или повесть.

Они как бы являются вещественными, материальными параллелями к его книгам. Вот почему, изучая их, мы как бы входим в творческий мир писателя, но через другую дверь»24. А в следующем веке Суриков, точно за дичью, гоняется за натурой в окрестностях Арбата. «Памятные места Москвы» приводят собственные воспоминания живописца о встрече на Пречистенском бульваре с опальным «Меншиковым» — стариком-учителем Невенгловским, жившим в Большом Власьевском переулке, и о церкви Николы на Долгоруковской, вошедшей в пейзаж «Боярыни Морозовой».

Что же сильнее увлекало Земенкова — ремесло сыщика или медитация романтического критика? Произведений москвоведа явно недостаточно, чтобы судить об этих колебаниях. Что «Белинский в Москве», что «Гоголь…», что «Памятные места…» наконец — все имеют стержнем и основой дома, вообще памятниковедческую работу, а уже к истории мемориальных мест привязываются, с более или менее подробными характеристиками, деятели московской культуры, отмечаемые, в первую очередь, как жильцы или гости, домовладельцы или квартиросъемщики.

Только последними книгами уравнивается положение между исследователем владений и историком взаимоотношений с местностью у творческих личностей: очерки для книги «Подмосковье. Памятные места…» (М., 1962) приближаются к анализу внутреннего облика владельцев по характеру их имений, а в собранных и прокомментированных Земенковым «Очерках московской жизни» (М., 1962) сами герои краеведческих досье, Пушкин с Гоголем да Герцен с Островским, в компании более чем десятка прочих писавших современников, проявляют свою индивидуальность в описаниях Москвы, в выражении к ней своих чувств.

Экслибрис Б. С. Земенкова

По вышеназванным трудам может сложиться впечатление, что их автор сначала увлекся декорациями, а уже после переключился на действующих лиц и их роли. Однако именно восхищение внутренним миром Чехова когда-то привело молодого пейзажиста к решению писать чеховскую Москву, а с

этим решением — к Петру Николаевичу Миллеру, который вместе с умением разыскивать памятники передал художнику и азарт поиска. Первоисточником же явился и продолжал оставаться интерес к человеку, его жизни и творчеству.

Впрочем, лихорадочное возбуждение следопыта и напряженное внимание биографа гармонировали между собой, друг друга обусловливая и подпитывая. Если не публикации, то личный архив Земенкова показывает равнозначность и одновременность обоих мотивов, а, следовательно, и направлений работы. Нагляднее всего это прослеживается по подготовленным в начале 1950-х годов сообщениям (докладам или лекциям) «Работа над мемориальным памятником» и «Как смотреть литературные места»25, предназначавшимся для ознакомления аудитории со спецификой краеведческой деятельности их автора.

«Работа над мемориальным памятником» — это как бы инструкция по изучению, написанная для москвоведа-исследователя, для ученого. «Как смотреть литературные места» — это инструкция по популяризации, составленная для москвоведа-экскурсовода, гида. Смысл первого выступления сводился к науке искать и находить факт со всеми его обстоятельствами — главным образом места и времени, давая к тому конкретные средства по отдельным домам. Второй доклад содержал опыт передачи уже собранного и осмысленного материала экскурсантам, поэтому «как смотреть» в его заглавии можно читать: «как показывать», «как преподносить». В первом случае преподается наука установить и выяснить, докопаться и проверить, во втором — вообразить, представить и, тем самым как бы войдя в памятник, воспитать в себе и других некое «историческое чувство».

Работа над мемориальным памятником раскрывается в таких тонкостях, как определение достоверности исторического источника или установление реального местоположения здания, как использование при этом «номера по части» или «неизменяемых ориентиров», как необходимость осмотра строений со двора или вообще изучения планов и дел владений.

Смотреть литературные места предлагается так, чтобы видеть, например, насколько сильно вдохновлял Чехова быт старой, сгоревшей в войну Истры, насколько был ему созвучен, в то время как Левитан там же писал не истринские, а «левитановские» пейзажи — характерные для его творчества, но не для тех мест.

«Я бы позволил себе сравнить вашу работу с работой следователя, который в сопоставлении сведений устанавливает

истину»26 — вот взгляд на краеведческий труд, внушаемый одним текстом. «За архитектурой, за пейзажем, за тонкой планировкой усадьбы или парка мы должны искать образ живого человека, творившего и мыслившего здесь»27 — такова красная нить другого наставления.

Таким образом, оба теоретических рассуждения оказываются двумя различными, но взаимодополняющими идеологиями земенковской практики — двумя сторонами единого целого. Резюме можно выразить утверждением самого москвоведа, который еще в 1942 году, в статье «По литературной Москве, пострадавшей от фашистских бомб», в качестве своего принципиального подхода, обосновывал мысль, что «памятник нужно изучать в связи с судьбой людей, живших в нем, что они — человек и дом — в памяти потомков и, значит, в трудах исследователей-историков должны стать навек неразделимы»28.

* * *

Борис Сергеевич Земенков, интереснейший историк культуры Москвы, художник и литератор, он тоже теперь — история. И не только как страница истории москвоведения. Его жизнь — первые шестьдесят лет прошлого столетия. Первая половина и чуть больше — со всем плохим и хорошим, что в ней было, что овевало Земенкова живительными ветрами и тлетворными поветриями. Сами его «наблюдения современника», устарев, стали ценны, как момент истории. Он застал еще «Ларинский домик» в Большом Харитоньевском и усадьбу Погодина на Девичьем поле, он успел зарисовать довоенную, не сожженную Истру, он кипятился перед В. Г. Лидиным, видя никому не нужным домик Щепкина в Большом Каретном — для нас все эти памятники существуют теперь лишь на старых изображениях, в том числе на земенковских акварелях и карандашных набросках.

Впрочем, многое и порадовало бы москвоведа. Измененные позднейшими перестройками, отреставрированы памятные дома Пушкина на Арбате, Лермонтова на Малой Молчановке, Гоголя на Никитском бульваре, пушкинский же дом Обера (гостиниц «Север» и «Англия») в Глинищевском переулке — все они относительно недавно, уже после Земенкова, вновь обрели тот вид, в котором встречали наших любимых писателей.

Еще, наверное, Борис Сергеевич, случись ему прочитать о себе этот очерк, подивился бы разным заумным рассуждениям на тему его исследований и творчества. Сам он, вероятно, относился гораздо проще к тому, чем занимался. Просто жил и работал. На

удивление добрый и простосердечный («много детского» видел в нем Лидин), он сажал цветы у себя на даче в Абрамцеве, кормил птиц на подоконнике (жил в Большом Козловском переулке, дом 2/46), выпивал с друзьями-москвоведами и скромно говорил «польщен», прикладывая руку к груди, если начинали хвалить его открытия. «Он любил людей, одержимых какой-либо страстью, коллекционеров и непризнанных вещателей где-нибудь в закусочной или столовке, готов был сам провести с ними не один час или даже целый день, нарушая порядок своей работы…»29 Важной стороной, содержанием его внутренней жизни были и эти встречи, и регулярные путешествия по Москве и Подмосковью — с попутчиками или без, но всегда с друзьями, являемыми ему музой истории. Умелый мастер, он складывал из своих находок широкую и пеструю картину той жизни, которая от непросвещенного взгляда скрыта за холмом времени.

Примечания

(1)

1. Центральная городская библиотека — мемориальный центр «Дом Н. В. Гоголя»; Никитский бул., 7а.

2. *Земенков Б. С.* Памятные места Москвы: Страницы жизни деятелей науки и культуры. М., 1959.

3. *Земенков Б. С.* Работа над мемориальным памятником / Подг. текста, предисл. и прим. Д. А. Ястржембского // Археографический ежегодник за 1997 год. М., 1997. С. 623–636 (далее — Работа над мемориальным памятником).

4. Очерки московской жизни / Предисл., прим., сост. и подг. текста Б. С. Земенкова. М., 1962.

5. *Муравьев В. Б.* «Поправляйте и продолжайте»: Борис Сергеевич Земенков: 1902–1963 // Краеведы Москвы: Сб. [Вып. 2.] М., 1995. С. 260–280 (далее — Муравьев). С. 262.

6. *Муравьев.* С. 263.

7. *Земенков Б. С.* Стеарин с проседью: Военные стихи экспрессиониста. [М.], 1920. С. 11. Цитируется по очерку: Муравьев. С. 264.

8. *Земенков Б. С.* Корыто умозаключений: Экспрессионизм в живописи. [М.], 1920.

9. *Земенков Б., Краевский А., Шершеневич В.* От мамы на пять минут / Редактор Б. Земенков. [М., 1920] (далее — От мамы…). Цитируется отрывок из стихотворения «Чепуха» (с. 8 указанного издания).

10. Работа над мемориальным памятником. С. 630. Речь идет о квартире Есенина в начале 1920-х годов в Богословском переулке (в 1946–94 — ул. Москвина; ныне — Петровский пер., 5).

11. От мамы… С. 10.

12. *Земенков Б. С.* Гоголь в Москве. М., 1954. С. 9, 10–11, 71–72.

13. Там же. С. 9.

14. Работа над мемориальным памятником. С. 626–627.

15. Подмосковье: Экскурсии и туристские маршруты. Изд. 2-е, перераб. М., 1956.

16. Подмосковье: Памятные места в истории русской культуры XIV–XIX веков. М., 1962. В сборник вошло 66 очерков Земенкова о литературных местах Подмосковья.

17. *Земенков Б. С.* Как смотреть литературные места / Подг.

текста и предисл. Д. А. Ястржембского // Археографический ежегодник за 1996 год. М., 1998. С. 369–378 (далее — Как смотреть литературные места). Цитата: С. 374.

18. См. также: *Сорокин В. В.* По Москве исторической / Под общ. ред. В. Б. Муравьева. М., 2006. С. 447–448; *Ястржембский Д. А.* Л. А. Ястржембский как участник Великой Отечественной войны и историк Москвы: По материалам личного архива // Археографический ежегодник за 2005 год. М., 2007. С. 137–145; Он же. Автографы М. Ю. Барановской в библиотеке и личном архиве Л. А. Ястржембского // Альманах библиофила. Вып. 31. М., 2007. С. 65–79.

19. Рукописи хранятся в Музее Москвы, в личном архиве Б. С. Земенкова (ОФ 26064. Оп. 1. Д. 15, 48, 60). В вышеуказанные сборники о Подмосковье, в которых участвовал Земенков, входят его очерки об Истре и Бабкине; см. также его: Чеховская Истра // Подмосковные. М., 1946. Публикации двух других очерков не известны — скорее всего, они не публиковались.

20. *Земенков Б. С.* М. С. Щепкин в Москве / Под ред. И. С. Романовского. М., 1966.

21. Находится в личном собрании автора.

22. Отрывок из статьи «По литературной Москве, пострадавшей от фашистских бомб». Цитируется по очерку: Муравьев. С. 267–268.

23. Работа над мемориальным памятником. С. 626.

24. *Земенков Б. С.* Литературная Москва XVIII века. Машиноп. текст: Стенограмма доклада 24 нояб. 1944 г. С. 9–10 (статья находится в личном собрании автора).

25. Рукописи хранятся в Музее истории Москвы, в личном архиве Земенкова (ОФ 26064. Оп. 1. Д. 55, 16). Опубликованы в «Археографических ежегодниках» за 1997 и 1996 года (сноски с библиографич. описанием см. выше).

26. Работа над мемориальным памятником. С. 629.

27. Как смотреть литературные места. С. 377.

28. *Муравьев.* С. 267.

29. *Лидин В. Г.* Борис Земенков // У художников. М., 1972. С. 111.

Сергей Шокарев. Арбат в жизни Н. В. Гоголя

Заповедный Арбат — старинный и интереснейший район Москвы — прочно вошел в историю русской и мировой культуры. С этой местностью связаны жизнь и творчество классиков русской литературы, выдающихся ученых и творцов в области художественной культуры. Для большинства москвичей Арбат тесно связан с именем Александра Сергеевича Пушкина, прожившего здесь первые счастливые месяцы после свадьбы с февраля по май 1831 г. Об этом напоминают памятнику А. С. Пушкину и его супруге на Арбате и мемориальный музей-квартира поэта в доме на Арбате, 53. Однако с Арбатом тесно связана жизнь и другого великого писателя — Николая Васильевича Гоголя. Гоголь прожил в Москве около четырех с половиной лет, и большую часть из них — около трех — в Арбатской части, на Никитском бульваре, 7а. Многое на Арбате хранит память о Гоголе. Он часто бывал в арбатских переулках в гостях у друзей и знакомых. Здесь находятся два (редкий случай!) памятника писателю, а в доме на Никитском бульваре, где жил и умер Гоголь, располагается Центральная городская библиотека — мемориальный центр «Дом Н. В. Гоголя». На Арбате и в Приарбатье жили и работали многие деятели науки и искусства, творчество которых тесно связано с гоголевским наследием.

Писатель впервые попал на Арбат уже в свой первый приезд в Москву в июне 1832 г. Вместе с М. П. Погодиным, которого Гоголь знал еще по Санкт-Петербургу, он посетил один из литературных вечеров у С. Т. Аксакова, который жил тогда в доме № 12 по Большому Афанасьевскому переулку. Так состоялось знакомство Гоголя Аксаковыми, ставшими одними из близких ему людей, и так произошло его знакомство с одним из интереснейших районов Москвы — Арбатом.

* * *

Арбат уже во времена Гоголя воспринимался не только как одна из московских улиц, но как обширная местность. К концу XIX столетия ее границы определялись между линиями бульваров от Бульварного кольца до Садового с востока на запад и примерно от Никитской улицы (или даже от Спиридоновки) до Остоженки с севера на юг. В административном отношении эта

местность делилась на две части — Пречистенскую и Арбатскую. При этом к Пречистенской части относились дома по нечетной стороне Арбата. Эта местность сильно пострадала во время пожара Москвы в 1812 г., и на протяжении 1820-х гг. застраивалась так называемыми «послепожарными» дворянскими особняками, образцовые проекты которых были разработаны Комиссией для строения города Москвы, которую возглавлял выдающийся архитектор Осип Иванович Бове. К счастью, на Арбате и соседних Пречистенке и Остоженке сохранилось немало образцов послепожарной застройки. Это дома по адресам — Арбат, 37 (особняк конца XVIII в., восстановленный после пожара); Арбат, 42; Сивцев Вражек, 30 (филиал Государственного литературного музея — Выставочные залы в доме Аксаковых); Трубниковский переулок, 17; Молчановка, 2 (Дом-музей М. Ю. Лермонтова); Гагаринский переулок, 15 («Дом В. И. Штейнгеля»); Денежный переулок, 9/6 и 11; Малый Власьевский переулок, 5 и другие.

Каждое из этих строений обладает определенным своеобразием, и каждое несет на себе типические черты образцовых проектов из «Альбомов» комиссии О. И. Бове. Каменные или деревянные послепожарные особняки имели один или два этажа, характерной чертой здания было наличие мезонина — надстройки над средней частью дома, часто с балконом. Фасады зданий украшались лепным орнаментом или рустом — облицовкой крупными камнями прямоугольной формы или имитацией такой облицовки. К особнякам примыкало пространство сада, окруженного оградой. В саду также находились хозяйственные постройки.

В первой половине XIX в. Арбат был в основном заселен дворянством. Известный ученый и революционер князь П. А. Кропоткин, родившийся в 1842 г. в особняке на Старой Конюшенной, называл «лабиринт чистых, спокойных и извилистых улиц и переулков, раскинувшихся между Арбатом и Пречистенкой» «Сен-Жерменским предместьем Москвы»1. Воспользуемся образным описанием князя-революционера для характеристики Арбата в те времена, когда здесь бывал Гоголь:

> «В этих тихих улицах, лежащих в стороне от шума и суеты торговой Москвы, все дома были очень похожи друг на друга. Большею частью они были деревянные с ярко-зелеными железными крышами; у всех фасад с колоннами, все выкрашены по штукатурке в веселые цвета. Почти все дома строились в один этаж, с выходящими на улицу семью или девятью большими

светлыми окнами. На улицу выходила „анфилада“ парадных комнат. Зала была большая, пустая и холодная, в два-три окна на улицу и четыре во двор, с рядами стульев по стенкам, с лампами на высоких ножках и канделябрами по углам, с большим роялем у стены; танцы, парадные обеды и место игры в карты было ее назначением.

Затем гостиная, также в три окна, с неизменным диваном и круглым столом в глубине и большим зеркалом над диваном… А за маленькой гостиной — уборная, угольная комната с громадным трюмо, перед которым дамы одевались, едучи на бал… За уборной под прямым углом помещалась спальня, а за спальней начинался ряд низеньких комнат; здесь были „девичьи“, столовая, кабинет. Второй этаж допускался лишь в мезонине, выходившем на просторный двор, обстроенный многочисленными службами: кухнями, конюшнями, сараями, погребами и людскими. Во двор вели широкие ворота, и над медной доске над калиткой значилось обыкновенно: „Дом поручика или штаб-ротмистра и кавалера такого-то“ Редко можно было встретить „генерал-майора“ или соответствующий гражданский чин…

Лавки в эти улицы не допускались, за исключением разве что мелочной или овощной лавочки, которая ютилась в деревянном домике, принадлежавшем приходской церкви. Зато на углу уже, наверное, стояла полицейская будка у дверей которой днем показывался сам будочник с алебардой в руках, чтобы этим безвредным оружием отдавать честь проходящим офицерам…

Утром никого нельзя было встретить на улицах. В полдень появлялись дети, отправлявшиеся под надзором гувернеров-французов или нянек-немок на прогулку по занесенным снегом бульварам. Попозже можно было видеть барынь в парных санях с лакеем на запятках… Вечером большинство домов было ярко освещено; а так как ставни не запирались, то прохожие могли любоваться играющими в карты или же танцующими…»

Арбат. Неизвестный художник первой половины XIX в.

Впрочем, далеко не во всех дворянских особняках вечера проводили в развлечениях. В описываемую эпоху во многих салонах и на дружеских вечерах, в том числе и на Арбате, кипели литературные, философские и политические споры. Именно в эту среду и попал Гоголь, здесь его приняли и полюбили. На Арбате и в Приарбатье еще до приезда Гоголя в Москву жили те, кого писатель любил и почитал, считал своими учителями и наставниками, чьим творчеством восторгался и находил в нем вдохновение.

Первым из них следует назвать поэта, писателя и историка Николая Михайловича Карамзина (1766–1826). Гоголь восторженно отзывался о Карамзине, особенно отмечая наиболее близкое ему направление деятельности великого историографа — его учительство. *«Имей такую чистую, такую благоустроенную душу, какую имел Карамзин, и тогда возвещай свою правду: все тебя выслушает, начиная от царя до последнего нищего в государстве. И выслушает с такою любовью, с какой не выслушивается ни в какой земле, ни парламентский защитник прав, ни лучший нынешний проповедник, собирающий вокруг себя верхушку модного общества, и с какой любовью может выслушать только одна чудная наша Россия, о которой идет слух, будто она вовсе не любит правды»,* — писал Гоголь Языкову. Многолетний московский житель, Карамзин после пожара Москвы 1812 года, в котором погибли его архив и библиотека, и до переезда в Санкт-Петербург (в 1816 г.) жил в доме Ф. Ф. Кокошкина на

Воздвиженке, 13 (дом не сохранился), неподалеку от Арбатской площади.

Друг Н. М. Карамзина Василий Андреевич Жуковский (1783–1852) был для Гоголя не только близким другом, покровителем и наставником, но и хранителем карамзинской литературной традиции. Сам Жуковский очень любил Гоголя, ласково называя его «Гоголек». Прославленный поэт и наставник-воспитатель наследника престола Александра Николаевича (будущего Александра II), Жуковский деятельно хлопотал за Гоголя, оказывал ему большую и разнообразную помощь. Еще в 1810–1811 гг. Жуковский жил на Пречистенке, 24 (дом не сохранился). С Гоголем он встречался в Санкт-Петербурге и за границей, но в этих разговорах, они могли вспоминать и Москву, и Приарбатье.

Имя Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837)было для Гоголя величайшей святыней. О масштабе его личности Гоголь писал: *«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, каким он, может быть, явится чрез двести лет».* Оказавшись на Арбате, он не мог не вспомнить о близких связях Пушкина с этой местностью. Любопытно, что первые биографы поэта считали, что Пушкин родился близ Арбата. Источником этих сведений были предания, заимствованные из пушкинского окружения и, вероятно, восходившие к словам самого Пушкина, которому район Арбата был очень близок. В 1807 г. семья Пушкиных жила в Кривоарбатском, а в сентябре 1810 г. — в небольшом домике священника у церкви Николая чудотворца на Курьих ножках, на углу Борисоглебского переулка и Большой Молчановки. Отсюда дядя поэта, Василий Львович, повез его в Царскосельский лицей.

Василий Андреевич Жуковский

В следующий раз Пушкин приехал в Москву в 1826 г., возвратившись из ссылки. Он остановился в доме у близкого друга С. А. Соболевского на Собачьей площадке. Главный дом в московской биографии Пушкина, это, конечно, дом № 53 по Арбату, в котором сейчас находится Музей-квартира А. С. Пушкина. Поэт прожил в нем первые месяцы после свадьбы — с февраля по май 1831 г. В эти дни, наполненные для поэта особой радостью, его гостями были Е. А. Баратынский,

П. А. Вяземский, Н. М. Языков, И. В. Киреевский и другие московские друзья и знакомые, ставшие впоследствии друзьями и знакомыми Гоголя. Многие из них и жили по соседству — на Арбате и в Приарбатье. Арбат богат памятными местами, связанными с Пушкиными — Пушкинский сквер, памятник поэту и его супруге Наталье Николаевне на Арбате, в Спасопесковском переулке, церковь Вознесения Господня (Большое Вознесение) на Большой Никитской.

Как можно видеть, еще до появления Гоголя в Москве, Арбат стал средоточием московской культурной жизни. Поэтому, представляется закономерным, что московский период в жизни писателя начался и завершился на Арбате.

Нельзя не сказать и об еще одной черте арбатской жизни. П. А. Кропоткин вспоминал:

> «Церквей в этой части Москвы было множество; все они со множеством главок, на которых непременно красуется полумесяц, попираемый крестом. Одни из этих церквей раскрашены в красный цвет, другие — в желтый, третьи — в белый или коричневый, и каждого тянуло именно к своей — желтой или зеленной — церкви. Старики любили говорить: „Здесь меня крестили, здесь отпевали мою матушку. Пусть и меня будут здесь отпевать“».

О храмах следует сказать отдельно. Москвичи именовали Арбат «улицей трех Никол». Главным из Никольских храмов был храм Николы Явленного, выстроенный в конце XVI в., при Борисе Годунове. Его стройная колокольня, возведенная в XVII в. была заметна издалека (ее облик сохранило живописное полотно М. Гермашева «Арбат», созданное в 1912–1914 гг.). Самая древняя на Арбате церковь славилась также исключительной красотой своего звона. Она упоминается в «Войне и мире» Л. Н. Толстого. Сюда по воле писателя приходит с намерением убить Наполеона Пьер Безухов: «Путь Пьера лежал через переулки на Поварскую и оттуда на Арбат к Николе Явленному, у которого он в воображении своем давно определил место, на котором должно быть совершено его дело». В дальнейшем, мы еще вернемся к этому храму, пока же отметим, что в 1931 г. церковь была снесена. Эта же судьба постигла в 1930-е годы и две другие церкви во имя Николая чудотворца — храмы Николы в Плотниках и Николы на Песках. Обе церкви были выстроены в XVII в., а затем неоднократно перестраивались и достраивались. В 1930 г. снесли церковь Бориса и Глеба на Арбатской улице, выстроенную в 1527 г. В те же годы уничтожена церковь Бориса и Глеба на

Поварской (XVII–XIX вв.). Этот скорбный список можно продолжать и продолжать…

В. Д. Поленов. Московский дворик. 1878 г.

Зато сохранились церкви Спаса на Песках (Спасопесковский переулок, 4а; 1711 г., колокольня — 1891 г.; храм изображен на известной картине В. Д. Поленова «Московский дворик»), Воскресения Словущего (апостола Филиппа) (Филипповский переулок, 20; 1688 г., перестроена в XIX в.), Симеона Столпника на Поварской (Поварская улица, 5; 1676–1679), Успения Пресвятой Богородицы на Могильцах (Большой Власьевский переулок, 2/2; 1799–1806 гг.), Власия в Старой Конюшенной слободе церковь (Гагаринский переулок, 20, строение 2; XVII в., перестроена в XIX в.), Афанасия и Кирилла (Филипповский переулок, 2; конец XVIII в., перестроена в середине XIX в.). Как можно видеть, на Арбате все же сохранилось немало церквей, и это без учета соседних Остоженки и Пречистенки. Тем не менее, во времена Гоголя храмов на Арбате было почти вдвое больше.

* * *

Как уже говорилось выше, познакомил Гоголя с Москвой и московскими литераторами Михаил Петрович Погодин (1800–1875). Историк, литератор и издатель, профессор Московского университета Погодин был сыном крепостного. Благодаря упорному труду он сумел подняться и войти в круг образованного московского общества, состоявшего из знатных дворян. Как издателя «Московского вестника» Погодина ценил и уважал А. С. Пушкин. Он также оставил заметный след в изучении Древней Руси и древнерусских летописей. На протяжении многих лет Погодин собирал летописи, хронографы, исторические повести, письма, документы и другие старинные рукописи, собрав обширное «Погодинское древлехранилище». В жизни Гоголя Погодин сыграл большую роль; их взаимоотношения претерпели сложную эволюцию. Поначалу они были дружескими и близкими, впоследствии стали враждебными.

В первый приезд Гоголя в Москву, молодой писатель сблизился со своим московским коллегой (оба они были университетскими преподавателями). По мнению искусствоведа и москвоведа Н. М. Молевой, Погодин начал знакомить Гоголя с Москвой с Арбата. В это время Погодин работал над исторической драмой из эпохи Смутного времени «Василий Шуйский». Центральное действие этого произведения должно было происходить у Арбатской ворот Белого города, где во времена Гоголя уже была Арбатская площадь. Вероятно, Погодин показывал писателю эти места, повествуя об их прошлом и достопримечательностях, а в один из летних вечеров 1832 г. привел Гоголя в дом Аксаковых.

Глава старинной2 московской семьи Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1859) в 1832 г. служил председателем Московского цензурного комитета. В это время он был известен как автор поэтических произведений и критических статей. Слава Аксакова как автора «Записок об уженье рыбы», «Записок ружейного охотника» и «Семейной хроники» была еще впереди. Старший сын Аксакова, Константин (1817–1860), учился на словесном отделении Московского университета, младшему, Ивану (1823–1886), было всего девять лет. Аксаковы тогда жили в доме № 12 по Большому Афанасьевскому переулку, который снимали у коллежской регистраторши Слепцовой (дом сохранился).

В этом гостеприимном доме по субботам устраивались литературные собрания. Сюда приходили видные деятели искусства — литераторы М. Н. Загоскин, М. П. Погодин, и М. А. Дмитриев, критик и издатель Н. И. Надеждин, композитор А. Н. Верстовский, актеры М. С. Щепкин и П. С. Мочалов и другие.

Обращаясь к С. Т. Аксакову, Дмитриев так отзывался об «аксаковских субботах»:

Ты помнишь, как к тебе съезжались
Мы в старину по вечерам,
Чем мы в беседах занимались?
Что было первой целью нам?
О чем вертелись разговоры?
О чем бывали наши споры?
Поэзия — она, она
Была предметом там одна!

Имя Гоголя, как автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки» в этих разговорах упоминалось неоднократно. Тайну псевдонима «Рудый Панько» раскрыл в Москве М. П. Погодин. Имя Гоголя, — вспоминал С. Т. Аксаков — «было нам известно и драгоценно». Поэтому эффект от появления Гоголя, которого Погодин привел «без всякого предуведомления», был сильным. Сергей Тимофеевич в смущении бросился надевать сюртук — в кабинете, где произошла эта встреча, было очень жарко. Не менее смущен был и сам Гоголь. Он пробыл у Аксаковых недолго, и, уходя, попросил Аксакова познакомить его с М. Н. Загоскиным.

Известный литератор, автор нашумевших исторических романов «Юрий Милославский, или русские в 1612 году» и «Рославлев, или Русские в 1812 году» (вспомним, что авторство первого приписывает себе Хлестаков в «Ревизоре»), Михаил Николаевич Загоскин (1789–1852) занимал должность управляющего московской конторы Дирекции императорских театров. Загоскин интересовал Гоголя в первую очередь как театральный чиновник. Уже тогда Гоголь думал о драматургии, и, по отзыву Аксакова, имел «свой оригинальный взгляд на нее». Загоскин жил неподалеку от Аксаковых — в Денежном переулке, 5 (дом не сохранился). Встреча и знакомство Гоголя с Загоскиным состоялись через несколько дней после знакомства с Аксаковым, однако, дальнейшего развития эти отношения не имели.

Также в первый приезд Гоголь посетил старейшего московского поэта, крупного вельможу Ивана Ивановича Дмитриева (1760–1837), жившего в деревянном особняке, окруженном обширным садом, на Спиридоновке. В 1890-х гг. этот дом был сломан, а на его месте выстроен по проекту Ф. О. Шехтеля монументальный особняк С. Т. Морозова — интересный памятник неоготики (Спиридоновка, 17: ныне — дом приемов Министерства иностранных дел). Другие московские знакомства Гоголя 1832-го года лежат за пределами Арбата и

Приарбатья. Писатель бывал в домах актера Михаила Семеновича Щепкина (1788–1863) в Большом Каретном переулке, 16 и врача, профессора Иустина Евдокимовича Дядьковского (1784–1841) в Брюсове переулке, 21. Во второй раз Гоголь посетил Москву, возвращаясь из родового имения в Петербург, в октябре 1832 г. В этот приезд он свел знакомство со своими земляками Михаилом Александровичем Максимовичем (1804–1873), литератором и профессором ботаники Московского университета и Осипом Максимовичем Бодянским (1808–1877), в ту пору студентом, а впоследствии — известным историком и филологом, профессором, одним из основателей отечественного славяноведения. Познакомился Гоголь и с одним из братьев Киреевских, вероятно, с Петром Васильевичем (1808–1856), собирателем русских песен. Арбатская география знакомств Гоголя во время его второго приезда в Москву не расширилась.

Иван Иванович Дмитриев

Весной 1835 г. по дороге в Васильевку Гоголь вновь приезжает в Москву. Несмотря на то, что писатель пробыл в Москве недолго и был, по его выражению, «страшно захлопотан», он посетил поэта Евгения Абрамовича Баратынского (1800–1844) в его доме на Спиридоновке (дом не сохранился, находился на месте современного № 14–16). В это время Аксаковы, снимавшие особняки, обычно, в арбатских переулках, изменили этому правилу и обосновались в доме Штюрмера в Сенном проезде (ныне — Красноворотский проезд, 3 в районе станции метро «Красные ворота»). Здесь произошла важная для Гоголя встреча с Виссарионом Григорьевичем Белинским (1811–1848). Белинский

жил в 1835 г. в доме вельможи и литератора Александра Марковича Полторацкого, у которого служил секретарем, в Большом Левшинском переулке, 6. Однако сведений о том, что Гоголь мог бывать у Белинского, не имеется. Очередное, четвертое посещение Москвы, в августе того же года, принесло Гоголю знакомство с другом Пушкина П. В. Нащокиным, историком, критиком и поэтом С. П. Шевыревым, юристом П. Г. Редькиным, литератором А. Д. Галаховым и другими, но арбатских жителей среди новых знакомых писателя не прибавилось.

В этот приезд Гоголя в Москву состоялось значительное событие, упрочившее его славу в первопрестольной. По просьбе И. И. Дмитриева Гоголь читал «Женитьбу» в его доме на Спиридоновке. Чтение Гоголя потрясло москвичей. По отзыву товарища Гоголя по Нежинской гимназии И. Г. Пащенко: «Читал Гоголь так превосходно, с такой неподражаемой интонацией, переливами голоса и мимикой, что слушатели приходили в восторг, не выдерживали и прерывали чтение различными восклицаниями…». С. Т. Аксаков и Щепкин, присутствовавшие на этом вечере, были единодушны во мнении, что чтение, вернее, игра Гоголя, было сильнее игры самых лучших артистов того времени.

В следующий раз москвичи увидели Гоголя не скоро. 6 июня 1836 г., вскоре после премьерных спектаклей «Ревизора» в Петербурге и Москве, писатель уехал за границу, где провел более трех лет. Привез Гоголя из-за границы в Москву Погодин, 26 сентября 1839 г. Гоголь и Погодин, к этому времени, перешедшие на «ты» приехали в Москву по Смоленской дороге. На Поклонной горе Гоголь велел вознице остановиться, вышел из кареты, снял шляпу и поклонился в пояс Москве. Далее путь в первопрестольную лежал через районы, примыкавшие к Арбату — Дорогомилово, Смоленскую, Варгуниху, — но Погодин повез Гоголя по Плющихе в свой новый дом на Девичьем поле (ныне — Погодинская улица, 10–12). В большом доме Погодина, представлявшем собой загородную усадьбу, окруженную обширным садом, Гоголь прожил до мая 1840 г. В это время он часто бывал у Аксаковых в одноэтажном деревянном доме у Смоленского рынка (дом не сохранился, находился на месте современного дома № 27 по Смоленской-Сенной площади). Здесь он читал Аксаковым, Щепкину, Нащокину, И. И. Панаеву и другим первые главы «Мертвых душ».

В 1839–1840 гг. Гоголь окончательно становится своим среди москвичей. Он часто бывает в салонах А. П. Елагиной (матери И.В. и П. В. Киреевских), Свербеевых, Хомяковых; посещает

философа П. Я. Чаадаева, писателя Н. Ф. Павлова, историка Т. Н. Грановского, филолога И. И. Срезневского, историка и библиофила А. Д. Черткова, композитора А. Н. Верстовского (в Староконюшенном, 24) и других видных московских интеллигентов. Зимой 1839/1840 года Авдотья Петровна Елагина 1787–1877), хозяйка крупнейшего в Москве литературного салона жила не в своем доме в Хоромном тупике, 4, а у сына Петра Васильевича Киреевского, снимавшего дом у Арбатских ворот (не сохранился). Впоследствии П. В. Киреевский переехал в собственный двухэтажный каменный особняк на Остоженке, 19, где у него в гостях мог бывать Гоголь. По отзыву филолога и искусствоведа Ф. И. Буслаева (также «арбатца» — жил в Сивцевом Вражке, 42 и в Большом Власьевском переулке, 9), дом Киреевского был «каменный, двухэтажный, старинный, с железной наружной дверью и с железными решетками у окон нижнего этажа, как есть крепость… он стоял в тенистом саду, запущенном без дорожек. На улицу выходила эта усадьба только сплошным забором с воротами…»

Возможно, Гоголь посещал и археографа Александра Ивановича Тургенева (1784–1845), жившего в Большом Власьевском переулке, 11 (дом не сохранился). Друг Пушкина, провожавший тело поэта в последний путь из Петербурга в Святогорский монастырь, Тургенев стал ярым исследователем старины поневоле. Его брат Николай, активный участник тайных обществ, в декабре 1825 г. находился за границей и отказался вернуться в Россию по требованию правительства. Н. И. Тургенев был приговорен к смертной казни заочно, а Александр Иванович вынужден оставить службу. С этого времени он с увлечением отдался исследованию исторических источников, делал копии со старинных документов и создал обширное собрание материалов по русской истории.

9 мая 1840 г. на именинном вечере, который пышно отмечался у Погодина, Гоголь познакомился с еще одним арбатским жителем — поэтом Михаилом Юрьевичем Лермонтовым (1814–1841), жившим в 1829–1832 гг. на Малой Молчановке, 2 (ныне здесь Дом-музей, мемориальная доска и памятник Лермонтову). Лермонтов читал в саду погодинского дома «Мцыри», и читал, по отзыву Аксакова, «прекрасно». Позднее Гоголь напишет о Лермонтове: *«Он уже с ранних пор стал выражать то раздирающее сердце равнодушие ко всему, которое не слышалось еще ни у одного из наших поэтов. Безрадостные встречи, беспечальные расставания, странные, бессмысленные любовные узы, неизвестно зачем заключаемые и неизвестно зачем разрываемые».* На следующий день состоялась еще одна встреча

Гоголя и Лермонтова, которая стала последней. Оба покинули Москву; Гоголь отправился в Европу, а Лермонтов на Кавказ, навстречу своей смерти.

Присутствовал на празднике у Погодина и Юрий Никитич Бартенев (1792–1866), отставной чиновник, имевший репутацию острослова и мистификатора, блестящего рассказчика смешных, а порою и скабрезных историй. *«Жил он в Москве очень открыто, и кто только не бывал у него на Смоленском бульваре»,* — вспоминает Д. М. Погодин, сын историка.

Очередной приезд Гоголя в Москву состоялся в октябре 1841 г. Писатель вновь поселился в доме Погодина на Девичьем поле. Во время отсутствия Гоголя Погодин занимался изданием второй редакции «Ревизора» в Москве. Печаталась эта книга в типографии Н. Степанова, издававшего и журнал Погодина «Москвитянин», в Трубниковском переулке. Погодин, оказывавший большую материальную помощь Гоголю, распорядился рукописью «Ревизора» по своему усмотрению. Часть сцен он поместил в «Москвитянине», несмотря на предупреждения С. Т. Аксакова о том, что это может не понравиться Гоголю. С этого времени отношения между прежними товарищами начинают ухудшаться, недопонимание постепенно перерастает во враждебность.

Аксаков подробно рассказывает о сути конфликта между Гоголем и Погодиным. *«Погодин пилил, мучил Гоголя не только словами, но даже записками, требуя статей себе в журнал, и укоряя в неблагодарности… Такая жизнь сделалась мучением для Гоголя и была единственной причиною скорого отъезда его за границу. Теперь для меня ясно, что грубая, черствая натура Погодина не могла иначе поступить с натурою Гоголя, самою поэтическою, воспримчивою и по преимуществу нежною. Погодин сделал много добра Гоголю, хлопотал за него горячо и везде, передавал ему много денег (не имея почти никакого состояния и имея на руках большое семейство), содержал его с сестрами и матерью у себя в доме, и потому считал, что имеет полное право распоряжаться в свою пользу талантом Гоголя и заставлять его писать в издаваемый им журнал».* 9 мая 1842 г. состоялся ставший традиционным именинный праздник в саду погодинского дома. Присутствовавший на нем Аксаков отметил, что *«Погодин с Гоголем были в самых дурных отношениях и даже не говорили…».*

Рушилась дружба Гоголя с Погодиным, но все более укреплялись его хорошие отношения с семьей Аксаковых. Он часто бывал в их доме на Смоленской-Сенной площади. Другим близким Гоголю семейством были Хомяковы. Глава дома философ, поэт, критик и публицист Алексей Степанович Хомяков

(1804–1860), являлся одним из лидеров славянофильского направления. А. С. Хомяков был женат на Екатерине Михайловне Языковой (1817–1852), сестре друга Гоголя, поэта Николая Михайловича Языкова (1803–1846)3. «Я их люблю, у них я отдыхаю душой», — пишет Гоголь о семье Хомяковых Языкову 10 февраля 1842 г. Хомяковы жили тогда на Арбате, 23 в доме Нечаева.

Церковь Николы Явленного на Арбате. Фотография из «Найденовского альбома»

Хомяковы были прихожанами храма Николы Явленного. По легенде, Гоголь, посещая Хомяковых, заходил в эту церковь и

молился перед образом Ахтырской Божией Матери, который был его семейной святыней. Мать Гоголя, Мария Ивановна, в письме к С. Т. Аксакову рассказывает о чудесном знамении от иконы, которое было явлено ее супругу, Василию Афанасьевичу Гоголю-Яновскому: *«Когда Василий Афанасьевич приезжал на каникулы домой, и в это время ездил со своей матушкой в Ахтырку, Харьковской губерний, на богомолье, там есть чудовной образ Божьей Матери, они были там в обедне, отправляли молебен и остались там ночевать, и он видел во сне тот же храм. Он стоял в нем по левую сторону; вдруг царские врата отворились, и вышла царица в порфире и короне и начала говорить ему при других словах, которые он не помнил: „Ты будешь одержим многими болезнями, … но все то пройдет, — Царица Небесная сказала ему: — Ты выздоровеешь, женишься, и вот твоя жена“. Выговоря эти слова, подняла вверх руку, и он увидел у ее ног маленькое дитя, сидящее на полу, которого черты врезались в его памяти».* Спустя некоторое время отец Гоголя увидел у соседей девочку из своего видения — это и была Мария Ивановна, на которой он впоследствии женился, после второго чудесного знамения Божией Матери. Кроме того, для Гоголя и сам Никольский храм был патрональным — он был крещен во имя святителя Николая чудотворца Мирликийского. Непродолжительное пребывание Гоголя в Москве было наполнено активной работой. В это время он завершает «Мертвые души», «Портрет», «Тараса Бульбу» (при создании этого произведения Гоголь мог работать с рукописями «Погодинского древлехранилища»). Большие переживания были связаны с публикацией «Мертвых душ», трудностями, которые возникли при прохождении поэмы через цензуру. Наконец, 21 мая 1842 г. первые экземпляры книги были отпечатаны. Это событие отметили у Аксаковых, которые в этот день праздновали также именины Константина Сергеевича. На обеде присутствовали Погодин и Шевырев. «Это был в то же время прощальный обед с Гоголем», — пишет С. Т. Аксаков. Через два дня из аксаковского дома на Смоленской-Сенной Гоголь отбыл за границу. На этот раз заграничные странствования Гоголя протянулись на еще более долгий срок — семь лет. Писатель жил в Италии, Германии, Франции, посетил в феврале 1848 г. Святую землю.

* * *

12 сентября 1848 г. Гоголь возвратился в Москву. Это был уже не прежний Гоголь, любимец московской интеллигенции и кумир студентов, автор «Ревизора» и «Мертвых душ». Между

писателем и его московскими друзьями (в том числе и Аксаковыми, именовавшими его «святым подвижником»), знакомыми и почитателями появилось отчуждение вызванное публикацией «Выбранных мест из переписки с друзьями». Эту книгу резко приняли не только западники (Белинский вступил по поводу книги в полемику с Гоголем), но и славянофилы — С.Т. и К. С. Аксаковы, Ю. Ф. Самарин. Среди читающей публики прошел слух о сумасшествии Гоголя. «Он помешался», — записал в дневнике Погодин, которого Гоголь в «Выбранных местах» жестоко и не вполне справедливо бранил. И хотя Гоголь, столкнувшись со столь резкой реакцией, попытался оправдаться, писал объяснительные и извинительные письма, осадок все-таки оставался. «Ты меня спрашиваешь о Гоголе… — пишет Вера Сергеевна Аксакова подруге М. Г. Карташевской — Примирение произошло еще на письмах. Все ему обрадовались, и отношения остались по-прежнему дружеские; но только все казалось, что не тот Гоголь».

Вера Сергеевна была права. Гоголь стал иным. С этого времени начинается новый, последний этап в его жизни. В это время писатель и становится жителем Арбата. Первоначально, Гоголь поселился у Погодина. В честь его приезда Погодин 11 ноября намеревался торжественно отпраздновать свой день рожденья. Однако радости праздник не принес ни Гоголю, ни Погодину. Погодин пишет в дневнике: «Приготовления к вечеру. Гоголь испортил, и досадно». Несколькими днями ранее он записывает: «1 ноября. Думал о Гоголе. Он все тот же. Я убедился. Только ряса подчас другая. Люди ему нипочем. 2 ноября. Гоголь по два дня не показывается; хотя бы спросил: чем ты кормишь двадцать пять человек?» Для обоих было очевидно, что прежние дружеские отношения восстановить невозможно. В декабре 1848 г. в доме Погодина начался ремонт. Воспользовавшись этим, Гоголь переезжает в дом А. П. Толстого на Никитском бульваре, 7а, где в дальнейшем проходят последние годы его жизни.

Особняк на Никитском бульваре, 7а, где прожил последние годы и умер Н. В. Гоголь. Фотография начала XX в.

Этот дом — двухэтажный классический особняк в самом начале Никитского бульвара, на который он выходит торцевой стороной, хорошо знаком москвичам. Сейчас — здесь располагается Центральная городская библиотека — мемориальный центр «Дом Гоголя». О том, что здесь жил и умер великий писатель, напоминает памятник Н. В. Гоголю работы Н. А. Андреева, о котором еще пойдет речь далее, и мемориальная доска на доме. С конца XVII в. это домовладение принадлежало стольнику Ивану Бутурлину. Затем вплоть до середины XVIII в. им владела семья дворян Плохово, а в 1759–1793 гг. супруга камергера и тайного советника Мария Федоровна Салтыкова (урожденная княжна Солнцева-Засекина).

Современное здание особняка было построено при новом владельце Дмитрии Сергеевиче Болтине (1757–1824), дальнем родственнике историка Ивана Никитича Болтина, а также Карамзина и Дмитриева. Д. С. Болтин оставил заметный след в истории русской словесности. Он был первым переводчиком на русский язык «Исповеди» Руссо и произведений менее известных авторов. От Болтина дом перешел к генерал-майору Александру Ивановичу Талызина, после смерти которого достался в 1847 г. его родственнице титулярной советнице Талызиной.

Вскоре тут поселяется прибывший из Европы граф Александр Петрович Толстой (1801–1873), крупный чиновник, к тому времени вышедший в отставку. Говоря о графе А. П. Толстом часто ссылаются на свидетельство С. Т. Аксакова о том, что

знакомство с ним было «решительно гибельным для Гоголя». Б. С. Земенков в угоду идеологической конъюнктуре своего времени называл Толстого «мракобесом-бюрократом». Высказывались даже предположения о том, что Толстой присвоил себе рукописи второго тома «Мертвых душ», объявив их сожженными, или сжег их, чтобы изобразить раскаяние Гоголя в своем творчестве. Ныне значение личности А. П. Толстого и оценка его роли в жизни Гоголя должны быть пересмотрены.

Граф Александр Петрович был потомком сподвижника Петра I государственного деятеля и дипломата Петра Андреевича Толстого. Сыновья Петра Андреевича, Иван и Петр стали родоначальниками двух ветвей рода. Праправнуком Ивана Петровича был писатель Лев Николаевич Толстой, а правнуком Петра Петровича — Александр Петрович. А. П. Толстой служил в кавалергардах, был пожалован во флигель-адъютанты, а затем перешел в гражданское ведомство. В 1834–1837 гг. он занимал должность тверского генерал-губернатора, в 1837–1840 гг. — одесского градоначальника. После конфликта с новороссийским генерал-губернатором М. С. Воронцовым (известным недоброжелателем Пушкина) Толстой вышел в отставку и уехал за границу. К службе он вернулся уже при следующем императоре Александре II, заняв в 1855 г. высокий пост обер-прокурора Святейшего Синода.

Толстой был знаком с Пушкиным. Они неоднократно встречались у общих друзей. Так, 5 июля 1832 г. в гостях у Н. А. Муханова Толстой и Пушкин говорили о политической ситуации в России и «очень сошлись мнениями». В конце 1843 г. Толстой знакомится с Гоголем. В Толстом писателя привлекали доброта, религиозность, стремление к аскетической жизни. Гоголь сообщал сестре, что Толстой тайно носил вериги.

Аскетизм Толстого вызывал ироническое отношение к нему в высшем обществе. *«Графа называли Еремой, потому, что он огорчался безнравственностью и пьянством народа, развратом модной молодежи…,* — вспоминала А. О. Смирнова-Россет, — *в Москве славянофилы рассуждали о браке и чистоте. „Да, надобно быть девственником, чтобы удостоится быть хорошим супругом; где тут девственники, нет ни одного!“ — говорил граф. „Я“, — отвечал К. С. Аксаков. „Ну, позвольте же мне стать перед Вами на колени“, — и точно, Толстой стал перед ним на колени, низко поклонился и перекрестился».*

Сам граф, по сообщению мемуариста, с женой «жил как брат». Он был женат на княжне Анне Егоровне Грузинской (1798–1889), предок которой царь Арчил Имеретинский и Грузинский переселился в Россию. Отец графини Толстой, князь Егор

Александрович был знаменит тем, что в своем имении принимал беглых и скитальцев… с удостоверением от них в том, что обращавшийся к его помощи простой бродяга, а не вор и убийца. Анна Егоровна — женщина религиозная и мистически настроенная — имела большое влияние на мужа.

Следует сказать, что мистические и религиозные настроения в роду Толстых были сильно развиты. Прославленный авантюрист граф Ф. И. Толстой Американец лечил боль магнетизмом, и вместе с тем, в своей богомольности доходил до ханжества. Его дочь, Сарра, умершая при жизни отца, почиталась как оракул, предсказывая будущее. Были в роду Толстых люди целиком преданные Православной Церкви. Граф М. В. Толстой был известен как духовный писатель, граф Д. А. Толстой, также как и Александр Петрович, был обер-прокурором Священного Синода.

Графиня Анна Егоровна Толстая

Когда А. П. Толстого назначили обер-прокурором, один из современников писал: «Трудно найти человека более преданного Церкви… Он принадлежит к числу тех людей, которых я не умею иначе назвать как оптинскими христианами». Писатель и философ Иван Васильевич Киреевский, тесно связанный с Оптиной пустынью4, говорил об А. П. Толстом: «Легче становится жить после встречи с таким человеком». О важном значении, которое имело общение с Толстым для Гоголя свидетельствует, что в «Выбранных местах из переписки с друзьями» графу адресованы семь писем — более, чем кому-либо. В одном из них

Гоголь пишет о монашеских устремлениях Толстого (а возможно, и о своих): «Монастырь Ваш — Россия!». Впрочем, монастырская тема не покидала ни Толстого, ни Гоголя. «Александр Петрович живет так уединенно, и таким монастырем, что и я, любящий тишину, переехал к нему», — сообщает Гоголь в письме от 28 декабря 1848 г., сразу после переезда на Никитский бульвар. Его адресат — священник Матвей Александрович Константиновский из уездного города Ржева Тверской губернии, с которым Гоголя познакомил Толстой. Имя этого человека, имевшего огромное влияние на Гоголя в последний год его жизни, еще не раз встретится в дальнейшем на страницах нашего повествования.

В доме Толстого писатель занимал две комнаты на первом этаже. Сам граф жил на втором. О. М. Бодянский оставил следующее описание квартиры писателя: *«Жилье Гоголя, внизу, в первом этаже, направо две комнаты. Первая вся устлана зеленым ковром, с двумя диванами по двум стенам (1-й от дверей налево, а 2-й за ним, по другой стене); прямо печка с топкой, заставленной богатой гардинкой зеленой тафты (или материи) в рамке; рядом дверь у самого угла к наружной стене, ведущая в другую комнату, кажется спальню, судя по ширмам на ней, на левой руке; в комнате, служащей приемной, сейчас описанной, от наружной стороны поставлен стол, покрытый зеленым сукном, поперек входа к следующей комнате (спальне), а перед первым диваном тоже такой же стол. На обоих столах несколько книг кучками одна на другой…»*

По отзыву другого современника, поэта Николая Васильевича Берга: *«Здесь за Гоголем ухаживали как за ребенком, предоставив ему полную свободу во всем. Он не заботился ровно ни о чем… Тишина была во флигеле необыкновенная. Гоголь либо ходил по комнате, из угла в угол, либо сидел и писал, катая шарики из белого хлеба, про которые говорил друзьям, что они помогают разрешению самых сложных и трудных задач…»* Писал Гоголь также стоя, за конторкой из красного дерева. О творческом процессе Гоголя сохранилось уникальное свидетельство князя Д. А. Оболенского: *«Граф А. П. Толстой как-то сказывал мне, что ему не раз приходилось слышать, как Гоголь писал „Мертвые души“: проходя мимо дверей ведущих в комнату, он не раз слышал как Гоголь один в запертой комнате будто бы с кем-то разговаривал, иногда самым неестественным голосом. В черновых рукописях видны следы этой работы. Каждый разговор переделывался Гоголем по нескольку раз».*

Н. В. Берг вспоминал: «Когда писание утомляло и надоедало, Гоголь поднимался наверх, к хозяину, не то надевал шубу, а летом испанский плащ без рукавов, и отправлялся пешком по

Никитскому бульвару, большею частию налево от ворот». Вторит ему С. Максимов, член кружка А. Н. Островского, вспоминая о своем студенчестве: «Нам в голову не приходило смеяться над товарищами и стыдить самих себя за то, что ходили на Никитский бульвар любоваться как гулял Гоголь».

Писатель не только гулял, но и навещал своих московских друзей и знакомых. Как и прежде, он часто бывал у Аксаковых. В 1847–1848 гг. они жили в доме Рюмина в Леонтьевском переулке, 27, а в 1848 г. переехали на Арбат — в дом № 25/9 по Сивцеву Вражку, принадлежавший брату А. И. Герцена, Егору Ивановичу (дом уничтожен в 1998 г. и заменен бетонным новоделом). Прожив здесь недолгое время Аксаковы обосновались в доме напротив, под № 30. В настоящее время здесь расположен филиал Государственного литературного музея Выставочный зал в доме Аксаковых. В 1849 г. Аксаковы перебрались в другой арбатский переулок — Филипповский, где до 1851 г. жили в доме № 9 (не сохранился). В 1959 г. в честь столетия со дня смерти С. Т. Аксакова Филипповский переулок был переименован в улицу Аксакова, а с 1993 г. вновь носит историческое название. В 1851 г. Аксаковы переехали в Большой Николопесковский переулок (дом не сохранился, располагался на месте современного № 4).

У Аксаковых Гоголь бывал по воскресеньям «на варениках». Об этих собраниях свидетельствует дневник О. М. Бодянского: «Под варениками разумеется обед у С. Тим. Аксакова по воскресеньям, где непременным блюдом всегда были вареники для трех хохлов: Гоголя, М. А. Максимовича и меня, а после обеда, спустя час, другой, песни малороссийские под фортепьяно, распеваемые второй дочерью хозяина Надеждой Сергеевною, голос которой очень мелодический». В этом доме Гоголь отмечал и свой день рождения, датой которого считал 19 марта. Так, 40-летие писателя отмечалось в Сивцевом Вражке, 30. Помимо Аксаковых на этот праздник приглашались Хомяковы, Бодянский, Максимович, брат поэта П. М. Языков и историк С. М. Соловьев, преемник Погодина на профессорской кафедре в Университете. Петр Михайлович Языков (1793–1851) в 1833 г. принимал в своем симбирском имении Пушкина, который оставил о нем следующий отзыв: «Здесь нашел я старшего брата Языкова, человека совершенно замечательного и которого готов полюбить, как люблю Плетнева и Нащокина». Языков жил в Скарятинском переулке, 3. Друг Константина Аксакова, Сергей Михайлович Соловьев был своим для «арбатцев» Аксаковых — он родился и жил до 1850 г. на Остоженке, 38 (установлена мемориальная доска) в здании Коммерческого училища, где служил

священником его отец, а в 1851 г. переехал на Остоженку, 16. Позднее, в 1860-е гг. историк жил в доме, находившемся на месте современного владения по Староконюшенному переулку, 19. Последний адрес историка — Денежный переулок, 1/8.

Соседом, как Аксаковых, так и Гоголя был О. М. Бодянский, живший в это время на Малой Никитской, 10, а с 1849 г. в университетском доме на Большой Никитской, 31, на углу Мерзляковского переулка (дом не сохранился). Сохранился рассказ Григория Петровича Данилевского (1829–1890), автора популярных исторических романов, о его визите вместе с Бодянским к Гоголю осенью 1851 г.: «Въехав в каменные ворота высокой ограды, направо к балконной галерее дома Талызина, мы вошли в переднюю дверь нижнего этажа. Старик, слуга графа Толстого, приветливо указал нам на дверь из передней направо… Бодянский прошел приемную и остановился перед следующею, затворенною дверью в угольную комнату, два окна которой выходили во двор и два на бульвар. Я догадался, что это был рабочий кабинет Гоголя. Бодянский постучался в дверь этой комнаты. „Чи дома, брате Миколо?“, — спросил он по-малорусски. „А дома ж, дома!“ — негромко ответил кто-то оттуда. Дверь растворилась. У ее порога стоял Гоголь. Мы вошли в кабинет». Вскоре Гоголь, Бодянский, Данилевский и штаб-лекарь Подгорецкий, старый знакомый Бодянского, побывали в гостях у Аксаковых, где состоялось традиционное пение малороссийских песен. В этот вечер все гости Аксаковых были украинскими уроженцами, Данилевский происходил из Слободско-Украинской губернии, а Подгорецкий — из Киевской.

Гоголь посещал Аксаковых в Большом Николопесковском вплоть до начала своей последней болезни. «3 февраля 1852 года в воскресенье утром я была дома, когда пришел Николай Васильевич. — пишет в дневнике Вера Аксакова, — „Я пришел к вам пешком прямо от обедни, — сказал он — и устал“. В его лице точно было видно утомление, хотя и светлое, почти веселое выражение. Он сел тут же в первой комнате, на диване. Опять хвалил священника приходского и всю службу. Я сказала, что в этой церкви венчались отесенька и маминька. „В самом деле? На, так скажите вашей маменьке, ей будет приятно знать, что там совершается хорошая служба“». Здесь речь идет о церкви Симеона Столпника на Поварской улице, которая была приходской для Гоголя, несмотря на то, что духовником писателя со времен жизни у Погодина являлся священник церкви Саввы Освященного на Девичьем поле Иоанн Никольский. Гоголь посетил Аксаковых и на следующий день, 4 февраля, поразив всех своей «ужасной худобой».

Помимо Аксаковых, Гоголь, по-прежнему, часто бывал у Хомяковых, которые также жили неподалеку. В 1844 г. А. С. Хомяков приобрел дом князя Лобанова-Ростовского на Собачьей площадке, 7/12 (не сохранился). Этот особняк начала XIX в. пережил пожар 1812 года, после которого был перестроен, но пал жертвой грандиозного строительства Калининского проспекта в 1963 г. В доме Хомяковых собирались и вели жаркие споры западники и славянофилы Аксаковы, Герцен, Грановский, братья Киреевские, А. И. Кошелев, М. П. Погодин, Ю. Ф. Самарин, Ф. В. Чижов, Чаадаев, Шевырев, Н. М. Языков и многие другие. В доме Хомяковых для споров была отведена специальная диванная комната, которая именовалась «говорильней». С Хомяковыми Гоголя связывали не только общественные и литературные интересы. Писатель с большой теплотой и уважением относился к Екатерине Михайловне Хомяковой, сестры ему близкого друга поэта Николая Языкова. В 1850 г. Гоголь стал крестным отцом сына Хомяковых Николая5. Обряд крещения прошел в церкви Николы в Плотниках, в приходе которой теперь жили Хомяковы. Обстановка хомяковского дома бережно сохранялась наследниками славянофила, и в 1920-е гг. стала основой «Музея 1840-х годов». «Хотите видеть теперь воочию, как жили в них (усадьбах) поколения наших дедов? Войдите в дом Хомяковых на Собачьей площадке, где, все кажется, ни один стул не тронут с места с 40-х годов. Какой тесный уют, какая очаровательная мелочность! Низкие потолки, диванчики, чубуки, бисерное бабушкино рукоделие — и полки с книгами; все больше немецкие романтики и любомудры», — писал в 1926 г. историк и философ Г. П. Федотов. Этот уникальный музей ликвидировали в 1929 г., передав часть экспонатов (в том числе и обстановку «говорильни») в Исторической музей. Затем, вплоть до сноса особняк Хомяковых занимало Гнесинское музыкальное училище.

Дом в Большом Николопесковском переулке, 15, в котором в 1850-е гг. жила семья Свербеевых, знакомых Н. В. Гоголя

Из других арбатских знакомых Гоголя следует отметить Александра Ивановича Кошелева (1806–1883), славянофила, издателя, деятеля крестьянской реформы и предпринимателя. В 1848–1852 гг. он жил в собственном доме на Поварской, 31, где его посещал Гоголь. Бывал писатель и в гостеприимной семье Свербеевых — Дмитрия Николаевича (1799–1874) и Екатерины Александровны (1808–1892) в Большом Николопесковском переулке, 15 (ранее, в 1840–1850 гг. Свербеевы жили на Тверском бульваре, 25). В салоне Свербеевых по пятницам собирались литераторы, ученые, люди искусства. В разные годы здесь бывали — Пушкин, Гоголь, Чаадаев, Н. М. Языков, А. И. Тургенев, Аксаковы, Хомяков, Самарин, Грановский, Соловьев, Л. Н. Толстой и другие. Примечательно, что родился Д. Н. Свербеев на Арбате, в доме № 37. Бывал писатель и в знатной семье Васильчиковых, жившей на Большой Никитской, 46, у которых в 1831 г. в Санкт-Петербурге был домашним учителем.

Обладая слабым здоровьем, Гоголь лечился у известного терапевта, невропатолога и хирурга Федора Ивановича Иноземцева (1802–1869). Вероятно, писатель приезжал к нему в дом Мухановой в Мертвом переулке (дом не сохранился, ныне на этом месте владения №№ 6, 8 и 10). Иноземцев, лечивший также

поэта Языкова, вошел в историю отечественной медицины тем, что в 1847 г. впервые в России провел операцию под наркозом.

Старинные друзья и новые знакомые посещали Гоголя в доме Толстого. Здесь бывали Аксаковы, Погодин, Шевырев, Щепкин, Бодянский, Максимович, Смирнова-Россет, П. В. Анненков, И. К. Айвазовский, С. В. Шумский, Н. В. Берг и многие другие. Наиболее близким людям писатель читал главы второго тома «Мертвых душ».

20 октября 1851 г. Гоголя посетил вместе с Щепкиным Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883), биография которого также тесно связана с Арбатом. В конце 1820—начале 1830х гг. семья Тургеневых жила в Гагаринском переулке, 15, затем — в Сивцевом Вражке, 24. Позднее мать писателя обосновалась в доме по Остоженке, 37, где произошли события, которые легли в основу рассказа «Муму». Тургенев вспоминал, что Гоголь принял их радушно, вел оживленную беседу, говорил о литературе и значении писательского творчества. По отзыву Тургенева, при первом взгляде Гоголь произвел на него странное впечатление: «Его белокурые волосы, которые от висков падали прямо, как обыкновенно у казаков, сохранили еще цвет молодости, но уже заметно поредели; от его покатого, гладкого, белого лба по-прежнему так и веяло умом. В небольших карих глазах искрилась временами веселость — именно веселость, а не насмешливость; но вообще взгляд казался усталым…». Но как только Гоголь заговорил, его собеседник был очарован и заворожен глубиной и ясностью его мысли. «Впечатление усталости, болезненного, нервического беспокойства, которое он сперва произвел на меня, исчезло, — вспоминал Тургенев — …Великий поэт, великий художник был передо мною, и я глядел на него, слушал его с благоговением, даже когда не соглашался с ним». Спустя две недели, 5 ноября, у Гоголя состоялось чтение «Ревизора», которое писатель предназначал для актеров, участвовавших в постановке. В числе слушателей были Щепкин, Шевырев, Тургенев, Данилевский, актеры П. М. Садовский и С. В. Шумский. «Это был для меня настоящий пир и праздник», — вспоминал Тургенев. Чтение «Ревизора» стало последним публичным выступлением писателя.

Стены талызинского дома стали свидетелем потаенного и странного романа Гоголя. Единственного, о котором известно биографам писателя. Этот роман, развивавшийся исключительно в письмах, пришелся на первую половину 1849 года, когда писатель только переехал к Толстому.

Во время заграничных странствий, в конце 1830-х гг. Гоголь

познакомился с семьей графов Виельгорских (Вьелгорских). Граф Михаил Юрьевич (1788–1856), музыкант, композитор, меценат, знакомый Пушкина и Жуковского, впоследствии покровительствовал Гоголю. Он был человеком мягким и спокойным. Главенствующую роль в семье занимала его супруга Луиза Карловна (1791–1853), урожденная принцесса Бирон, внучка знаменитого фаворита, а, возможно, вместе с тем и самой императрицы Анны Иоанновны. В Риме Гоголь подружился с их старшим сыном Иосифом, талантливым и серьезным юношей, увлеченным науками и литературой. В мае 1839 г. Иосиф тяжело заболел и скончался на руках Гоголя, на которого предсмертная агония друга произвела страшное впечатление. Гоголю выпала тяжелая обязанность сообщить матери о смерти сына. Позднее произошло сближение писателя с этой семьей. Познакомился Гоголь с дочерьми Михаила Юрьевича и Луизы Карловны — старшими Аполлинарией и Софьей (первая была замужем за А. В. Веневитиновым, братом поэта; вторая — за писателем В. А. Соллогубом), младшей Анной.

Для Виельгорских Гоголь вскоре стал своим человеком, проводил с ними много времени, состоял в постоянной переписке. Особое внимание Гоголь уделял Анне Михайловне (1822–1861), взяв на ней попечительство, подобное тому, которое уделял своим сестрам. Их отношения ограничивались одним учительством и были столь невинны, что Луиза Карловна не опасалась отпускать свою дочь одну на прогулки с писателем. Постепенно Гоголь все более и более проникался уважением к своей подопечной. В январе 1847 г. он пишет П. А. Плетневу из Неаполя: «Я тебе советую познакомиться с Анной Михайловной Виельгорской. У нее есть то, чего я не знаю ни у одной из женщин: не ум, а разум; но ее не скоро узнаешь: она вся внутри». Из путешествий по Европе и Святой земле, из Москвы и Петербурга, Гоголь продолжает активную переписку с Анной, обсуждая вопросы, в основном, поднятые им в «Выбранных местах из переписки с друзьями». В отличие от русской публики, Анна Михайловна слушала наставления писателя с большим вниманием, вскоре, она становится не только слушательницей, но и участницей разговора, монолог Гоголя постепенно превращается в диалог.

Возвратившись из Палестины, Гоголь в сентябре 1848 г. приезжает в Петербург, где вновь встречается с семьей Виельгорских. Вероятно, в этот приезд писатель изменил свое отношение к Анне Михайловне. Ему вдруг показалось, что эта умная и возвышенная, но не очень красивая6 девушка, может стать не только ученицей, но супругой, спутницей жизни. Этими

переживаниями были наполнены первые месяцы жизни Гоголя в доме на Никитском бульваре. Литературная работа шла у него тогда плохо. «Я много исстрадался в это время. Много было слез…», — напишет позднее Гоголь Жуковскому.

Женская любовь и сама идея брака всегда пугали писателя. «Это пламя меня бы превратило в прах в одно мгновение, — замечает как-то о любви Гоголь. — К спасению моему, твердая воля отводила меня от желания заглянуть в пропасть». Весной 1849 года это желание становиться столь сильным, что Гоголь делает тайную попытку просить руки Анны Михайловны. Это предложение было сделано окольным путем, через семью Веневитиновых, но сами Софья Михайловна и Алексей Владимирович, по-видимому, и отсоветовали Гоголю дальнейшие шаги. Им было очевидно, что со стороны графини-матери последует резкий и обидный отказ. Но предложение Гоголя все же было передано Виельгорским. Зная об этом, писатель отправляет письмо Анне Михайловне, которое называет исповедью. «Зачем, в самом деле, не поживете Вы в подмосковной деревне? Вы уже более двадцати лет не видели своих крестьян… Я бы к Вам приехал позже. Мы бы вместе принялись дружно хозяйничать и заботиться о них, а не о себе… Тогда бы и мне и Вам оказалось видно и ясно, чем я должен быть относительно Вас. Чем-нибудь да должен же я быть относительно Вас: Бог недаром сталкивает так чудесно людей. Может быть, я должен быть не что другое в отношении Вас, как верный пес, обязанный беречь в каком-нибудь углу имущество господина своего. Не сердитесь же; вы видите, что отношения наши, хотя и возмутились на время каким-то налетным возмущением, но все же они не таковы, чтобы глядеть на меня как на чужого человека, от которого должны вы таить даже и то, что в минуты огорчения хотело бы выговорить оскорбленное сердце». Однако исповедь Гоголя не была принята во внимание. Странное сватовство писателя вызвало весьма резкую реакцию, как матери, так и самой Анны. Гоголь отправляет в Петербург письма, наполненные извинениями, но лишь спустя два месяца получает ответ молодой графини, переписка возобновляется. «Нужно покориться. Не удалось намерение быть в этом месте — нужно осмотреться, как нам быть в этом», — пишет Гоголь Анне Михайловне. Летом 1849 г. писатель вспоминает о своем увлечении, как о тяжелой болезни, сне, «нервическом расположении». «…Не проходит нам никогда бесследно, если мы хотя бы на миг отводим глаза свои от того, к которому ежеминутно должны быть приподняты наши взоры, и увлечемся хотя на миг какими-нибудь желаниями земными вместо небесных», — записал Гоголь еще в марте 1849 г., словно

предчувствуя развязку своего романа.

Отказавшись от земного, Гоголь с новой силой устремился на поиски небесного. Он ищет авторитетного собеседника и наставника и находит его в лице священника Матвея Александровича Константиновского, с которым писателя знакомит А. П. Толстой. В 1846 г. писатель отправляет Константиновскому во Ржев экземпляр «Выбранных мест из переписки с друзьями». Эту книгу священник резко осудил, указывая, что светскому писателю не положено вмешиваться в духовную тематику. С этого времени между ними завязывается переписка. Константиновский был сильной личностью. Строгий аскет, подвижник, прекрасный проповедник, ярый борец за чистоту душ своей паствы, он оказывал сильное влияние на своих слушателей. Знакомство Гоголя с отцом Матвеем относится к осени 1848 г., тогда священник навещал писателя еще в доме Погодина. С переездом в дом Толстого, их встречи участились.

По отзыву биографа Гоголя И. П. Золотусского «Для своих знакомых Гоголь прежде всего был Гоголь. Они помнили об этом, встречаясь с ним, живя с ним бок о бок, поддерживая с ним переписку. Да и он сам помнил об этом. Для отца Матвея Гоголь был не литератор, не прославленный русский писатель, а человек — и человек, как он думал, слабый. Гоголь доверился ему — отец Матвей принял это проявление доброй воли как предоставление права говорить Гоголю все». По свидетельству современника, однажды, Константиновский зашел в своих обличениях так далеко, что писатель в ужасе воскликнул: «Довольно! Оставьте, не могу далее слушать, слишком страшно!»

Позднее, оправдываясь от обвинений в том, что он способствовал сожжению второго тома «Мертвых душ» и ускорил кончину писателя, Константиновский говорил: «Что ж тут худого, что я Гоголя сделал истинным христианином?» О своем духовном наставничестве, священник, по записи Ф. И. Образцова, отзывался так: «„Он искал умиротворения и внутреннего очищения“ — „От чего же очищения?“ — „В нем была внутренняя нечистота“ — „Какая же?“ — „Нечистота была, и он старался избавиться от нее, но не мог. Я помог ему очиститься, и он умер истинным христианином“, — сказал о. Матфей. С ним повторилось обыкновенное явление русской жизни. Наша русская жизнь немало имеет примеров, когда сильные натуры, наскучивши суетой мирской или находя себя неспособными к прежней широкой деятельности, покидали все и уходили в монастырь искать внутреннего умиротворения и очищения совести. Так было и с Гоголем».

* * *

По свидетельству современников, к концу 1851 г. второй том «Мертвых душ» был завершен, и Гоголь готовил его к печати. В начале нового, 1852 года произошло событие, оказавшее тяжелое впечатление на Гоголя. Графа А. П. Толстого посетил прославленный московский врач Федор Петрович Гааз (1780–1853). Гааз был знаменит своей многолетней подвижнической деятельностью по оказанию помощи каторжникам, попечению об обиженных и нищих. Уже при жизни его называли «святым доктором». Выходя от Толстого, Гааз встретил писателя, и «ломаным русским языком старался сказать ему приветствие и, между прочим, думая выразить мысль одного писателя, сказал, что желает ему такого нового года, который даровал бы ему вечный год». В душе Гоголя, для которого мысль о смерти была частым предметом для размышлений, слова праведника поселили уныние. Вслед за этим произошло еще одно печальное событие — 26 января скончалась Екатерина Михайловна Хомякова.

«Святой доктор» Федор Петрович Гааз

Гоголь был на панихиде, которая состоялась, вероятно, в церкви Николая в Плотниках. По воспоминаниям А. С. Хомякова, писатель по окончании службы сказал ему: «Для меня все кончено». На другой день он посетил Аксаковых, пребывал в подавленном состоянии, был задумчив и грустен. В начале февраля, на Масляной неделе, Гоголь начал поститься. В это время его посещает отец Матвей Константиновский. Разговоры с ним усугубили покаянное настояние Гоголя. 7 февраля он ездил к своему духовнику в церковь Саввы Освященного на Девичьем поле. По свидетельству Погодина, писатель: «Перед принятием св. даров, за обеднею, пал ниц и много плакал. Был уже слаб и почти шатался».

Причащение не успокоило Гоголя, он пребывал в мрачном состоянии духа, терзался и постоянно думал о смерти и своей греховности. С этого времени писатель отказывается от пищи, тяготится посещениями друзей и знакомых, проводит время в молитвах, слезах и тягостных раздумьях. 10 февраля он обращается к Толстому с просьбой забрать рукописи «Мертвых душ» для передачи их митрополиту московскому Филарету. Но граф отказался это сделать, поскольку опасался, что это укрепит в Гоголе мысли о близкой кончине. На следующий день, в первый понедельник Великого поста на втором этаже, в комнатах Толстого прошла церковная служба. Гоголь присутствовал на ней, хотя и был очень слаб. Видя, как богослужение изнуряет Гоголя, граф распорядился больше не проводить его у себя. В эту же ночь, с 11 на 12 февраля, Гоголь в присутствии своего слуги, мальчика Семена, сжег рукопись второго тома «Мертвых душ». Толстые тетради горели долго, и Гоголю пришлось перекладывать их в камине. Уничтожив рукопись, Гоголь перекрестился и лег в постель. С этого времени он стал сознательно готовиться к смерти. «Я уже готов, и умру…», — сказал он Хомякову. «Он смотрел как человек, для которого все задачи решены», — свидетельствует доктор А. Т. Тарасенков, увидевший Гоголя 13 февраля.

Пытаясь спасти жизнь Гоголя, Толстой обратился к митрополиту Филарету, который передал больному, что ему следует слушаться врачебных предписаний. По мысли митрополита, Гоголя надо было убеждать в том, что «смирение не в посте, а в послушании». Филарет внимательно следил за ходом болезни Гоголя, призывая к себе священников, посещавших писателя и подробно расспрашивая их (сам владыка в это время был болен). Ежедневно у Гоголя бывал настоятель церкви Симеона Столпника Алексий Соколов, часто приходил и духовник — священник церкви Саввы Освященного Иоанн Никольский. Однако их увещевания ни имели влияния на писателя, он отказывался питаться и следовать врачебным предписаниям.

К Гоголю призывались лучшие московские врачи — А. А. Альфонский, А. И. Овер, А. Е. Эвениус, О. В. Варвинский, С. И. Клименков, А. Т. Тарасенков. Делались попытки подвергнуть его гипнозу. Наконец, решено было насильно лечить Гоголя, за что принялись Овер и Клименков. Методы этого лечения — пиявки, холодное обливание головы в теплой ванне, горчичники — ускорили кончину писателя. 20 февраля Николай Васильевич впал в беспамятство, начался бред, на следующий день, в восемь часов утра он скончался во сне.

Митрополит Московский Филарет (Дроздов)

Вечером 22 февраля тело Гоголя было перенесено для отпевания в университетскую церковь Святой Татьяны на Моховой, 9. Гроб несли по Никитскому бульвару, там, где писатель любил прогуливаться. Два дня, пока тело стояло в церкви, к нему приходили поклониться множество людей. 24 февраля после совершения панихиды профессора Н. Б. Анке,

Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, Ф. Л. Морошкин, С. М. Соловьев вынесли гроб из церкви. До места погребения на кладбище Даниловского монастыря гроб с телом Гоголя продолжали нести на руках. Гоголь был похоронен рядом с близкими ему людьми — Н. М. Языковым и Е. М. Хомяковой. Вслед за этим рядом упокоились еще двое хороших знакомых писателя — А. С. Хомяков и Ф. В. Чижов, его товарищ по кафедре в Санкт-Петербургском университете.

* * *

Сохранение памяти о Гоголе в Москве началось в год открытия памятника А. С. Пушкину. 8 июня 1880 г. драматург А. А. Потехин на втором пушкинском заседании Общества любителей русской словесности предложил начать всенародный сбор средств на памятник Гоголю. Сбор средств и создания памятника затянулись на два десятилетия. Активным участником этих мероприятий был художник, реставратор и коллекционер Илья Сергеевич Остроухов (1858–1929), глубокий знаток и почитатель творчества Гоголя. В его доме в Трубниковском переулке, 17 демонстрировались конкурсные проекты. Остроухов был инициатором издания юбилейного собрания сочинений Гоголя (1909 г.), а в саду его дома позднее установили уменьшенную копию памятника писателю, установленного на Арбатской площади.

Николай Андреевич Андреев

На конкурсе был утвержден проект скульптора Николая Андреевича Андреева (1873–1932), вызвавший уже тогда неоднозначные отзывы. Гоголь изображен в тяжелые для него последние дни жизни, проходившие в доме на Никитском бульваре. «Трогательно, глубоко и необыкновенно изящно и просто. Какой поворот головы! Сколько страдания в этом мученике за грехи России!», — так отозвался об этом памятнике художник И. Е. Репин. 3 сентября 1909 г. посетил Арбатскую площадь Л. Н. Толстой специально приехавший посмотреть на

памятник. «Мне нравится — очень значительное лицо», — оценил скульптуру Толстой. Памятник Гоголю принес Андрееву широкую известность, за ним последовали другие выдающиеся произведения этого мастера — монументы Ф. П. Газу, А. И. Герцену и Н. П. Огареву, В. И. Ленину, А. Н. Островскому, работы в жанре мемориальной скульптуры.

Создание памятника Гоголю происходило в мастерской скульптора в Большом Афанасьевском переулке, 27. На пьедестале монумента Андреев изобразил галерею гоголевских героев. Известно, что для образа Тараса Бульбы ему позировал известный журналист Владимир Алексеевич Гиляровский (1853–1935), автор знаменитой книги «Москва и москвичи», а для фигуры Бобчинского — актер Иван Михайлович Москвин (1874–1946). Архитектором этого монумента являлся прославленный Федор Осипович Шехтель (1859–1926).

Для мемориала была избрана Арбатская площадь в том месте, где к ней примыкал Пречистенский бульвар. Отсюда был виден дом на Никитском бульваре, в котором скончался писатель. Открытие состоялось 26 апреля 1909 г., в 12 часов дня. Вся площадь была заполнена народом, здесь собрались представители литературной, научной и художественной общественности, городские власти, думские деятели, учащиеся московских гимназий, люди разных сословий и состояний. Для возложения венков прибыли более 200 депутаций. В это время под управлением известного композитора М. М. Ипполитова-Иванова сводным оркестром и хором исполнялась, написанная им кантата в память Гоголя.

Нельзя не сказать, что памятник Гоголю на Арбатской площади был не первым скульптурным монументом писателю в Москве. Еще один, причем, крайне своеобразный, появился двумя годами ранее, в 1907 г. Речь идет о знаменитых скульптурах, украшающих доходный дом Г. Е. Бройдо в Плотниковом переулке, 4/5. Это четырехэтажное здание в стилистике модерна, угол которого выделен мощным прямоугольным эркером с квадратными окнами, врезающимся в здание на уровне второго этажа. Его главной особенностью являются удивительные по тематике скульптуры — между окнами второго этажа расположены десятки мужских и женских фигур высотой в человеческий рост, облаченные в античные одежды и прильнувшие друг к другу в любовных объятиях. Среди них угадываются портреты А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого. По предположению москвоведа С. К. Романюка, эти скульптуры являются фрагментами композиции «Парнас», выполненной скульптором Л. С. Синаевым-Бернштейном для

фриза Музея изящных искусств, но отвергнутой заказчиком из-за фривольности содержания. На настоящий момент это единственная версия, объясняющая появление столь странных рельефов, но и ее принять трудно — слишком уж явно скульптор надсмеялся над своими героями. К сожалению, в настоящее время этот уникальный памятник разрушается — рельефы осыпаются изза ремонтных работ, производимых в здании различными фирмами. Для спасения дома Бройдо требуется принять неотложные меры, иначе Москва может лишиться первого памятника Гоголю, хотя бы и столь своеобразного.

В начале XX в. дом, в котором жил и умер Гоголь, находился во владении Марии Владимировны Катковой, вдовы известного публициста, редактора «Московских ведомостей» Михаила Никифоровича Каткова. К этому времени его интерьеры уже не сохранили прежней обстановки. «Камин, в котором сожжен втором том „Мертвых душ“ превращен в печь, а спальня Гоголя — это теперешняя прихожая», — сообщает статья 1910 года. Идея создания здесь музея Гоголя, появившаяся в год столетия писателя, была надолго оставлена.

Н. В. Гоголь. Барельеф на доходном доме Г. Е. Бройдо в Плотниковом переулке, 4/5. 1907 г.

В 1931 г. во время ликвидации некрополя Данилова монастыря, могилы Гоголя, а также А. С. Хомякова, Е. М. Хомяковой и Н. М. Языкова были перенесены на Новодевичье кладбище. Вместе с прахом, были перенесен и памятник Гоголю — черный мраморный саркофаг с именем и датами жизни погребенного и евангельскими изречениями, а также ограда с бронзовым барельефом писателя, созданная по проекту Н. А. Андреева в 1902 г. По-видимому, уже тогда был

утрачен крест над могилой Гоголя, но гранитную глыбу, служившую его основанием, также перенесли на Новодевичье кладбище. Гранитная глыба и крест составляли первоначально надгробие Гоголя, а глыбу по распоряжению С. Т. Аксакова привезли с берегов Черного моря.

При подготовке к столетнему юбилею со дня смерти Гоголя, гранитная глыба была удалена, а на ее месте, за саркофагом установили памятник работы скульптора Н. В. Томского и архитектора Л. Г. Голубовского — цилиндрическую колонну, увенчанную бюстом писателя. Золоченая надпись на колонне гласит: «Великому русскому художнику слова Николаю Васильевичу Гоголю от правительства Советского Союза 9 сентября 1951». Любопытна судьба гранитной глыбы с могилы Гоголя. Она была передана в мастерскую по изготовлению надгробий, где ее обнаружила вдова М. А. Булгакова Елена Сергеевна. Е. С. Булгакова добилась того, что в 1953 г. глыба с могилы Гоголя была установлена на могиле его последователя, Булгакова.

В то же, 1951 г. был демонтирован памятник Андреева, который переместили на территорию Музея истории архитектуры имени А. В. Щусева, в Донской монастырь. 2 марта 1952 г. под звуки государственного гимна СССР был открыт новый памятник Гоголю. Его авторами являлись Н. В. Томский и Л. Г. Голубовский. Этот монумент представлял собой противоположность андреевскому, изображая Гоголя «сатириком и гуманистом», «бодрым оптимистом и романтиком», а надпись на нем также гласила: «…от правительства Советского Союза». К этому времени соседний Пречистенский бульвар был переименован в Гоголевский (с 1924 г.).

Следующим шагом в сохранении памяти о Гоголе в Москве и на Арбате стало создание мемориального музея в доме № 7а на Никитском (в то время Суворовском) бульваре. В год столетия со дня смерти писателя на доме была установлена мемориальная доска, работы скульптора Е. А. Рудакова. В 1971 г. сюда переехала Городская библиотека № 2. Вскоре начались ремонт помещений, сбор экспонатов и другие работы по созданию при библиотеке Мемориальных комнат писателя. В 1974 г. музей был открыт для посещения, а в 1979 г. библиотека получила имя Гоголя. В 2005 г. она была преобразована в Центральную городскую библиотеку — мемориальный центр «Дом Н. В. Гоголя». Ныне это один из главных московских центров изучения и популяризации гоголевского наследия.

Примечания

1. Сен-Жермен — аристократический район Парижа.

2. Аксаковы являются потомками московских тысяцких Вельяминовых, соратников Ивана Калиты и первых московских князей.

3. Друг Пушкина и Гоголя, Языков был тесно связан с Арбатом. В начале 1840-х гг. он жил в Малом Власьевском переулке, 8; затем — в Малом Толстовском (ныне — переулок Каменная Слобода) переулке, во владении № 1–3; зимой 1844–1845 гг. в доме 8 по Серебряному переулку (дом не сохранился); позднее — на Пречистенке, 39 (не сохранился).

4. Козельская Введенская Оптина пустынь в XIX в. прославилась как крупнейший центр старчества — духовного наставничества и учительства. Н. В. Гоголь дважды посещал Оптину пустынь, где беседовал с оптинскими старцами Моисеем, Антонием и Макарием. От посещения монастыря Гоголь вынес восторженное впечатление. Он писал Толстому: «…Нигде я не видел таких монахов. С каждым из них мне казалось, беседует все небесное…»

5. Николай Алексеевич Хомяков (1850–1925), политический деятель, публицист. В 1890–1900-е гг. участник земского движения, с 1906 г. член Центрального комитета «Союза 17 октября», в 1907–1910 гг. — председатель III Государственной думы.

6. «Вы ведь нехороши собой. Знаете ли Вы это достоверно? Вы бываете хороши только тогда, когда в лице Вашем появляется благородное движение; видно черты лица Вашего затем так уж устроены, чтобы выражать благородство душевное: как скоро же нет у Вас этого выражения, Вы становитесь дурны», — писал Гоголь А. М. Виельгорской.

Литература

Вересаев В. В. Гоголь в жизни: систематический свод подлинных свидетельств современников / Вступ. ст. И. П. Золотусского; подг. текста и примеч. Э. Л. Безносова. М., 1990.

Виноградов И. А. Москва и Рим в творчестве Гоголя // Москва в русской и мировой литературе: Сборник статей. М., 2000.

Земенков Б. С. Гоголь в Москве. М., 1954.

Земенков Б. С. Памятные места Москвы: страницы жизни деятелей истории и культуры. М., 1959.

Золотусский И. П. Гоголь. М., 2007 (Жизнь замечательных людей).

Молева Н. М. Гоголь в Москве, или Нераскрытые тайны старого дома. М., 2008.

Москва: Энциклопедия / Главный редактор С. О. Шмидт. М., 1997.

Московская энциклопедия. Т.1. Лица Москвы. Кн. 1. А — З / Главный редактор С. О. Шмидт. М., 2007.

Соколов Б. Гоголь: Энциклопедия. М., 2003.

Сорокин В. В. По Москве исторической / Под ред. В. Б. Муравьева. М., 2006.

Тимрот А. Николай Васильевич Гоголь (1809–1852) // Русские писатели в Москве: Сборник / Сост. Л. П. Быковцева. М., 1987.

Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1989.

Шмидт О. Р. Арбат: путеводитель. М., 1992.

Шмидт О. Р. Пречистенка. Остоженка: Путеводитель. М., 1994.

Шмидт С. О. Арбат в истории и культуре России // *Шмидт С. О.* История Москвы и проблемы москвоведения. М., 2004.

Сергей Шокарев, Дмитрий Ястржембский. Тайна головы Гоголя

Смерть Н. В. Гоголя и судьба его останков окружены мифическим ореолом. Легенда о том, что великий писатель якобы был погребен живым, во время летаргического сна, появилась, вероятно, уже в советское время. Быть может, на нее повлияли модные в 1920-е годы идеи борьбы со смертью и перемещения во времени, отразившиеся в «Клопе» В. В. Маяковского и «Иване Васильевиче» М. А. Булгакова. К тому же источником сомнений в естественной смерти писателя могли стать его собственные опасения оказаться погребенным заживо во время глубокого обморока, что отразилось в его «Завещании». «Завещаю тела моего не погребать до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения. — писал Гоголь. — Упоминаю об этом потому, что уже во время самой болезни находили на меня минуты жизненного онемения, сердце и пульс переставали биться». В 1931 г. могила Гоголя была вскрыта и прах перенесен на Новодевичье кладбище. Поскольку подробности этого события известны не были, родилась легенда о том, что тело Гоголя в гробу оказалось в неестественном положении, а крышка гроба была даже якобы исцарапана ногтями несчастного, пытавшегося выбраться наружу… Эта страшная картина, вызывающая в памяти легенды о вампирах не имела ничего общего с реальностью. Однако реальность была не менее интересной.

Гоголь скончался в восемь утра 21 февраля 1852 г. Вскоре после этого в дом Толстого на Никитском бульваре, где жил и умер писатель стали съезжаться врачи — консилиум был назначен на десять часов. Им не оставалось ничего другого, как констатировать смерть. Скульптор Н. Рамазанов, снимавший с лица Гоголя посмертную маску свидетельствовал о «следах разрушения», что исключает версию о летаргическом сне. 22 февраля тело Гоголя было перенесено в университетскую церковь Святой Татианы, где состоялось прощание и отпевание. Решение похоронить Гоголя на кладбище Данилова монастыря было принято в связи с тем, что здесь нашли упокоение два душевно близких писателю человека — его друг поэт Николай Михайлович Языков (1803–1846) и его сестра Екатерина Михайловна Хомякова (1817–1852), супруга славянофила, философа и поэта А. С. Хомякова. Кончина Е. М. Хомяковой погрузила Гоголя в тяжелейший душевный кризис, который стал началом его предсмертной болезни. Многолюдные похороны состоялись 24

февраля. Заупокойную службу совершил священник церкви Св. Симеона Столпника на Поварской Алексий Соколов с дьяконом Иоанном Пушкиным. Именно Соколов чаще всего навещал Гоголя во время его предсмертной болезни и соборовал его перед кончиной.

В своем завещании Гоголь просил «не ставить надо мною никакого памятника и не помышлять о таком пустяке, христианина недостойном». Воля писателя не была принята во внимание. Однако первоначальный памятник на могиле Гоголя был скромным. По распоряжению С. Т. Аксакова из Крыма была перевезена гранитная глыба, которая стала голгофой — основанием для креста.

В начале XX в. в связи с пятидесятилетием со дня кончины писателя его могила была благоустроена. Вероятно, эти работы проводились не в 1902 г., а позднее. Об этом свидетельствуют документы, находящиеся в фонде Данилова монастыря. В 1903 г. москвичи С. С. Лужин, С. Вакуров и М. М. Лихушин обратились к настоятелю Данилова монастыря архимандриту Тихону с просьбой дозволить им «привести в благоустроенный, по возможности, вид» могилу Н. В. Гоголя. Просители намеревались: «1) выровнять покосившийся памятник; 2) очистить от посторонних надписей левую сторону его; 3) позолотить медный крест и 4) обнести всю могилу железной решеткой».

Могила Н. В. Гоголя в Даниловом монастыре

Архимандрит дал свое благословение, но затем изменил это решение. В связи с этим, Лужин вновь обратился к архимандриту, уведомляя, что «представители прессы, осведомленные о приступлении мной к означенному исправлению могилы, и

теперь, уведомленные о Вашем отказе, настоятельно просят от меня открыть, по какой причине мое благое начинание имело в самом начале такой печальный конец, и желают этот интересный вопрос выяснить принципиально в печати»1. Ответа на это письмо в деле не содержится, видимо, данная инициатива заглохла, но вскоре над могилой писателя был установлен еще один памятник — плита в виде саркофага с краткой эпитафией и цитатами из Священного Писания, а могила обнесена решеткой, выполненной по проекту скульптора Н. А. Андреева. Какие-то работы по благоустройству могилы проводились и в 1909 г., когда отмечалось столетие Гоголя.

В таком виде мемориал Гоголя просуществовал до 1917 года. В 1919 г. монастырское кладбище было закрыто для захоронений, а основную часть территории обители заняли рабочие общежития, затем здесь разместилась колония для несовершеннолетних преступников. Некрополь стали постепенно разрушать. В фототеке Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А. В. Щусева сохранилась фотография могилы Гоголя, выполненная москвоведом А. Т. Лебедевым в 1928 г. На ней видно, что в это время крест на могиле писателя был уже ликвидирован, а окружающие надгробия снесены.

Общество «Старая Москва» пыталось противостоять уничтожению московских некрополей. Совместно с Губмузеем и Всероссийским союзом писателей общество создало Комитет по охране могил выдающихся деятелей на кладбищах Москвы и губернии. В 1927–1929 гг. членами этого комитета были составлены списки могил, подлежащих охране на закрытых кладбищах. В Даниловом монастыре были отмечены 30 могил, в том числе, и могилы Н. В. Гоголя, А. С. Хомякова, Н. М. Языкова. Однако такое количество охраняемых могил показалось чрезмерным Моссовету. В 1929 г. Отдел благоустройства объявил о том, что после ликвидации кладбища планируется оставить только семь памятников — Н. В. Гоголю, А. С. Хомякову, Н. М. Языкову, художнику В. Г. Перову, музыканту Н. Г. Рубинштейну, декабристам Д. И. Завалишину и В. М. Голицыну2. Но даже и эти намерения не были выполнены. Монастырский некрополь было решено уничтожить полностью. Единственной возможностью спасти захоронения стал их перенос. Забегая вперед, скажем, что с некрополя Данилова монастыря перенесли пять захоронений; могилы Завалишина и Голицына оказались утраченными.

Перенесение праха Гоголя, Языкова и Хомякова состоялось 31 мая 1931 г. Средства на проведение работ были выделены Союзом

писателей. Общее руководство осуществляла Мария Юрьевна Барановская (1902–1977), сотрудница Исторического музея, супруга реставратора П. Д. Барановского. Ей же довелось руководить и переносом других захоронений — Д. В. Веневитинова и Аксаковых с кладбища Симонова монастыря. Охраной памятников некрополя Барановская занималась и в дальнейшем. В конце 1940—начале 1950-х гг. она составила обширные списки захоронений выдающихся деятелей, погребенных на московских кладбищах, в которых зафиксированы могилы и памятники, утраченные к настоящему времени.

М. Ю. Барановская

Перенос праха великого писателя вызвал большой интерес. По различным источникам известно, что свидетелями этого события были литераторы И. Л. Сельвинский, Н. С. Ашукин, Ю. Н. Тынянов, Вс. Иванов, Л. М. Леонов, К. А. Большаков,

П. Сухотин, В. О. Стенич, москвовед П. В. Сытин; возможно, Ю. К. Олеша, В. А. Луговской, М. А. Светлов, художник А. Г. Тышлер. Посмотреть на эксгумацию собралось около 50 человек. Из них только писатель Владимир Германович Лидин (1894–1979) записал воспоминания об этом событии. Машинописный экземпляр воспоминаний, озаглавленных «Перенесение праха Гоголя» Лидин передал Борису Сергеевичу Земенкову. В правом верхнем углу первого листа рукописи стоит помета: «Борису Сергеевичу Земенкову — московскому блюстителю, — единственный экземпляр. 1 апреля 46. Вл. Лидин». В 1963 г. вдова Б. С. Земенкова Галина Леонидовна Владычина передала рукопись директору Музея истории Москвы, москвоведу и деятелю охраны памятников Льву Андреевичу Ястржембскому (1921–2000). В 1991 г. Л. А. Ястржембский опубликовал эту рукопись в альманахе «Российский архив»3, и в настоящее время она является единственным источником, свидетельствующим об этом событии. Представляется, что воспоминания Лидина заслуживают того, чтобы быть воспроизведенными в данной работе еще раз:

«Перенесение праха Гоголя

В июне 1931 года мне позвонил по телефону один из сотрудников Исторического музея4.

„Завтра на кладбище Данилова монастыря будет происходить вскрытие могилы Гоголя, — сказал он мне. — Приезжайте“.

Я поехал. Был теплый летний день. По привычке я захватил с собой фотоаппарат. Снимки, которые я сделал на кладбище, оказались единственными. Одновременно с могилой Гоголя вскрывали в этот день могилы Хомякова и Языкова; прах их тоже подлежал перенесению. Кладбище Данилова монастыря упразднялось. На территории монастыря был организован приемник для несовершеннолетних правонарушителей.

Первой была вскрыта могила Хомякова. Огромный цинковый запаянный гроб частично обветшал и распался; внутри него был второй гроб, дубовый. Его верхние доски прогнили. Вся фигура Хомякова сохранилась почти в том же виде, в каком он был

похоронен 71 год назад. Верхняя часть черепа с густой шапкой волос была цела; сохранившийся казакин или славянофильская коричневая поддевка, завершавшаяся брюками, вправленными в высокие сапоги, заключала в себе весь остов скелета. Одеяние было такой прочности и в такой сохранности, что останки подняли за плечи и ноги и целиком, ничего не нарушив, переложили в другой гроб. В изголовье Хомякова оказалась чашечка севрского фарфора с голубыми незабудками, видимо, оставшаяся после соборования. Рядом с прахом Хомякова находился и прах его жены Екатерины Михайловны, родной сестры поэта Языкова, умершей за 8 лет до смерти Хомякова. В волосах, полностью сохранившихся в виде прически, был воткнут черепаховый гребень.

От Языкова, похороненного под одним памятником с его другом и родственником Дмитрием Александровичем Валуевым, остались только разрозненные кости скелета и череп с очень здоровыми, крепкими зубами. Скелет пришлось доставать по частям, и археологу восстанавливать его в новом гробу — в анатомическом порядке.

Могилу Гоголя вскрывали почти целый день. Она оказалась на значительно большей глубине, чем обычные захоронения. Начав ее раскапывать, натолкнулись на кирпичный склеп необычайной прочности, но замурованного отверстия в нем не обнаружили; тогда стали раскапывать в поперечном направлении с таким расчетом, чтобы раскопка приходилась на восток (т. е. именно головой к востоку, по православному обряду, должен был быть предан земле покойник), и только к вечеру был обнаружен еще боковой придел склепа, через который в основной склеп и был в свое время вдвинут гроб.

Работа по вскрытию склепа затянулась, и начинались уже сумерки, когда могила была, наконец, вскрыта. Верхние доски гроба прогнили, но боковые с сохранившейся фольгой, металлическими углами и ручками и частично уцелевшим голубовато-лиловым позументом, были целы. Вот что представлял собой прах Гоголя: черепа в гробу не оказалось, и останки Гоголя начинались с шейных позвонков; весь остов скелета был заключен в хорошо сохранившийся сюртук табачного цвета; под сюртуком уцелело даже белье с костяными пуговицами; на ногах были башмаки, тоже полностью

сохранившиеся; только дратва, соединяющая подошву с верхом, прогнила на носках и кожа несколько завернулась кверху, обнажая кости стопы. Башмаки были на очень высоких каблуках, приблизительно 4–5 сантиметров, это дает безусловное основание предполагать, что Гоголь был невысокого роста. Когда и при каких обстоятельствах исчез череп Гоголя остается загадкой. При начале вскрытия могилы, на малой глубине, значительно выше склепа с замурованным гробом, был обнаружен череп, но археологи признали его принадлежавшим молодому человеку.

Прах Языкова и Хомякова мне удалось сфотографировать; останков Гоголя я, к сожалению, снять не мог, так как были уже сумерки, а на следующее утро они были перевезены на кладбище Новодевичьего монастыря, где и преданы земле. Я позволил себе взять кусок сюртука Гоголя, который впоследствии искусный переплетчик вделал в футляр для первого издания „Мертвых душ“; книга в футляре с этой реликвией находится в моей библиотеке.

Недавно, просматривая 6-й том сочинений Пушкина в издании Брокгауз-Эфрона, я натолкнулся на статью В.В. „Обнажившийся гроб Пушкина“. Мне показалось существенным оставить документальную запись о схожем событии — о перенесении праха другого великого русского писателя — Гоголя.

Вл. Лидин5».

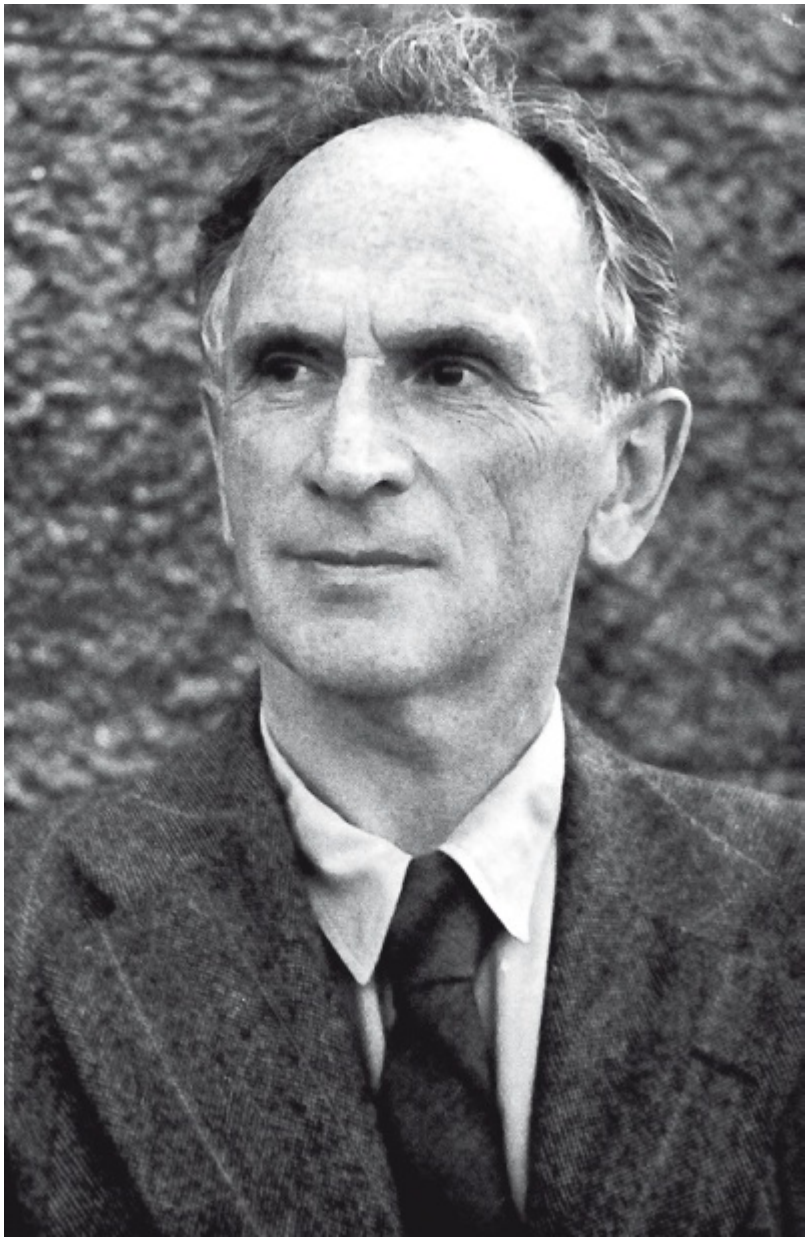
К этому тексту В. Г. Лидиным были добавлены два примечания:

«Два примечания.

1. Мне пришлось впоследствии слышать такую легенду: в 1909 году, когда при установке памятника Гоголю на Пречистенском бульваре в Москве, производилась реставрация могилы Гоголя, Бахрушин подговорил будто бы монахов Данилова монастыря добыть для него череп Гоголя и что действительно, в Бахрушинском театральном музее в Москве имеются три неизвестно кому принадлежащие черепа: один из них по предположению — череп Щепкина, другой — Гоголя, о третьем ничего не известно. Есть ли в действительности в музее такие черепа — не знаю, но легенду эту, сопровождавшую исчезновение черепа Гоголя, я слышал лично — к сожалению, не помню от кого.

2. А. С. Хомяков умер в 1860 году — 56 лет от роду; его жена Екатерина Михайловна, с которой похоронен он в общей могиле, в 1852 году. Н. М. Языков умер в 1846 году, 43 лет от роду; Дмитрий Александрович Валуев, схороненный в одной могиле с Языковым, в 1845 году — 25 лет от роду. Гоголь в 1852 году — 43 лет от роду».

Эта запись В. Г. Лидина вплоть до 1991 г. оставалась неопубликованной, и главным источником сведений об исчезновении черепа Гоголя оставались устные рассказы писателя, а, возможно, и других участников событий. В частности, рассказ Лидина о перенесении останков слышал студент Литинститута Ю. В. Алехин (впоследствии научный сотрудник Литературного музея), который спустя много лет передал его корреспонденту «Московского комсомольца» И. Кузнецову, и тот на основе услышанного написал статью6. Эффект «третьих уст» и «испорченного телефона» проявился в том, что опубликованная история уже мало походила на подлинные воспоминания Лидина, которые были изданы, кстати, годом раньше, но тогда, очевидно, еще не успели попасться на глаза ни Алехину, ни журналисту.



В. Г. Лидин

Не исключено, впрочем, что в устных рассказах Лидин излагал версию отличную от той, которую записал на бумаге. В любом случае, для дальнейшего исследования вопроса необходимо обратиться к этой публикации, осознавая ее значение уже не как исторического, а, скорее как историографического источника. Приведем выборочно несколько наиболее важных фрагментов статьи:

«За исследование вопроса взялся старший научный сотрудник Государственного литературного музея Ю. В. Алехин, который в бытность свою студентом Литинститута слышал рассказ писателя В. Г. Лидина, присутствовавшего при перезахоронении Гоголя. Вот эта история. Однажды вечером Владимиру Германовичу позвонил директор Новодевичьего кладбища: „Завтра состоится перезахоронение праха Гоголя. Не хотите ли присутствовать?“ Лидин, понятно, не отказался, и на следующий день — 31 мая 1931 года — пришел на кладбище Даниловского монастыря к могиле Гоголя <… > У могилы он встретил собратьев по перу: Вс. Иванова, В. Луговского, Ю. Олешу, М. Светлова… Их также оповестили накануне. А еще явились комсомольцы из Хамовников (директор Новодевичьего кладбища был выдвиженцем от комсомола). Не обошлось и без людей из богемы, Бог весть как прознавших о тайном перезахоронении праха. Было несколько милиционеров. Священнослужителей и убеленных сединами профессоров, что приличествовало бы событию, Владимир Германович не увидел. Всего собралось двадцать — тридцать человек.

— Гроб нашли не сразу, — вспоминал Лидин, — он оказался почему-то не там, где копали, а несколько поодаль, в стороне. А когда его извлекли из-под земли — залитый известью (залили в 1909 году), с виду крепкий, из дубовых досок, и вскрыли, то к сердечному трепету присутствующих примешалось еще… недоумение. В гробу лежал скелет с повернутым набок черепом. Объяснения этому никто не находил <… >

Прах Гоголя перевозили на подводе. За ней, хлюпая по лужам, молча шли люди. День был серый. У некоторых из сопровождавших прах в глазах светились слезы. А особенно горько плакала молоденькая сотрудница Исторического музея Мария Юрьевна Барановская, жена известного архитектора. Увидев это, один из стражей порядка сказал другому: „Гляди, вдовато как убивается!“ <… >

Прах Гоголя перезахоранивали люди в большинстве своем молодые из поколения с отсветом революции и гражданской войны на лицах, которое утратило веру в Бога и было равнодушно к прошлому, к чужой смерти. По дороге на Новодевичье прах Гоголя был разграблен: сначала куски материи, а потом ребро, берцовая кость и,

кажется, один сапог — все это потихоньку исчезло. Лидин и сам не скрывал того, что взял кусочек жилета. Эта реликвия, вставленная им в окантованный металлом переплет прижизненного издания Гоголя, навсегда сохранилась в библиотеке писателя.

Однако те, кто взял останки Гоголя, через несколько дней, договорившись между собою, изъятое за малым исключением вернули… Прикопали на могиле землею. Рассказывали, что одному из них Гоголь снился три ночи подряд — требовал вернуть свое ребро <…>»

Итак, опуская различия в деталях, которых, кстати, довольно много, принципиально важное отличие двух редакций рассказа Лидина состоит в том, что, согласно публикации И. Кузнецова, череп Гоголя в могиле присутствовал, но был лишь повернут набок. Сам журналист объясняет это вполне прозаическими причинами: «первыми подгнивают боковые, самые узкие доски гроба, крышка под тяжестью грунта начинает опускаться, давит на голову мертвеца и та поворачивается набок на так называемом „атлантовом позвонке“. Явление, кстати сказать, нередкое».

Л. А. Ястржембский

До недавнего времени воспоминания Лидина считались единственным свидетельством о перезахоронении праха Гоголя. Противоречие устной и письменной версий его рассказа (даже при учете того, что устный рассказ претерпел существенные искажения) порождало справедливый вопрос: не мог ли Лидин, будучи писателем, приукрасить свою историю, добавив в нее мистическую загадку исчезновения черепа? Сравнительно недавно, при разборе личного архива Л. А. Ястржембского было сделано любопытное открытие — нашлась запись еще одного свидетельства очевидца событий. Эти очевидцем являлась

Наталья Петровна Сытина (1916–2005), дочь известного москвоведа Петра Васильевича Сытина. С П. В. Сытиным Льва Андреевича связывали и научные интересы, и теплые дружеские отношения, и, можно предположить, ощущение преемственности — как с первым директором Музея московского городского хозяйства, превратившегося со временем в Музей истории и реконструкции г. Москвы. Такие же отношения поддерживались и с дочерью Сытина, Натальей Петровной, которая очень помогала отцу (когда в последние годы жизни у него сильно ухудшилось зрение) в подготовке третьего тома его основного труда — «Истории планировки и застройки Москвы».

Во время эксгумации праха Гоголя среди присутствовавших находился и П. В. Сытин, взявший увидеть историческое событие дочку, на тот момент пятнадцатилетнюю барышню. Мероприятие — вообще-то действительно сюрреалистическое, по сути, и страшноватое — впечатлило девушку настолько, что она в деталях и на всю жизнь запомнила, как выглядели могилы и останки, в каком порядке производились раскопки, кто собрался из известных историков и писателей, как был каждый из них одет и что делал. Теперь уже не выяснить, сама ли Наталья Петровна натолкнулась на статью И. Кузнецова в «Московском комсомольце», или, что вероятнее, ей предложил прочитать очередную небывальщину Ястржембский (обычно следивший, что пишет московская пресса на краеведческие темы) — так или иначе, у него оказались комментарии Сытиной к вышеуказанной газетной статье, и комментарии эти являются теперь вторым, помимо лидинского, свидетельством очевидца, относительно легендарного перенесения праха Гоголя. О существовании этого источника уже упоминалось в научной литературе7, но ранее он не публиковался. Приводим далее этот текст полностью:

> «Мои замечания на статью И. Кузнецова в газете „Московский комсомолец“ № 149 (16399) от 1/X 1992 г.8
>
> V-1) Не могу утверждать были ли там В. Луговской, Ю. Олеша и М. Светлов. **Точно9** знаю: были Ю. Тынянов, Л. Леонов, В. Стенич, П. Сухотин, К. Большаков.
>
> V-2) Какие комсомольцы? Несколько подростков из колонии находящейся в монастыре рыли (вскапывали) могилы. Какие люди из богемы? Собралось не 20–30 человек, а человек 50.
>
> V-3) „Гроб“ был **на том самом** месте, но захоронение оказалось на **большей** глубине, чем полагалось. Гроба как такового не было и известью ничего **не было** залито. Археологи с трудом своими

инструментами расчищали распавшийся скелет.

V-4) Черепа не было. Какой-то череп был найден на полагающейся для захоронения глубине и, т. к. скелета не было, сочли эту находку случайностью и отбросили в сторону.

V-5) Не знаю, на чем перевозили прах Гоголя (и других), **но хлюпанья по лужам не было**. День был великолепный, яркий, теплый. Все были в платьях, костюмах. Вряд ли кто-нибудь сопровождал 4 гробика с прахом10.

V-6) М. Ю. Барановская (тогда еще — Глауберман) **не плакала** и не убивалась. Во всяком случае, за гробом она не шла; мы — мой отец П. В. Сытин, я, Марья Юрьевна и писатель Большаков К. А. возвращались домой вместе на трамвае, т. к. жили близко друг от друга.

V-7) Если Гоголя везли на телеге и за ней шли „убитые“ горем люди, как могли разграбить гроб? И как это обнаружили? Открывали на Новодевичьем кладбище гроб? А к тому же: **никаких** кусков материи в захоронении **не было**, **сапог** — тоже. Были туфли на высоких наборных каблуках. Какой же кусочек жилета мог взять Лидин?? Правда, еще на кладбище говорили, что „Стенич стащил ребро Гоголя и зуб Языкова“

Н. Сытина.

2/XI-1992 г.».

Памятник Н. В. Гоголю работы Н. А. Андреева

К сожалению, запись Н. П. Сытиной является комментарием к газетному пересказу воспоминаний В. Г. Лидина, а не к ним самим. Тем не менее выявляются весьма серьезные расхождения между свидетельствами двух очевидцев. Сытина сообщает, что гроб не сохранился, Лидин же описывает боковые доски с фольгой и позументом. Согласно Сытиной, в захоронении не сохранилось никаких остатков одежды, согласно ее описанию, скелет распался, его «с трудом… расчищали» археологи. Лидин не только описывает хорошо сохранившееся одеяние Гоголя, но и сообщает, что взял из захоронения кусок сюртука. Кроме того,

Сытина ничего не говорит о склепе, и из ее записи создается впечатление, что гроб находился непосредственно под монументом.

Последнее обстоятельство имеет важное значение при решении загадочного исчезновения черепа Гоголя. Но прежде, чем перейти к этому вопросу, необходимо решить противоречие в показаниях относительно одежды Гоголя. Чьи свидетельства заслуживают большего доверия: В. Г. Лидина или Н. П. Сытиной? Происходило ли вообще «разграбление» могилы писателя, о котором с гневом рассказывал биограф Гоголя И. П. Золотусский? 11 Представляется, что при выборе более достоверного источника приоритет следует отдать воспоминаниям Н. П. Сытиной. Вполне возможно, что эпизод с сюртуком был вымышлен Лидиным. Еще менее вероятно, что из захоронения похитили кости писателя. Эксгумация была официальным мероприятием, и расхищение останков Гоголя руководители работ (прежде всего М. Ю. Барановская) не допустили бы.

При этом наиболее интригующая подробность, а именно отсутствие черепа Гоголя, содержится в воспоминаниях обоих свидетелей перезахоронения останков писателя. Этому невероятному факту несомненно должно быть объяснение. Представить себе А. А. Бахрушина или даниловских монахов похищающих под покровом ночи череп Гоголя из разрытой могилы решительно невозможно. Видимо, голова все же в захоронении была. Тогда почему и В. Г. Лидин, и Н. П. Сытина свидетельствуют о ее отсутствии? Наиболее правдоподобным может быть следующее объяснение. Гроб Гоголя был похоронен вне склепа. Его описание либо ошибка, либо вымысел Лидина, приукрасившего свой рассказ и другими, не существовавшими подробностями. Деревянный гроб, как свидетельствует Н. П. Сытина, полностью распался. Вероятно, в силу неких подвижек в почве анатомический порядок расположения останков оказался нарушен, и скелет переместился ниже, нежели череп, который и был обнаружен отдельно (об этом говориться в воспоминаниях обоих очевидцев). Письменной записи нет, но устно Н. П. Сытина передавала, что, впоследствии, именно этот череп, первоначально отброшенный в сторону, был сочтен гоголевским и захоронен вместе со скелетом. К сожалению, эта версия не имеет твердых доказательств, однако, как объяснение «загадке головы Гоголя» она более правдоподобна, нежели кощунственное вскрытие могилы, тайно произведенное монахами одного из самых известных московских монастырей. Дальнейшие разыскания могут дополнить эту гипотезу новыми доказательствами, либо, напротив, разрушить ее и подтвердить

правоту В. Г. Лидина. Так исследование комплекса монастырских могильных книг может разрешить вопрос о существовании склепа. В том случае, если будет установлено, что могила Гоголя покоилась вне склепа, вышеизложенная версия получит весомое подтверждение.

Легенда об отсутствии в захоронении головы Гоголя получила распространение вскоре после перенесения останков писателя на Новодевичье кладбище. В дневнике видного большевика А. Я. Аросева за 24 мая 1934 г. содержится следующая запись: «На днях был у Вс. Иванова, Павленко, Тихонова. Рассказывали, что отрыли прах Гоголя, Хомякова, Языкова. У Гоголя головы не нашли…» Есть даже предположение, что мотив исчезнувшей головы использовал в романе «Мастер и Маргарита» М. А. Булгаков, повествуя о похоронах Берлиоза. Сам же Булгаков оказался связан с Гоголем не менее мистической связью. Голгофа с могилы Гоголя после того как в 1951 г. был установлен новый памятник писателю поступила в мастерскую по изготовлению надгробий на Новодевичьем кладбище. Там ее обнаружила вдова М. А. Булгакова Елена Сергеевна. Она добилась того, что в 1953 г. глыба с могилы Гоголя была установлена на могиле ее мужа, продолжателя гоголевской литературной традиции. Ныне посетитель Новодевичьего кладбища на старой территории этого некрополя, на втором участке может поклониться могилам и Н. В. Гоголя и М. А. Булгакова. Напротив могилы Гоголя — захоронения А. С. Хомякова, Н. М. Языкова, С. Т. и К. С. Аксаковых и Д. В. Веневитинова12. Неподалеку, на том же втором участке, похоронен и Владимир Германович Лидин.

Примечания

1. РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 517. Лл. 1–2об.

2. *Козлов В. Ф.* Судьбы монастырских кладбищ Москвы (1920–30е гг.) // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана. М., 1991. С.52, 54, 66, 67.

3. *Лидин В. Г.* Перенесение праха Гоголя / Публ. и предисл. Л. А. Ястржембского // Российский архив: (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). М., 1991. Вып. 1. С.243–246.

4. Л. А. Ястржембский в комментариях указывал (очевидно, учитывая карандашную пометку Земенкова на машинописи Лидина), что имеется в виду М. Ю. Барановская.

5. Подпись от руки.

6. *Кузнецов И.* Гоголь приходил за своим ребром (Немыслимая история перезахоронения) // Московский комсомолец. 1992. 1 авг.

7. *Ястржембский Д. А.* Л. А. Ястржембский как участник Великой Отечественной войны и историк Москвы (По материалам личного архива) // Археографический ежегодник за 2005 год. М., 2007. С.144–145. Рукопись Н. П. Сытиной находится в архиве Д. А. Ястржембского.

8. Ошибка Н. П. Сытиной; правильно — 1 августа.

9. Подчеркнуто автором.

10. Четвертый гроб заключал в себе останки Е. М. Хомяковой.

11. См. *Соловьев Б.* Кусочек Гоголя на память // Аргументы и факты. 6 июня 2001. № 23 (413).

12. Останки Аксаковых и Веневитинова перенесены под руководством М. Ю. Барановской с уничтожавшегося некрополя Симонова монастыря.

notes

Примечания

1

В Городском историческом научно-техническом архиве при Архитектурно-планировочном управлении г. Москвы (в дальнейшем сокращенно: ГИНТА) нам удалось обнаружить план этого владения от 1831 года, по которому мы можем составить себе некоторое представление о внешности этого не дошедшего до нас мемориального памятника, связанного с именами Пушкина, Гоголя, Щепкина, Аксакова и других представителей литературно-художественной Москвы. Почти параллельно Большому Златоустинскому (ныне Большому Комсомольскому) переулку владение делилось — начале оградой, затем постройками — на две части. Часть, примыкавшая к Большому Златоустинскому переулку и занимавшая примерно треть всей площади, была под двором и под хозяйственными одно— и двухэтажными постройками. На остальной площади показан сад, в середине которого находился обращенный фасадом к Мясницкой большой дом с мезонином. По углам к нему примыкали одноэтажные небольшие строения, которые на плане уже обозначены снесенными. Снесена была и терраса с тремя сходами, соответствующая средней, «третной», части дома. В углу сада, возле Мясницкой улицы, у границы с соседним владением, находилась беседка. Два бока ее были обстроены одноэтажными флигелями. Сзади дома показано несколько строений, также частично подвергшихся сломке.

2

По словам С. Т. Аксакова, это свидание произошло в кабинете, «находившемся в мезонине… В комнате было жарко, и некоторые, в том числе и я, сидели без фраков» (С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, 1890, с. 5). Войдя во двор, мы можем видеть на боковой стене основного строения несколько окон, расположенных возле самой крыши, чем объясняется жара в этом небольшом помещении.

3

В начале XIX века это владение принадлежало П. А. Ефимовскому, родственнику и близкому приятелю популярного в те годы поэта и театрала И. М. Долгорукого. Как явствует из материалов этого владения, находящихся в ГИНТА, застройка его площади слагается при Ефимовском и сохраняется в основном до 1880-х годов. Сохранившиеся планы 1817 и 1858 годов рисуют нам это владение следующим образом: строения вдоль улицы были сдвинуты с оси несколько вправо, освобождая левый угол владения под сад или двор. В середине этого комплекса стоял одноэтажный деревянный оштукатуренный дом «покоем» в девять окон. По бокам его два деревянных же флигеля в три окна. Все нежилые постройки (сараи, конюшня, оранжерея и т. п.) были отнесены в глубь владения. Следует отметить, что в 1832 и 1833 годах в доме Загоскина жил Н. И. Надеждин, издатель московских журналов «Телескоп» и «Молва», в которых через три года появились статьи Белинского о произведениях Гоголя, сыгравшие громадную роль в творческой биографии писателя.

Это колоссальное по площади владение — около 2 гектаров — было преимущественно под садом. Дом был деревянный из бревен, поставленных стоймя и скрепленных железными обручами. Построен он был в 1814 году самим И. И. Дмитриевым по проекту архитектора А. Л. Витберга. Просуществовал до начала 1890-х годов, когда был сломан новым владельцем, С. Т. Морозовым, построившим на его месте ныне существующий громадный дом.

5

Находящиеся в ГИНТА два плана этого владения — 1822 и 1840 годов — дают возможность воссоздать его вид в гоголевское время. В 1822 году почти вся площадь этого владения была не застроена. Вдоль Брюсовского переулка не было ни одной постройки. Каменный двухэтажный жилой дом стоял в глубине двора, возле межи с владением № 23, боком к переулку, лицом во двор. За ним по самой меже имелось небольшое, тоже двухэтажное, каменное жилое строение.

Примыкая к нему, вдоль тон же межи тянулась до угла владения одноэтажная нежилая постройка — очевидно, сарай или конюшня. Такую же постройку мы видим и у межи, противоположной переулку. К 1840 году эта часть двора в значительной мере уже занята службами. В центре же двора появляется небольшое жилое «в один этаж с подвалом» строение. Так в течение двадцати лет застройка владения почти не менялась.

6

Во время свидания Гоголя с Максимовичем Ботанический сад занимал значительно большую, чем ныне, территорию. «После 1832 года часть земли по Грохольскому (№ 3–9) и Ботаническому (№ 1–15, 2, 4, 8–14–20) переулкам распродана по участкам». (Музей истории и реконструкции Москвы. Архив Н. П. Чулкова. Пачка 1, тетрадь 21, с. 59).

7

Буквально *(фр.)*.

8

Ныне это владение № 3 по Красноворотскому проезду. Площадь перед ним, занятая с 1890 года сквером, ранее именовалась Сенным рынком. К сожалению, по этому владению не сохранилось никаких архивных материалов, но наличие белокаменного фундамента, пропорции окон, особенно в дворовой части, их оформление — все это заставляет полагать, что данное строение сохранилось, хотя декорировка его и подверглась некоторым изменениям.

9

Дурной жанр *(фр.)*.

10

Благодаря любезности М. И. Погодина, внука историка, на месте показавшего нам расположение отдельных строений и зеленых насаждений, мы имеем возможность довольно детально представить себе, как оно выглядело в 1840-е годы. Оно занимало площадь нынешних территорий домов № 10 и № 12 по Погодинской улице. Почти все строения были расположены вдоль улицы на территории нынешнего дома № 12. Примерно в центре — ее находился деревянный, оштукатуренный погодинский дом, высокий каменный фундамент которого сохранился и поныне. Сам дом сгорел в 1941 году. Группа деревьев отделяла от его правого крыла флигель, в котором помещался пансион. Возле левого крыла, в котором был вход в дом, находился цветник. За ним — второй флигель, который был жилым. По бокам от этих, ныне перестроенных флигелей можно видеть сохранившиеся, интересные по своей архитектуре, каменные кладовые XVIII века. Сохранилась также известная погодинская резная изба (дань славянофильству!), построенная архитектором Никитиным в 1850-х годах. От правой кладовой по направлению к Б. Саввинскому пер. стояло еще два здания: одно — жилое, второе — занятое лавкой, в которой слушатели пансиона покупали продукты. Вдоль Б. Саввинского пер: владение Погодина доходило до нынешнего дома № 8. Эта часть владения, примыкавшая к переулку, была занята двором и службами — сараями, конюшней, каретной и т. п.

Пространство за главным домом украшала большая клумба; за которой был цвет ник, окруженный массой лип, тополей, лиственниц. Эти насаждения тянулись в направлении к нынешнему владению № 10. Сзади «избы» в окружении зелени находился большой пруд.

Площадь нынешнего владения № 10 не была застроена. Вдоль улицы шла густая липовая аллея, сворачивающая у границы с владением № 8 в глубину. Она приводила к беседке, от которой очень широкая липовая же аллея вела к пруду. В этой аллее, шедшей вдоль фасада возведенного в 1900-х годах большого здания, и происходили известные именинные обеды Гоголя.

Следует добавить, что левая — «нечетная» — сторона Погодинской улицы в эти годы не была застроена. Из окон гоголевского мезонина открывался широкий вид на Девичье поле. Громадное владение Погодина было в полном смысле этого слова загородной усадьбой.

Все это владение давно перестроено. Оно находилось на месте нынешнего дома № 27 на Смоленской-Сенной площади и выглядело следующим образом. В центре стоял большой деревянный одноэтажный жилой с антресолями дом, несколько входов в который было со двора. На некотором отступе от правого крыла дома вправо стояла небольшая, также деревянная, жилая постройка. Площадь двора, уходя внутрь квартала, значительно выступала в обе стороны за счет соседних владений. Здесь стоял также большой жилой дом в два этажа, из которых нижний был каменный. Очевидно, в нем жил владелец Требинов. Возле стояло небольшое деревянное строение — «людская». Несколько построек хозяйственного типа (конюшни, сарай и т. п.) помещалось в разных местах двора.

В глубине правой, выступающей вбок части владения стояла беседка. В 1842 году Комиссия для строений в Москве выдает разрешение на дополнительную постройку еще двух зданий (вдоль улицы), предназначенных для лавок, что в значительной мере меняет «патриархальный», «помещичий» характер застройки, отмеченный Панаевым (ГИНТА. План владения 1842 г.).

12

«Бароном» в кружке А. И. Герцена называли Н. Х. Кетчера.

13

Дом Чертковых значительно переделан (улица Кирова, № 7). Его декоративное оформление при позднейших владельцах подверглось большим изменениям. В описываемое нами время владение Чертковых занимало площадь от Фуркасовского переулка до нынешней улицы Мархлевского. Вдоль улицы шло несколько отдельных строений в один и два этажа. На месте позднейшей торговой постройки, занятой ныне магазинами, находился широкий открытый двор, в глубине которого стоял основной дом весьма строгой и простой архитектуры, в два этажа, из которых нижний был рустован.

Дом этот сохранился, но в настоящее время надстроен тремя этажами. В 1839 году лишь его центральная часть была двухэтажной. Над тремя средними окнами выступал балкон второго этажа. Правая и левая стороны постройки были в один этаж, который завершался террасами, увенчанными аркадами, держащими крышу. Террасы были заменены надстройкой второго этажа лишь в 1857 году (материалы ГИНТА). Ранее данное владение принадлежало отставному суворовскому полковнику И. И. Бенкендорфу, родственнику известного главы III отделения. У него бывали Веневитиновы, Карамзин, Херасков. С его семьей был весьма близок И. А. Крылов. Вспомним, что первые написанные им басни «Дуб и Трость» и «Разборчивая невеста» были опубликованы в «Московском зрителе» (1806 г.) с посвящением С. И. Бенкендорф. Существует предположение, что Крылов не только бывал здесь у Бенкендорфов, но, сильно нуждаясь в те годы, даже жил. Следует также отметить, что в 1813 году, после пожара Москвы, в этом доме помещался Английский клуб.

15

Дом, принадлежавший П. В. Киреевскому, сохранился. Пройти к нему можно через территорию дома № 6 по 3-му Зачатьевскому переулку, так как площадь громадного сада, некогда расположенного между самим домом и Остоженкой, занята ныне сплошной постройкой многоэтажного здания поликлиники.

16

Молодая Россия *(фр.)*.

17

М. Ф. Орлов, декабрист, член Союза благоденствия.

18

1 километр от ст. Перхушково Калининской железной дороги.

Небезынтересно, что в 1880-е годы это владение принадлежало брату известного путешественника В. М. Пржевальскому.

20

Усадьба Поречье, находящаяся за Можайском, принадлежала министру народного просвещения, известному реакционеру С. С. Уварову. Частыми гостями Уварова в Поречье были Погодин и Шевырев. В «Москвитянине» они поместили несколько заметок, идиллически воспевающих Поречье и его владельца.

21

Экспромта *(фр.)*.

22

Впоследствии граф, беспощадный усмиритель польского восстания 1863 года, за что получил прозвище Муравьев Вешатель.

23

«Мой дорогой, представляю тебе знаменитого Гоголя, писателя» *(фр.)*.

Бесцеремонность *(фр.)*.

25

Дом, где нашел свой последний приют Гоголь, подвергся существенным перестройкам именно в той его части, где жил писатель. Уже внешний осмотр убеждает нас, что боковая сторона дома, выходящая на бульвар и углубляющаяся — включая второе окно по фасаду — во двор, значительно разнится своей архитектурной обработкой от его остальной части. На планах этого владения 1802 и 1806 годов, обнаруженных нами Городском историческом научно-техническом архиве, она отсутствует. Точную дату появления пристройки определить нельзя, так как на первом плане, где она появляется, отсутствуют последние две цифры года. Следующий план датирован 1822 годом. Экспликация к плану владения 1857 года гласит, что нижний этаж (где жил и умер Гоголь) был каменный, а верх деревянный. Из приложенного к этому плану чертежа бокового, торцового, фасада, выходящего на бульвар, видно, что первый этаж был рустован, а над окнами были «замки». Окна второго этажа были прямыми, простенки между ними были разбиты ионическими пилястрами. Верх заканчивался не существующим ныне фронтоном. В 1870 году владельцу было выдано разрешение второй деревянный этаж «заменить каменным, не изменяя фасада». Очевидно, оно не было использовано, так как в 1876 году новый владелец вновь получает его. К разрешению приложен чертеж наново переделываемого фасада. Вид его соответствует ныне существующему, с той лишь разницей, что ни одно из окон второго этажа не было заложено. Наиболее капитальным изменениям подверглась эта часть строения в 1889 году, когда было разрешено переставить комнатные перегородки, «переделать деревянную лестницу, служащую для внутреннего сообщения между вторым и первым этажами, и во. втором этаже заложить кирпичом на цементе три окна… в обоих этажах переделать голландские печи». Так сложился современный вид этого крупнейшего мемориального памятника Москвы.

26

Усадьба Остафьево находится в 4 километрах от станции Щербинка Московско-Курско-Донбасской железной дороги.

Владение это подвергалось многократным перестройкам. Первоначально здесь помещалась гостиница Копа, где в 1830 году жил Пушкин, упомянувший ее в одном из вариантов «Домика в Коломне». В 1836 году, продав собственный дом, в ней поселился недруг Гоголя — Толстой Американец. Осенью 1839 года здесь останавливается И. И. Панаев и проходят последние сборы Белинского перед их совместным с Панаевым отъездом в Петербург. В апреле 1840 года было дано разрешение на капитальную перестройку всего владения, очевидно, в связи с открытием гостиницы «Дрезден». До этого застройка выглядела следующим образом. Вдоль нынешней улицы Горького, заворачивая боковой частью на площадь, стояла трехэтажная постройка, украшенная скульптурными карнизами, с рустованным нижним этажом. К ней вдоль площади примыкало одноэтажное строение, занимавшее примерно половину остающегося пространства. Все это заключалось двумя двухэтажными постройками, из которых последняя несколько выступала на площадь тротуара. Проведенная реконструкция коснулась главным образом строений, расположенных вдоль площади. Все они, за исключением углового, перестраиваются в единое здание, симметричное и доведенное до двух этажей. Во всех постройках абсолютно меняется декоративное убранство (ГИНТА). В таком виде здание просуществовало до 1874 года, когда было получено вновь разрешение на его перестройку.

28

1,5 километра от станции Голицыне Калининской железной дороги.

29

Музей-усадьба Абрамцево находится в 1,5 километра от платформы «57й километр» Северной железной дороги.

30

Музей-усадьба Мураново находится в 4,5 километра от станции Ашукинская Северной железной дороги.

31

Владение Высоцкого было сквозным, оно выходило в Большой Афанасьевский и Филипповский переулки. Застройка его сложилась уже в конце 1830-х годов. Вдоль Большого Афанасьевского переулка стояли с небольшими разрывами три строения: каменный жилой в три этажа дом, деревянный жилой с мезонином на каменном этаже и нежилой двухэтажный деревянный. Нежилые хозяйственные постройки, каменные и деревянные, располагались вдоль границ с соседними участками, освобождая от застройки середину двора. Вдоль Филипповского переулка в правом углу владения стоял жилой на каменном фундаменте дом; разрешение на его постройку было получено в феврале 1850 года. Следовательно, в нем Аксаковы жить не могли, так как они въехали во владение Высоцкого в конце 1849 года. Отступя от него, находился, также на каменном фундаменте, довольно большой по площади деревянный с мезонином жилой дом. Он уже обозначен на плане владения 1823 года (ГИНТА). Очевидно, здесь и жили Аксаковы, так как вся их переписка адресуется на Филипповский, а не на Большой Афанасьевский переулок. Все эти постройки ныне не сохранились. Бывшее владение Высоцкого в настоящее время имеет нумерацию: по Филипповскому переулку — № 9, по Большому Афанасьевскому переулку — № 22.

32

Первоначально комедия называлась «Банкрут»; название было изменено по требованию цензуры.

5 километров от станции Воскресенск Московско-Рязанской железной дороги.

34

Композитор А. Н. Верстовский в эти годы исполнял должность управляющего конторой московских театров, почему и имел в них казенную ложу.

35

Небезынтересно отметить, что это владение ранее принадлежало отцу близкой знакомой Гоголя А. П. Елагиной — П. Н. Юшкову. По обычаю того времени семейство Юшковых проводило в Москве лишь зимние месяцы. Дом их нередко посещался Н. М. Карамзиным, бывшим по первой своей жене в дальних родственных отношениях с Юшковыми.

36

Площадь, занятая ныне домом № 4 по улице Вахтангова, сложилась из четырех владений. Часть, принадлежавшая коллежской ассесорше П. А. Серединской, соседствовала с нынешним домом № 2. Вдоль переулка она доходила примерно до середины нынешнего дома № 4, уходя вытянутым неправильным прямоугольником в глубину. Вдоль переулка стояло небольшое деревянное строение. В конце двора в виде буквы «П», обращенной основанием к переулку, стоял флигель, занимаемый Аксаковыми. Остальная часть, примыкавшая к нынешнему дому № 6, состояла из трех самостоятельных владений с мелкой деревянной застройкой, расположенных от переулка одно за другим.

37

Перечень домов, связанных с Гоголем в Москве, дан по современным названиям улиц и переулков, расположенных в алфавитном порядке. В случаях переименования дореволюционное название приводится в скобках. Если дом не сохранился или существенно перестроен, это также отмечается в скобках. В тех случаях, когда мы не имеем прямых свидетельств о посещении Гоголем данного дома, он отмечен звездочкой.